

10
1970

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

Литературно-художественный
научно - популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания тринадцатый

В Н О М Е Р Е

Г. Голышев ШАТУН. Приключенческая повесть	2
Л. Голубев МАЛЕНЬКИЙ АДЪЮТАНТ	22
Б. Рябинин Я — ГВАРДИЯ	24
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	32
КРЫЛОТОЙ ДУШИ ЧЕЛОВЕК. На приз на- шего журнала	33
Б. Марьев СТИХИ	36
Г. Воронов ШКАТУЛКА СЕВЕРНЫХ СОКРОВИЩ	38
Г. Сенников МАШКА. Рассказ	41
А. Тумбасов ГОРОДА НА ДНЕ МОРСКОМ	46
В. Белов ОКО ДЕЛЬФИНА	51
С. Попов ИСТОРИЯ СЕРЕБРЯНОЙ ПЛАСТИНКИ	58
М. Кулехов ОТЕЦ. Очерк	60
А. Хлебников ИКАР В ОФСАЙДЕ. Фантастический рассказ	66
В. Брабич МОНЕТЫ РАССКАЗЫВАЮТ	70
Н. Яковлев ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	73
В. Житников НАШ РОДИЧ	73
В. Губин, И. Чебаненко ПРОДАННЫЙ... АППЕТИТ	76
Р. Малышев КАК СДЕЛАТЬ ЧУЧЕЛО ПТИЦЫ	78

Обложка В. Воловича и С. Киприна

На второй странице обложки фото И. Тюфякова

У Р А Л Ъ С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т
10
1970

Шабун

Геннадий
ГОЛЫШЕВ

Рисунки
Н. Мооса

Приключенческая повесть

С Л У Ж Е Б Н А Я

417 12 23 1450

ДЕСЯТОГО НОЯБРЯ ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ ВЕРЬ
СОСНОВСКОГО ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА КОЛДИН
ОПЕРУПолномоченный САВЕЛЬЕВ-

Дальний путь

...Утренний пригородный поезд, задорно по-
пыхая, пронзительно свистя на поворотах, бой-
ко бежал по старой лесовозной дороге. Из окна
вагона, подернутого легкой изморозью, прогля-
дывала дремучая сихотэ-алинская тайга. Крутые
сопки, поросшие высокими кедрами и пихточом,
густо синели вдаль, как огромные волны внезап-
но застывшего моря.

Обильная кухта, укрывшая деревья, жи-
вописно свисала с веток. Внезапно Дмитрию
Касьянову открылся уголок тайги: молодой кедр,
засыпанный снегом, походил на избушку на
курьей ножке, потом мелькнула ель — на ветви
ее снег намел подобие затаившейся рыси; тут
же показалось что-то похожее на сову, зайца,
медведя...

На какое-то время, прильнув к окну, Дмит-
рий забыл о своем задании.

2 Впрочем, сейчас в нем трудно и признать
работника милиции. Он обут в добротные ичи-

ги, сшитые из изюбриной кожи, крутые плечи
облегают суконная куртка, скроенная из армей-
ской шинели, между ног в зеленом чехле —
новенький охотничий карабин. В походном рюкза-
ке — белый маскировочный костюм, теплые
рукавицы, пара белья, меховой спальный мешок
и немало других вещей, которые могли приго-
диться в странствованиях по тайге. Смущало
лишь то, что тайгу Дмитрий знал плохо, а сле-
довало полагаться на самого себя: тут никакой
язык до Киева не доведет, просто, может быть,
и спрашивать будет некого. Дмитрий рассчиты-
вал на помощь старика-пасечника, рекомендо-
ванного ему, но того могло в эту пору не ока-
заться дома.

С надеждой посматривал он на собаку-лайку
Марса, крупного, с гладкой белой шерстью пса,
купленного им у соседа, хорошего охотника, не-
задолго до поездки. Сосед переселился с
семьей в Псков, а на прощание продал ему
Марса за сорок рублей. Он уверял, что эту со-
баку никогда бы не оставил, если бы милиция и
железнодорожная инспекция не чинили препят-
ствий к перевозке собак.

У Марса умные глаза, хвост кренделем, сильные крупные лапы, влажный черный нос. Марса воспитали в тайге, он знал охоту и, по рассказам бывшего своего хозяина, не боялся медведя и останавливал кабана. Касьянов не взял с собой служебную собаку из питомника потому, что по опыту знал: овчарки на морозном снегу быстро теряют след, они прихотливы в пище, привыкают к своему постоянному проводнику, трудно уживаются с чужим. Марс же скоро привык к Дмитрию.

Сейчас пес лежал спокойно под скамейкой, изредка ворча и пытаясь стянуть лапами новый кожаный намордник. Потом, убедившись в бесполезности этого занятия, он вытянул лапы, положил на них морду и, изредка повизгивая, смотрел свои собачьи сны.

В купе, кроме Касьянова и Марса, никого не было. Старший лейтенант достал фотографию и еще раз внимательно взгляделся в лицо человека, судьбу которого ему предстояло выяснить. На фотокарточке, взятой из личного дела егеря, был запечатлен мужчина с лысиной; на губах, в прищуре светлых глаз — едва заметная усмешка, словно Колядин сомневался, стоит ли фотографироваться, да еще по такому пустяковому делу, как поступление на работу. Длинный, неправильной формы нос. Резкие складки у рта. И хотя Касьянов не привык доверять внешности, предпочитал факты, он все-таки невольно почувствовал упорную, неломкую силу человека, глядевшего на него с фотографии.

Из краткой автобиографии Колядина он узнал, что Василий Никифорович родился в селе Сосновка Хабаровского края в 1909 году, русский. В канун Великой Отечественной войны закончил пехотное училище и в звании лейтенанта ушел на фронт. Там вступил в партию. Был дважды тяжело ранен и списан еще до окончания военных действий в чистую уже как капитан запаса. В последние годы работал по месту жительства егерем Сосновского охотничьего хозяйства. Женат, есть дочь.

И этот человек, судя по всему, с богатым житейским и военным опытом, пропал, исчез в сихотэ-алинской тайге, как иголка в стогу сена.

Оперуполномоченный Савельев в своей телеграмме, а позже в докладной сообщал, что еще по чернотропу 10 ноября егерь Колядин ушел в тайгу, якобы для учета кабанов, и с тех пор в свой дом не явился. И хотя он, Савельев, сам прочесал всю тайгу вокруг, никаких следов Колядина не обнаружил, хотя поиски облегчались тем, что выпала первая пороша. Он предполагал, что егерь заблудился в метель и где-либо бедствует, если уже не погиб, ибо зимой в тайге неизвестно как можно прокормиться. Он просил послать вертолет или, что еще лучше, организовать хорошую поисковую группу.

Касьянов развернул карту центрального района Сихотэ-Алиня. Сосновское охотничье хозяйство занимало самый дальний участок на границе Хабаровского и Приморского краев. И самое неприятное, в этом районе, как нигде, — сплошные «белые пятна». На сотни километров тянулась безлюдная горная тайга, и в ней, судя по отметкам, даже не велись еще и лесные разработки. Значит, там нет лесовозных волоков. Всего одна пасека и редкие, разбросанные на десятки километров друг от друга временные охотничьи избушки условно обозначались на карте. Но и этим данным полностью верить

нельзя. Места промысла каждый год менялись. И у заблудившегося, как известно, одна дорога, а у того, кто ищет, их тысяча.

— Я понимаю, с тайгой вы мало знакомы, — сказал ему начальник отдела на прощание. — Но, кроме вас, сейчас послать некого. В вашем распоряжении будет Савельев. Он медвежатник, хороший охотник. Но советую прежде всего познакомиться со стариком пчеловодом Кочегаровым, соседом егеря по тайге. Говорят, он хорошо знает лес. К нему прислушайтесь, но и сами голову не теряйте.

Касьянов понимал, какая трудная задача перед ним. Он уже знал: вертолет, посланный на розыски пропавшего, никакого сигнального костра или бивака в радиусе шестидесяти километров по центральному Сихотэ-Алиню не обнаружил. Вертолетчик видел только какое-то заброшенное селение с полуразрушившимися избами в верховьях реки Тайменки, но и там после недавней метели искрился на солнце девственный снег, кое-где испещренный следами кабанов и изюбрей да колонковыми и беличьими строчками.

Рано утром Касьянов появился на пасеке Кочегарова. Из осторожности Дмитрий выдал себя за простого охотника: захотелось, дескать, ему — отпускнику — дня три побродить по сопкам за козами.

— Что ж, дело хорошее, — похвалил его Степан Кочегаров, гостеприимно приглашая к столу. — Попей чайку, отдохни — дорога-то, небось, сюда неблизкая...

Дмитрий присел, не раздеваясь, извинился: — Спасибо. Но только я хочу поскорее егерю показаться. Он-то уж подскажет, куда лучше пойти за козой. Да и путевку, лицензию ему надо представить. А то еще за браконьера посчитают...

— Так-то оно так, — согласился старик, приглядываясь к новенькому карабину Дмитрия. — А только егеря ты сейчас не найдешь.

— Куда ж он подевался? — спросил Дмитрий.

— Ходил я туда — хоромина его на замке, и даже Рекса нигде не видать. Как сквозь землю провалились, — хмуро ответил Кочегаров. Махнул рукой, подошел к верстаку, который был тут же в кухне, и принялся мастерить рамки для своих улейков. Свежая пахучая стружка кружевами сыпалась на его валенки. Помолчав, добавил:

— Жена-то его к дочери в город еще до снегу уехала, а Марфа уже года три как в внучкой живет. Но он в город не проходит — следа нет. Да и не было случая, чтобы он, идя в город, меня миновал. Такой уж у нас обычай...

— Что ж мне делать? — вздохнул Дмитрий. — Хоть возвращайся. А может, несчастье какое с ним?

— И-и, парень. Для тайги и две недели — не срок! — возразил старик, откладывая в сторону рубанок и рассматривая готовую рамку. — Бывало, в старину, уйдет охотник на месяц — ни слуху, ни духу. А потом явится, соболями тряхнет. Охота, брат, времени требует!

— Зимой трудно ночлег найти, — сказал Дмитрий.

— Кому как. Ты-то уж должен знать, коли охотишься.

— Три года всего охочусь. Опыта мало.

— То-то. А Васька не таковский, чтобы за- просто в тайге сгинуть. Он тут родился и вырос.

Для него лес, что для щуки река. Наверно, он в Тигровую падь подался. Избушка там стоит, зверь водится. Вот и живет, кабана считает.

— Может, сходим туда с вами, а? — спросил Дмитрий. — Столько я ждал отпуска...

— Да куда ж ты пойдешь? — искренне удивился Кочегаров. — Неужто не видишь, скоро метель пометет. Вон, глянь-кося в окно, все сопки замарило. Сильная пурга будет, все кости у меня ноют. Но, в общем, и я хочу Ваську поискать, — добавил старик. — Неровен час... А вдвоем-то сподручней...

Касьянов подумал и решил, что, пожалуй, старик прав — идти надо вдвоем, и туда, где всего вероятнее можно встретить если не егеря, то хотя бы следы его.

Целый день Дмитрий лазил по ближним сопкам с Марсом, знакомясь с местностью. А под вечер и вправду разыгралась метель, да такая свирепая, что скоро Дмитрий не видел уже ничего и в двух шагах. Если бы не Марс, пришлось бы, наверно, старику Кочегарову искать в тайге не только егеря, но и своего гостя.

Поздним вечером, залеленный с ног до головы снегом, замерзший, ввалился Дмитрий в дом пасечника.

— Ну и ну, — обеспокоенно сказал старик и указал на печь. — Ложись, пропотей. К утру, слава богу, отойдешь. На вот, натри грудь нутряным салом.

Он не спрашивал ни о чем — и так все было для него ясно.

Дмитрий напился чаю и, лежа на горячей печи под шубой, злился на метель, которая яростно, дико гудела в трубе, хороня всякую надежду на успешные поиски.

На другой день буран стал еще сильнее. Снег валил густо, хлопьями. Хозяин дома после завтрака вновь принялся мастерить рамки и, будучи человеком словоохотливым, весьма довольный покорным слушателем, молчаливо взиравшим на его работу, рассказывал о своем таежном соседе Василии Колядине.

— И то сказать, из одной деревни мы, из Сосновки, односельчане, значит. Не слыхал про Сосновку?.. Да, знал бы ты про Васькину жизнь, — качал старик головой. — Нарочно не придумаешь... Ну взять хотя бы то, что был он эввсе не Васькой, а Прохором, Прошкой... Да, помотала его судьба...

Прошка-Васенька

На исходе марта холода спали, и по увалам, на крутых боках оврагов густо запарила земля. В затишных местах, словно живой, заструился воздух, разносил пряные запахи гнилых пней и старых почерневших валежин. Пронзительнее, светлее стало в березовых рощах, зазеленели набрякшие влагой моховые болота. Небо поднялось выше, заголубело и, веселое, заполненное легкими, перистыми облаками, простроченное невидимыми журавлиными тропками, разыгралось, как ребенок колокольчиком, серебряной песней жаворонка.

Весна...

Прошка бодро шагал за дедом Афанасием, стараясь не отстать. В теплой беличьей шубке, в заячьей шапке и легких ичихах, Прошка неуклюже переваливался через встречные валежины. Но,

пыхтя и сопя, все-таки шел и шел, совсем не чувствуя усталости.

Впрочем, поспевать за дедом не так уж и трудно. Афанасий хром — одна его нога с самого детства осталась короче другой. А еще — Прошка и не догадывался об этом — дед нарочно не спешил, слыша за своей спиной сопенье и вздохи.

Высоко над путниками шумели старые ели, но тут, на тропе, было тихо и спокойно. Прошка остановился, задрал голову, глянул вверх, где гулял ветер, но ничего, кроме зыбкой зеленой стены, не увидел. А шапка свалилась и покати-лась по косогору к ручью. Прошка побежал за нею, но споткнулся и растянулся на сугробе.

Афанасий присел на черную корягу и достал кисет. Прошка полежал на жестком колющем снегу, но дед так и не подошел, чтобы помочь встать. Наоборот, он неторопливо сунул пальцы в синий залатанный кисет, достал табак, свернул сигарку, потом стукнул кресалом, запалил трут и закурил.

Прошка даже обиделся: дома дед всегда помогал ему во всем, а тут... Прошка хныкнул, даже потер один глаз, кося другим на деда, но тот спокойно рассматривал на сосне пестрого дятла — желну и совсем не замечал внука.

Прошка посучил ногами и, наконец, встал. Сердито сопя, он схватил шапку, нахлобучил ее на самые уши и тихонько подошел к деду. Афанасий, словно только сейчас заметил его, повернулся и прогнусавил:

— Ну, пойдешь дальше, охотник? Или домой вернемся?

Прошка промолчал. Вот гунявый дед! У всех в Сосновке деды как деды, а у него хромой да гунявый. «Вон Гунявый идет!» — крикнет, бывало, кто-нибудь из деревенских мальчишек. Прошка в драку лез, обижался, но сейчас он был очень сердит на деда и даже подумал, что так ему и надо.

Наверное, Афанасий не догадывался, о чем думал внук, иначе бы он не сказал спокойно:

— Ты, Прошка, завсегда сам вставай, коли свалишься. Не малой уже. И-и, тайга не балует тех, кто падает.

Вот за это Прошка уважает деда: он никогда не скажет, что Прошка малой. Не то, что другие... И какой же он, Прошка, малой? На охоту с дедом ходит. Правда, сегодня в первый раз, но все-таки. Иван-то Соколовский дома, небось, на печи сидит, а Прошка в самую тайгу забрался. Отсюда ни одной избы сосновской не видно.

Прошка шмыгнул носом и спросил:

— Дед, а почему тайга не любит, когда падают, а?

Афанасий нахмурился, словно внук сказал что-то нехорошее.

— На то она и тайга. Тут смотри в оба...

Прошка и смотрит в оба. Вот они — оба глаза! А ничего все равно не видно — одни деревья. В Сосновке все время долдонят: «Тайга, она, брат, не милует! Тайга — она и есть тайга...» И дед о том же.

Прошка насулил, оттопырил розовую нижнюю губу и нарочно сказал, чтобы удивить деда:

— А я знаю, что такое тайга... Понял? Вот!

— Ну!?

— Знаю!

— Скажи, коли знаешь. А я послушаю, — ощерил Афанасий в ухмылке сухой впалый рот.

— Тайга — это... во, сколько деревьев! —

выпалил Прошка, широко разведя руками. Дед силпло засмеялся, хлопнул его по плечу корявой и твердой, как лопа-та, ладонью.

— Дурачок ты еще, Прошка! Ох, дурачок...

Потом вздохнул, прижал окурок огромными броднями, поправил за спиной ружье и, кряхтя, встал с коряги.

— Охо-хо-о!..

Но Прошке такой конец спора не понравился.

— А почему, где нет деревьев, там не тайга, а? — спросил, потирая варежкой лоб. — Почему, а?

— Это где же нет де-реьев?

— А вот сам ты рань-ше говорил: «Пойдем, Прошка, на покос!», «Пойдем на речку», «Пойдем на болото...» А вовсе не в тайгу. Вот. А когда идут в тайгу, там всегда деревья.

— Ишь, какой настыр-ный! — удивился Афанасий. Выцветшие, бледно-зеленые глаза его выра-зили полное удивле-ние. — Однако выйдет из тебя прок, Прошка!

— А что такое прок?

— Ну, прок... Прош-ка — все равно.

— А куда я выйду?

— Фу ты, господи,— изумился Афанасий. — Заговорил совсем! За-помни: и речка, и покос, и болото, и все птицы, и звери, и деревья — все это в тайге. Тут все кругом тайга — и нет ей кон-ца и краю. Понял?..

Афанасий зашагал при-храмывая. В такт его шагам колыхалось за спи-ной старое ружье и похрустывал ледок под но-гами. Полушубок у деда с рыжим воротником, а лицо красное, все в морщинах, как сосновая кора. Высокий, сутулый, перепоясанный патрон-ташем, он все-таки очень хороший, хотя хромой и гунявый. В груди у него всегда что-то тихонько гудит, и когда Прошка прижимается к деду на печи, то кажется Прошке, что там, в груди у деда, спрятался кто-то и играет на тоненькой дудочке.

Прошка спросил однажды бабушку Фетинью, что у деда гудит, но так и не узнал. Бабка до-ставала ухватом чугуна со щами, озлилась и защи-пела, как сало на сковородке.

— Ни черта ему, треклятому, не сделается! Гудит и гудит. Он, варнак хромой, тебя еще переживет. Нет ему погибели, гунявому бесу...

А поставив горячий чугуна на стол и припавив скатерть, запричитала:

— Господи! Что же это, а?! Вон пошел, Прош-ка. Бубнишь под руку, шельмец! Владыко небес-ный, прости наши прегрешения... Скатерть-то но-вая! Ах ты, господи...

Прошка тогда ничего не понял и больше ее не спрашивал. Вечно эта бабка Фетинья ругает деда. А за что? С ним-то всегда поговорить мож-но: он все понимает! А бабка — злая она. И его, Прошку, не любит. Всегда орет: «Куда сел?», «За-чем кошке чистый ковш дал?!» Все ей не так. Сегодня собирались на охоту, так она кричала, что не отпустит Прошку в тайгу. А когда они с дедом все-таки пошли, то ругалась вдогонку:

— Чтоб вы там сгибли, треклятые! Чтоб вам там медведь головы поотрывал. Чтоб вы, мучи-тели, в болоте утопли!..

Злая бабка. Нет, лучше о ней не вспоминать: сразу скучно стало.

— Дед, а дед! — позвал Прошка, шлепая за ним по следу.

— Чего тебе?

— А медведь нам головы поотрывает, да?

— Типун тебе на язык! С чего ты взял? — за-
беспокоился Афанасий и даже приостановился.
Но тут же, что-то вспомнив, улыбнулся и дотро-
нулся до ружья. — А это видишь? Мы ка-ак паль-
нем — и медведю каюк. Ты не бойся — мишки
тут нет. Ни следов, ни берлог. Я знаю.

Прошка успокоился и стал с любопытством
озираться кругом. Солнце ему с тропы не видно,
оно пряталось где-то в сосновой чаще. И там,
где оно пряталось, было темно до синевы. Зато
другая сторона лога, по которому они сейчас
шли, горела ровным багровым пламенем.

Вечерело.

По бокам лога мерцали проталины с жем-
чужной бахромой льда, и прямо у льда тянулись
к солнцу тонкие стебельки зеленой черемши. Вер-
ховой ветер стряхивал с сосен снежную зимнюю
пыль, а устав, прошумел по сухой прошлогодней
траве, улетел вниз по логу к моховым болотам,
и сильно вдруг запахло смолой.

Прошка всей грудью вдыхал вкусный, как
мед, воздух и радовался. Хорошо на охоте! Не
то, что сидеть на жаркой противной печке. По-
теешь, сон одолевает, да из щелей и трещин вы-
ползают черные тараканы с длинными усами.

Задумался Прошка, чуть не сунулся в ноги
к деду Афанасию, который остановился у буре-
лома.

— Вот и пришли, Прошка! — услышал он
сиплый голос деда. — Тут вот, в этой ямине, и но-
чевать сподручно. До глухариного тока — рукой
подать. Вон оно — моховое-то болото!..

Прошка посмотрел туда, но ничего, кроме
густой синевы сумерек да ближних кустов мож-
жевельника, не увидел. Афанасий с облегчением
сбросил с плеч крошши — заплочную плетенку,
повесил ружье на сучок замшелой елки и при-
слушался. Из чащи донесся глухой звук, словно
кто-то невидимый легонько стукнул молотком по
бочонку:

— Да!

Прошка вытаращил глаза и вздрогнул.
А дед высоко поднял палец вверх, призывая
молчать.

— Тэ-ке! Тэ-ке... Тэ-ке! — посыпались откуда-
то сверху тихие прищелкивания. А потом они раз-
зом оборвались, и по тайге страстно пронес-
лось: — Ч-шии! Ч-шии!..

Прошка невольно вспомнил: точно так звенел
нож, который дед точил на брусочке перед охо-
той.

— Ширкает... — прошептал Афанасий, весь
какой-то торжественный, возбужденный. — Точит!
Ах ты, боже мой... Сейчас мы его, старого петуха...
— Дед потянулся к ружью, но раздалось
резкое хлопанье крыльев, и крупная темная пи-
ца, шумно сорвавшись с вершины сосны, стреми-
тельной тенью исчезла в чащобе.

— Ну, ничего, — спокойно сказал Афанасий, —
сейчас и стрелять-то ни к чему. Только утреннюю
зорьку испортишь. А хар-рош был петух!

Прошка смотрел на деда во все глаза и не
понимал — почему «петух»? Петухи кукарекают,
а этот — точил!

Дед наломал сухих веточек с дерева и ку-
стов, натесал от комля кедра щепок, раздул трут,
и веселый огонек скоро загудел на дне ямы.
Афанасий подбросил сучков потолще, стало так
тепло, что Прошка не вытерпел и расстегнул во-
ротник шубки. Бойко забулькал в чайнике кипя-

ток, и легкий пар вместе с дымом полетел к тем-
ному звездному небу.

— Пихту и елку в костер не клади, — сказал
дед, разливая по железным кружкам чай, терпко
запахший лимонником. — От этих елок искры
здорово летят...

Прошка сильно дул в кружку, слушая деда,
и его щеки надувались, как два гриба-боровика.
От чаю по телу разлилась приятная истома.

— Сильный глухарь был, однако, — говорил
дед. — Точил что надо.

«Значит, петух — это глухарь», — соображал
Прошка. И хотя веки его слипались, словно их
густо намазали смолой, он все-таки старательно
вслушивался. Ухо его улавливало даже неясные
шорохи в густой гриве сосны, и он догадывался,
что это какие-то птички устраиваются на ночлег
и тихонько, чтобы не мешать им с дедом, попис-
кивают. Незаметно Прошка уснул, сморенный
теплом, и уже не слышал, как дед, покрутившись
у костра, положил на желтые угли две сухие чур-
ки, затесал их, сверху третью и бубнил про себя:

— Вот и охотничье корыто готово! И нодьи
не надо... Ни к чему на одну ночь нодью...

Лицо у Афанасия веселое, видно, старик
давно ждал такого дня. Никогда у него не было
сына. Как тосковал он на промысле, месяцами
живя в охотничьем зимовье, по верному, родно-
му человеку, который был бы всегда рядом с
ним. Зато теперь хорошо, теперь с Прошкой по-
ходит по тайге. Походит... Правда, Прошка — не
родной внук. Вспомнив об этом, Афанасий по-
мрачнел. Экая судьба привередливая. Одному
она — и пух, и пышки, а другому — камни да
шишки. Взять того же Степку долгоносого... Жил
человек как человек. Работящий, азартный —
страсть! А что вышло? Пошел косить сено, коса
за спиной. На мосток вышел, глядь — а там, в
чистой водяной яме, на камнях — таймень жи-
рует. Да здоровущий. Экая уха! Хвать со всей
силой черенком — и свою голову развалил. Вот-
те и уха!.. Не подумал, бедолага, что коса, а не
палка на плечах. Сам для себя смерть наточил.
Охо-хо!.. Вот тебе и азарт. На виду у всей
Сосновки сгинул... Страсти людские! От них
вся беда. От них и не знает человек своей
судьбы.

Афанасий вздохнул, придвинул ноги поближе
к костру, глянул на спящего Прошку и прошеп-
тал: «А ить вылитый Степан...» Да, не повезло
парнишке! Дальше — больше: кто возьмет Насть-
ку замуж с детьми? Ну, помогли, кто чем. По-
мыкалась баба год-другой, а что толку? Туда-
сюда — хоть разорвись. А главное, Настька к ле-
су была не приучена. Как привез ее Степан с
городу — невестушку красную, так и осталась
она без разума, вроде Прошки. Во двор боя-
лась выйти. А как Степана не стало, тут уж по-
неволе за ум взялась... Да где там! Ушла раз в
тайгу за дровами зимой — ну и поминай, как
звали... Не вернулась. Нашли ее весной в Волчь-
ем логу. Заблудилась или замерзла — тайгу не
спросишь. Она ничего не ответит, тайга.

— Охр-р, матушки-светы! — вздохнул Афа-
насий от нелегких дум, вспоминая, как Фетинья ру-
галась, когда он привел Прошку в свою избу...
Конечно, можно было бы отвезти его в город,
определить мальчонку в сиротский дом, но за-
чем, ежели он, Афанасий, и сам его вырастит и
на ноги поставит? Все будет, как у людей, — и на-
кормлен, и присмотрен. А Фетинья что: посер-
дилась денек-другой, а потом ничего — приобвык-

ла. Сердце не камень, отходчивое. Прошка поначалу похныкал, а потом поверил, что ни мамки, ни папки у него не было и нашли его в тайге, когда девки за грибами ходили. Н-да. А избу Степана разбирать не стали. Пусть стоит. Ночуют там пришлые охотники, ну еще девки молодые на посиделки собираются. И хорошо это. Прибирают там, следят, чтоб порядок... Песни поют. А вырастет Прошка — и дом ему готов, отцом срублен. Помянет батьку добрым словом.

Афанасий развязал крошнн, развернул одеяло и накрыл им внука с головой. Посмотрел на небо далекое, смурное и заметил с краю, между лохматых лап сосны, медный серп месяца, а рядом — маленькую, яркую звездочку. И что-то знакомое он уловил в их близком соседстве. Месяц словно тянул за собой звездочку, она тоже не отставала от него, и Афанасий подумал, что вот и они с Прошкой будут теперь ходить по тайге так же, и никто их не разлучит, кроме смерти.

В деревеньке Сосновке и началось таежное образование Прошки. Сейчас-то эта деревенька всеми заброшена, немногие избы еще стоят, но почернели, а сквозь провалившиеся полы растет бурьян. Дороги туда и раньше, до революции, не было, а сейчас не найдешь и тропы. Только речка Тайменка способна доставить туда любопытного, да и то летом. Редкий решится подняться по ней вверх на верткой, легкой оморочке. Разве только какой-нибудь настырный охотник... Тайменка гудит на перекатах, крутит топляки на омутах, а в заламах ревет, как медведь, попавший в капкан. Впрочем, в нынешнее время долететь туда ничего не стоит вертолетом, но когда по тайге бродили оборванные искатели женьшеня и старатели, а по ночам гремели выстрелы хунхузов, — это местечко пользовалось дурной славой. Нелюдьми, жестоко жили тут люди, однако, не бедно, и потому люто встречали чужаков, храня староверовский обычай своих отцов и дедов.

Тот, кто бывал все-таки в верховьях Тайменки, знает, что начинается она с высокогорного таежного озера крутым водопадом. Там, среди коричневых гольцов и темных скал, рык тигра сливается с грохотом потока. Никакой возможности протазить лодку к озеру или хотя бы к водопаду нет, так как гремит поток в узком холодном расколе гранита, глубоком и мрачном ущелье.

Вниз по Тайменке тоже трудно спускаться. Рассказывали, как три охотника однажды, захотев сократить свой путь по тайге, соорудили плотик и поплыли по речке, но все погибли — разбились на Чертовом мысе. Другие пути известны лишь кабанам да изюбрам, которых здесь до сих пор много. Они-то и пробили свои дороги сквозь чащи и буреломы, и эти тропы так же древни, как кедр, что скрывают их своими могучими кронами.

С легкой руки деда Афанасия Прошка быстро усваивал премудрости охотничьего дела. Парнишку удивляли кабаньи тропы: они были так утрамбованы копытами, что напоминали дорожку к колодцу в Сосновке. Прошка видел старую пихту у самой тропы и поразился: кора на ней на высоте его носа стерта жесткими спинами злобных вепрей. Эти звери, когда им никто не мешал, очень любили у этой пихты постоять, отдохнуть и всласть почесаться — точь-в-точь, как домашние

свиньи у крыльца. На содранном, отполированном до белизны стволе пихты нависали капельки смолы. Когда Прошка пососал эту смолу, то с досады даже сплюнул — такой вонючий кабанний запах у нее.

Дед водил его и на кабаньи купалища — большие лужи на самой вершине сопки. Вокруг земля была вся изранена острыми копытами, а молоденькие осинки и березки от корня и чуть ли не до половины — все в грязи. Афанасий говорил, что тут кабаны купаются летом, а зимой — в полыньях по Тайменке. У них в лютый мороз от такого купанья нарастает на шерсти ледяная броня, и когда они дерутся между собой во время гона, эта броня спасает их от ран. Прошке очень хотелось самому увидеть секача, и однажды он в изумлении заметил, как одна черная огромная валежина, что лежала на их пути с дедом, вдруг зашевелилась, ожила, страшно чуфыкнула и, ломая кусты, ринулась вниз. Он только и успел разглядеть у ожившей валежины две блестящие белые кривые сабли.

Дед сказал, что это и есть кабан, и что у него это не сабли, а клыки, которыми он может разорвать даже бурого медведя.

Потом дед показал ему и медвежий дом. Забрались они тогда аж до самого перевала, где гудел водопад. Тайменка еле виднелась в глубине пропасти, и снизу шел белый густой туман. А тут, где они стояли, у края ущелья, вцепившись мощными корнями в скалы, вздымался такой высокий кедр, что Прошка, сколько ни глядел, не мог увидеть его вершину. Ствол у дерева такой толстый, что они вдвоем с дедом, взявшись за руки, не могли его обхватить. Между корней кедра, во впадине, зияла черная дыра, усталая хвоей и листьями и затянута паутиной. Афанасий постучал по стволу и сказал:

— Вот тут, Прошка, медвежий дом. Здесь Мишка всю зиму спит и лапу сосет.

Потом дед встал на цыпочки и ткнул кривым пальцем в кору.

— Видишь царاپины? Тут Топтыгин во весь рост стоял и лапой со всей силы скребанул по кедру. Хотел похвалиться, какой он высокий да мочный. Чтоб другой медведь, коли сюда заявится, знал, какой тут хозяин. Не достанет до его метки, значит, уйдет поскорее подобру-поздорову... И ты, Прошка, расти большим. Вместе-то нам никто не страшен...

Однако долго ходить вместе не пришлось. Как и большинство старых охотников-зверовщиков, Афанасий думал, что сороковой медведь может быть для него роковым. С этим предубеждением, не лишенным, впрочем, основания, как и многие древние приметы, он и решился однажды идти на медведя, вернее, на медведицу. Случилось, что пришлые охотники, которые потом погибли у Чертова мыса, убили недалеко от Сосновки двух медвежат. Убить-то они убили, а того не хотели знать, что медведица всегда найдет случай отомстить за убиенных. Охотники-то что, хоть и не принято о мертвых говорить худо, да из песни слова не выкинешь, — они сели на плот да и покатали по Тайменке восвояси. А тут в деревне того и жди, что медведица кого-нибудь подкараулит. Встревоженный Афанасий сказал об этом Роману Соколовскому, первому охотнику не только в Сосновке, а во всей округе, но тот только посмеялся в свою широкую рыжую бороду:

— Выжил ты, дед, совсем из ума! Да какой

же медведь полезет так просто на человека? Сейчас же лето! Корму кругом полно — желудей, ореха, ягод... Зимой еще — куда ни шло: какой другой шатун и объявится. А теперь — нет! Иди, коли хочешь, а мне недосуг.

Но Афанасий-то предчувствовал, что дело совсем не так просто. Он замечал уже следы медведицы возле своего омшаника, и то было странно, что зверь даже не тронул пчелиные улейки, хотя мед в них был. Зверь в одном месте долго сидел, притаившись, что-то высматривая. Нет, неспроста все это!

8 Вечером Афанасий тщательно прочистил свое ружье, зарядил три патрона пулями — «галушка-

ми» и отправился в ночь на то место, где побывала медведица. Ствол и ложе он натер хвоей кедра, патронник протер до блеска, чтобы посторонним запахом не вспугнуть чуткого зверя.

Длинную ночь просидел за омшаником, в скрадке, не шелохнувшись. Медведица пришла уже на самом рассвете. Услышал он, как невдалеке словно бы хрустнула ветка и раздалось тяжелое сопенье. «Она!» — решил он и почувствовал невольную дрожь в коленях. «Ах, чертовка, совсем с другого угла приперлась», — подумал с неудовольствием Афанасий. Повернуться — вспугнешь. Вот беда! Всей спиной своей он ощущал, как сопит зверь совсем рядом. Ему даже показалось, что медведица уже обнюхивает его шапку. «Погожу маленько, авось развернется», — решил Афанасий, сжимая ружье. — Врежу ей по башке, а там, коли что — ножом...» Он осторожно ощупал пояс — ножа не было. Вот растяпа — дома забыл! И какой нож — ах ты, господи! Сколько раз он его в тайге вырубал. А вот — забыл. Фетинья, старая карга, от пояса нож отстегнула! Понравилось ей ножом стол скоблить. А на место не положила. Что же делать?

Повел головой в сторону, скосил глаза и ужаснулся: «Экая, однако, махина!»

Стало посветлее. Медведица раздраженно зарычала. «Почуяла», — решил Афанасий. Вскочил и, вскинув ружье, не видя мушки, бахнул зверю по лопаткам. Медведица сунулась башкой к траве, но тут же со страшным ревом ринулась на деда. Не успел Афанасий достать второй патрон, как она уже была рядом. Да, нож был!..

Медведица тяжелой лапицей сдернула у Афанасия и шапку и кожу с головы. Сознание деда замутилось, руки выпустили ружье. В ту же секунду медведица схватила ружье, разбила в щепы. Потом облапила деда, кромсая его, и они покатались по траве, оставляя широкий кровавый след. «Вот он — сороковой!» — мелькнула мысль. Однако через минуту ослабли вдруг железные объятия, и Афанасий увидел сквозь кровавую пелену, что медведица широко разинула пасть, словно бы зевая. Знать, достала-таки ее первая пуля.

Растерзанного принесли в избу Афанасия. Фетинья завывала по покойнику...

После смерти Афанасия для Прошки потянулись серые, унылые дни в доме Фетиньи. Богомольная старуха, томясь бездельем и нуждой, однако, не привязалась к своему приемному внуку — лишний рот. Целыми часами стояла она перед божницей, отвешивая поклон за поклоном. Притворно охая и вздыхая, она многие работы по дому взвалила на Прошку, и он не раз плакал от усталости и глухой тоски, забившись ночью в темный угол полатей.

Однажды Фетинья жестоко избива Прошку ухватом. И убежал Прошка в тайгу с твердым намерением никогда не вернуться в Сосновку.

Вероятно, парнишка и погиб бы в тайге, если бы не встретил его там односельчанин Никифор, который был в то время на охоте. Он накормил Прошку, расспросил обо всем и привел к себе в дом.

Марфа, жена Никифора, глянув на грязного измученного мальчишку, залилась горячими слезами.

Одногодок Прошки, сын ее Вася утонул зимой в полынье на Тайменке. И Марфа, умывая Прошкино лицо, разглядывая рубцы на его худеньком теле, причитала как безумная:

— Родной мой!.. Родной!.. Васенька!..
Она целовала его, ласкала, гладила волосы, мягкие после бани, как шелк.

Участь Прошки была решена. Марфа ни за что не хотела отпустить от себя обретенного сына.

Накормленный, в чистой постели, Прошка в последний раз уснул Прошкой: Марфа называла его теперь только Васенькой. И отзывчивый на добро, он не возражал против нового своего имени.

Никифор — страстный охотник — радовался, что приемный сын его легко и быстро усваивал повадки зверей и птиц, умел ставить кулемки, был смел и находчив. И их дружба так окрепла, что однажды Васенька сказал хмуро:

— Хочешь, я тебя буду называть папой? А то у всех в Сосновке есть отцы, а у меня...

Никифор обнял его и заплакал.

Фетинья, узнав, что ее Прошка остался жить у Никифора, вдруг заявила перед старейшиной общины сосновских расколников свои права на Прошку-Васеньку. Роман Соколовский выслушал ее с тайным злорадством. Он не хотел потратить старухе в ее тяжбе: староверовская братия не простила бы ему такого угодения еретичке, каковой они считали Фетинью, крестившуюся не двуперстием, а «дьяволовым кукишем» щепотником православных. Но уж очень удобный подвернулся случай посчитаться с безбожником Никифором Колядиным, который являлся с красными партизанами и был поэтому ему лютым врагом. А потому, посовещавшись со своими друзьями по таежному разбою — Гришкой-корневщиком и Санькой-пантовщиком, — быстро решил дело.

— Пусть этот вор Никифор, — сказал Роман важно присмирившей от напускной скорби Фетинье, — отдаст тебе за Прошку свою рыжую кобылку, да два платья Марфиных, да накосит сена на всю зиму для твоей Машки... — тут Роман прищурился, соображая, что бы еще придумать потяжелее, — и... уступит свой дом с подворьем, потому как Прошкина хоромина сгорела летось.

Фетинья аж засветилась вся от такой благодати.

— И то, — сказала она, угодливо посмеиваясь и потирая пухлые ручки. — Сколько я на того сорванца добра потратила! — И приложив конец платка к сухим глазам, запричитала в голос: — Я ли его не обувала, я ли его не холила!

— Ну-ну! — даже лесной разбойник Роман изумился. — Знаем мы, как ты его холила, старая ведьма, щепотница проклятая!.. В аду будешь гореть, в смоляном котле, сатана в юбке... Бабка зажала уши и бросилась со двора.

К своему удивлению, Фетинья без всякого сопротивления со стороны Никифора получила все, что постановили сосновские мужики, слепо верившие Роману Соколовскому.

Память сердца

Не захотел Никифор Колядин жить в старом гнилом доме Фетиньи, который она милостиво дарила ему вместо его собственного. Покинул он с Марфой и Васей Сосновку, выбрался в город. К тому времени открылись там школы, и Вася пошел в первый класс.

Однако с тайгой скоро опять они встретились и уж больше не расставались. В городе

возникла лесная контора: после гражданской началось строительство, и лес был нужен всюду. И Никифор нашел себе дело — пошел на работу лесником. Срубили ему дом в глубине тайги, завел он пасеку, посадил сад и зажил хорошо.

Вася в учебные дни жил в интернате, а когда учеников распускали на каникулы, все лето проводил с Никифором в тайге. Жили они душа в душу, горе и радость — все пополам.

Походили они по тайге вволю, пока Никифор жив был. А однажды чуть не укоротил ему век сам Василий. Купил ему Никифор в день совершеннолетия новое ружье «Зимсон»: иностранное, бескурковое, самое нарядное оно было в комиссионном магазине.

Пошли на охоту. Теперь-то Василию ясно, что бескурковка — не таежное ружье. А тогда гордо шагал с красивой бескурковкой по лесу. Никифор поднимался на сопку впереди, Василий — за ним.

Уж у самой вершины, запыхавшись, Василий вдруг споткнулся о березовый корень, упал. Ружье с плеча свалилось, скользнуло по сучкам, предохранитель сорвало, и — бахнуло на всю долину. А в стволе — картечь...

Встал Василий с земли весь белый, взял ружье, наотмашь ударил им по березе — куда ложа, куда ствол. А Никифор обернулся, почесал обожженную порохом ладонь и спросил:

— Ты что делаешь?

— Попал бы — убило тебя... И мне не жить. Тут же бы застрелился, — сказал Василий и закрыл лицо руками. Плечи ходоном ходили.

— Ну и дурак! — подумав, сказал Никифор. — Вместо одного два трупа было бы. Кому надо? Эх, голова еловая!.. Ладно — не горюй. Черт с ним, с ружьем, — на беду, видно, оно к нам попало. Подарю тебе свою «тулку» — эта не подведет. А этот «Зимсон» подремонтирую — может, найдется на него любитель.

Подобрал обломки, сунул в рюкзак, усмехнулся:

— Горяч ты однако!..

Хотел добавить: «И в кого ты такой?», да вовремя спохватился, вспомнил нелепую смерть Степана, отца его родного. «Видно, и он свою косу за плечами носит». А вечером, уже дома, когда немного забылся случай с ружьем, Никифор, чтобы отвлечь Василия от невеселых дум, стал рассказывать, как он своей «тулкой» добывал зверя для пропитания партизан.

— Ой, много мы тогда зверя побили! Кабанов, изюбрей, лосей, коз... — с сожалением закончил он.

— Пей чай-то, балаболка, остынет, — добродушно сказала Марфа, накладывая сотового меда в чашку. — Только бы и говорил! Вася вон уж заморился тебя слушать. Устал, небось, с лесу-то. Ай там еще не наговорились?

Но Вася вдруг спросил:

— А почему ты жалеешь тех зверей? Что тут худого? Всегда ж их били и будут бить — на то и охота.

Никифор ответил не сразу.

— Конечно, оно так — охота, — начал он без всякого выражения. — Спокон века... Это уж так повелось. Но, знаешь, не верю я, будто зверь ничего не понимает, вроде дерева или камня. Не верю, и все! На пчел, на муравьев посмотреть — диву даешься, какие они умельцы. А птицы? А помнишь, как мы с тобой слушали медвежью музыку? На драннощепине он, как на балайке, наигрывал?

— Помню, — ответил Вася. — Потешно было. Никифор разволновался:

— А коза раненая плачет — видел? Глаза большие, синие, на влажных ресницах слезы. Смотрит беззащитно, как обиженный ребенок... Эх, да что говорить! Мне уж — не охотиться. Не могу, Вася, душа бунтует, противится...

Погиб вскоре Никифор Колядин. Нашли его изувеченным в тайге зимой под старым кедром. Говорили, будто Роман Соколовский с ним так расправился: не давал Никифор таежному бандиту разбойничать, вот и схлестнулись их дорожки. А может, и не так это было: на медведя-шатуна нечаянно наскочил лесник или волки его подкараулили да растерзали. Зима — время глухое, голодное...

С тех пор Василий ходит по тайге один. Здесь повзрослел, здесь и состарился. Полвека миновало с того дня, как он из Прошки превратился в Василия, а словно вчера это было. Все сберегло, все сохранила добрая память сердца.

Живет он в краю своего детства, на родной земле, хотя много раз смерть стояла у него за плечами. Пусть подождет, помается эта злая старуха, чем-то похожая на Фетинью: ему не к спеху.

Егерский дом его стоит в распадке, на узком пространстве междуречья. Со всех сторон его окружают старые сопки: они высятся по берегам речек, лишенных в названии всякой поэзии и таинственности: одна называется Третья-седьмая, другая Четвертая-седьмая. Лесорубы и таксаторы не напрягали своего воображения и, удивившись, что в этом месте с хребта Сихотэ-Алинь, с водораздела, стекает в долину сразу семь речек, дали им по порядку номеров и имена. Прошло много лет, выросли на месте старых вырубков молодые кедры и ели, а названия речек так и не сменились: никому до этого нет дела.

В доме егеря Василия Колядина раньше жил приезжий пасечник с женой. Мужик хозяйственный, он дом и омшаник выстроил крепко, благо лес под рукой. На узкой слани посадил сад из слив, смородины и груш, раскорчевал участок под огород, выстроил добрую баню с полками, с парным окошком, но трудом своих рук не пользовался: укушенный энцефалитным клещом, он заболел, а вскоре умер. Вдова не захотела коротать свои дни в диком захолустье, уехала в город. Новый молодой пасечник тоже тут долго не задержался: не имея опыта своего предшественника, он растерялся, когда после обильных дождей речки вспухли как на дрожжах и затопили медоносные луговины, пчелы гибли, сбора не стало. И пчеловод, проклиная все на свете, убрался восвояси. Больше здесь никто селиться не захотел, и дом продали охотничьему хозяйству.

Дорога к бывшей пасеке постепенно зарастала, грузовые машины уже не могли пройти, и только трактор да вездеход прорывались иногда через гремячие горные речки, болотины и густые заросли. Охотники сначала повалили густо, хвалили эти места, но, распугав зверя, дальше в горы тоже ходить отказались; они и до егерского дома добивались с трудом.

Поэтому-то в последние годы гостей в доме Василия Никифоровича становилось все меньше, особенно зимой.

Часто егерь оставался дома один — жена нередко уезжала к дочери и свекрови в город. Коротким зимним днем Василий Никифорович бродил по тайге, рассматривая следы зверей и делая пометки в блокноте.

В холодную многоснежную зиму он подкармливал бедствующих кабанов картошкой, собранной со своего огорода, козам и изюбрям наламывал целые вороха молодой осины, ольхи, накашивал загодя летом стожки сена, посыпал солью, выставлял кормушки для зимующих птиц. При его доме постоянно жили дятлы, будившие его по утрам гулким стуком в бревенчатую стену. Прижилась на кедре, прямо в огороде, белка.

Подчас Василию Никифоровичу казалось, что он уже совсем не подходит к своей егерской профессии, и он решал — не сделаться ли ему пасечником до самой пенсии, — она уже не за горами. И если бы не браконьеры, он, наверное, отдал бы егерский жетон кому-либо другому. Удерживало его то соображение, что молодые охотинспекторы слабо знают приемы браконьеров, и угодыя оттого пустеют с каждым днем. Почти уже выбит тигр по всему Сихотэ-Алиню, и если бы не запрет и егерская служба, владыка дальневосточных джунглей — уссурийский тигр — исчез бы, как его собратья — туранский и среднеазиатский.

На охотах, где Василий Никифорович бывал по долгу службы, он старался подставить под выстрел старого быка или большую корову. Пытался направить охотничий пыл своих гостей на истребление волков, которых после уничтожения их первого конкурента — тигра, стало намного больше, чем в годы его молодости. Не упускал он случая использовать древнюю охотничью страсть для отстрела медведя-шатуна, зная, что от этого лютого безумца не жди добра ни людям, ни зверям.

На родном пепелище

Миновало грибное лето. Порадовал ясным небом, золотом берез и медью дубов месяца лесных шорохов — октябрь, в ярком уборе оранжевых кленов, в тихих, грустных дождях он ушел, оставив прибитую влагой опавшую листву. Умокли шорохи, и снова в тайге — тишина. Пахнет мокрой осинкой, погасшими в тлене поздними грибами и мхами. Чутко и гулко в тайге, она словно прислушивается к удалившемуся шуму лета и настороженно посматривает на небо, где кучевые облака к вечеру не исчезают, а на заре горят красным пожаром.

Отлиняли дикие козы, засеребрилась белка. Заяц-беляк, раньше всех натянувший парадный зимний мундир, лежит в листьях, словно первый ком снега — неловко чувствует он себя на черной земле и ждет с нетерпением первой пороши.

Василий Никифорович замечает, что звери ложатся спиной на ночь к северу, и тоже ждет оттуда ветра: окапывает свой дом, осматривает олочи и уверенно говорит оперуполномоченному Савельеву, с которым бродил два дня по тайге за рябчиками:

— Через день-два жди снега. Строгой зиме быть, если птица дружно в отлет пошла. Так что собирайся пока домой. Тут уж снег пойдет — так неделю. А я, пока время есть, поброжу окрест,

где кабаны есть, да посмотрю для тебя медвежью берлогу. Знаю, тебе ж рябчик — забава!.. Но пока медведь в берлоге не облежится — лучше его не трогать. Отдыхай, Гриша!

— Да нет уж, погожу, — возразил ему Савельев. — Авось метели не будет, да и сам найдут мишку. В этом году он не больно быстро ляжет: корма плохие, орех не уродился — где ж ему скоро зимнего сала набрать?

— Ну, смотри, — согласился Василий Никифорович. — Оставайся. А если все-таки надумаешь домой возвращаться, запри дверь, а ключ положи под крыльцо — знаешь куда...

Прощаясь с ним, куда пошел — не сказал: с тех пор и не свиделся. Как в воду канул... Савельев походил без толку по тайге два дня, в метель идти домой не захотел — думал дожидаться егеря, а его словно пурга унесла: целую неделю нет. Порыскал еще три дня Савельев вокруг, да и забил тревогу: шутка ли — человек пропал!..

Не догадался Савельев, что потянуло Василия Никифоровича в далекие места его детства — на погорелую Сосновку, где не бывал он уже много лет. Захотелось Колядину взглянуть на дом, где он жил когда-то с дедом Афанасием, и поклониться месту, где тот был схоронен нещедрыми на почести староведами. А еще хотелось ему до конца разведать, куда уходит зверь, когда среди зимы, особенно в ее начале, внезапные оттепели осадят сугробы и к олочам пристают на ходу целые кирпичи снега. Это-то еще не беда, а вот как сразу после того мороз грянет — тут уж зверю худо: снег покроеется коркой льда, и этот лед режет им ноги. Только волкам в эту пору раздолье...

Шел Василий Никифорович и все примечал наметанным глазом. Вон на крутой сопке выступ под кедром виднеется, словно балкон: определенно там секач себе гайно сделал — тут ему все вокруг обозреть хорошо. А внизу, под сопкой, хвоща и липового семени сколько хочешь. И там, на другой сопке, — выступ поменьше, голый, как площадка, под нею — отвесный обрыв, на котором даже трава не держится: это изюбринный отстойник — только тут он может отбить рогами и копытами лютого волка.

Незаметно приблизился он к Сосновке, скорбно осмотрел родное пепелище, с трудом нашел неприметную могилку деда Афанасия.

Какое бы ни было детство, у каждого в сердце это — тайный и светлый уголок, где и старый человек видит себя маленьким. И нередко, пожив этими дорогами минутами воспоминаний, сам становится как будто моложе: груз лет уже меньше давит плечи, и дышится легче, свободнее, и будущее уже не страшит.

Василий Никифорович решил тут немного задержаться, тем более, что на другой день небо затянуло снеговыми тучами.

Прожив на земле почти полвека, Василий Никифорович, в молодости горячий, отчаянно смелый, настырный, с годами стал степеннее, строже, неторопливее на речь. Это свойство многих истинных таежников, привыкающих в лесу и одиночестве к молчанию. И внешняя медлительность, скупые жесты, пристальный, проникающий взгляд выдают такого таежника так же, как строевая выправка офицера-кадровика, хотя он и в штатском костюме.

В полуразвалившемся доме Фетиньи, в том самом, который она получила от Никифора в уплату за него, Прошку, Василий Никифорович

оборудовал себе сносное жилье. Старая печь была уже никуда не годная, и пришлось топить «по-черному», как в деревенской баньке. Но дров вокруг много — хорошо горели старые смоляные бревна из кедра и хвойного дуба-листвяка, который сосновские мужики предпочитали при закладке своих изб. И в доме, где пол хотя и сгнил и провалился, обнажая черный зев подполья, было тепло.

Выйдя в ближний березняк, Василий Никифорович скоро настрелял себе десяток рябчиков, а в темном ельнике — двух глухарей. При запасе сухарей, взятых им в дорогу, можно сносно переждать метель, хотя бы она буйствовала здесь неделю. Кроме широкого и тяжелого следа одиночки кабана-секача, ничего примечательного он не заметил.

Наступил вечер. Василий Никифорович соорудил на земляном полу нодью, недалеко от огня — топчан-лежанку и, подозвав Рекса, умильно поглядывавшего на котелок с вкусной дичиной, сказал:

— Вот, рыжая ты псина, я и жил тут когда-то...

Пес приветливо замахал хвостом-кренделем и уткнул свой влажный нос в колени хозяина. Василий Никифорович и не пытался унять странное волнение. Он жил прошлым, как настоящим. Вспомнилась ему и Марфа, когда она безумно причитала: «Родной мой!.. Васенька!», и страшная тайга, из которой его вывел Никифор.

Да, жизнь не раз обращалась с Василием круто. Словно волки лося, беды караулили его, и если бы не его вера в то, что как бы худо ни случилось, все может вернуться к лучшему, может, и не ходил бы он сейчас на земле. И жизнь представилась ему непрерывным фронтом, где каждый день, каждый миг нужно не терять мужества и жажды жить.

После ужина, разлившегося теплом по уставшему телу, Василий Никифорович невесело подумал: опять наступающая ночь у него будет бессонная. Болело в груди, ныла простреленная на Отчужденной правая нога. Впрочем, русские старики вообще беспокойны и спят не так беспечно, как долгожители юга.

Разбойные тропы

Когда поутихла метель, старший лейтенант и старик Кочегаров отправились в путь.

— Видать, Гришка Савельев, опер, не зря шум поднял, — говорил Кочегаров. — Ить он с Васькой-то рябчиков стрелял ищо до снега. А Васька ему сказал, чтоб сидел в доме, пока по участку пройдет. С тех пор Васьки и нету. Кто его знает, там ить и граница наша с бусурманами проходит недалече — всяко бывает... А все же есть у меня думка — не упорол ли Васька в Сосновку погорелую?..

Через три дня Дмитрий и Кочегаров поднялись в верховья Тайменки, к ущелью, где у самой горы лепились бранные останки таежной деревеньки Сосновки. Тут и остановились, чтобы осмотреться. Обшарив вместе с Дмитрием все убогие лачуги, пасечник обнаружил в бывшем доме Фетиньи шалаш-временку, золу от костра и окурки самокрутки из махорки.

— Видал! Томская махорочка! Васькина, любимая, ее завсегда курит... Но куда же он дальше-то подался?

Кочегаров сделал круг возле дома Фетиньи, глянул на вечеряющее небо, пощупал синеватые лунки чьих-то припорошенных снегом следов и решительно сбросил крошки со своих плеч:

— Тута заночуем. Подходящая хоромина — Васькин шалаш. А завтра пойдем к Тайменке. Авось, и найдем, што ищем.

Дмитрий устал смертельно с непривычной дороги, но готов был хоть сейчас устремиться по неясным следам. Однако старый таежник, кряхтя и охая, стал собирать сучья для костра, и Касьянов понял — не время отправляться дальше: через час будет ночь в горах.

Помогая устраивать ночлег, ломая кедровый лапник, он радовался: все же за долгие дни впервые здесь мелькнул первый луч удачи. И когда весело запылал огонь, он достал из своего рюкзака флягу и налил деду стаканчик. Хлебнув разведенного снегом спирта, Степан Аверьянович расчувствовался.

— Эх, парень, — начал старик, поудобнее укладываясь на лапник у костра. — Глядел я на тебя эти дни — дивился! До чего ж нынешняя молодежь ни черта не смыслит в тайге. Уж ты прости меня, не для обиды говорю. Ну, прямо как котята слепые. Ей-богу! Хоть ты, к примеру. И часы у тебя со стрелкой, кумпас, карта, а ты все одно б сюда не добрался... Ну, да это дело неживное: походишь вот по лесу, сам поймешь. Меня ить не обманешь — нет! Как глянул я на твою оружию, на нем ни царапины — сразу понял: это ружье в тайге не бывало. И хучь ты морочь мне голову, што охотник, а вижу сразу: не простой ты человек и не зря егерем интересуешься. С милиции ты али бы еще откуда.

Дмитрий улыбнулся, но ничего деду не ответил.

— Ну дак вот, — заговорил снова пчеловод, хитро прищурясь. — Ваську, помяни мое слово, мы все одно найдем.

— Я тоже так думаю, — охотно подтвердил Касьянов.

— Так вот, значит, я и говорю, што кажный у нас в Сосновке знал свою тайгу, как пес свою лапу. А паче всех знал лес Ромка Соколовский. От был мастак! Нонешним егерям, хоть бы и Ваське, нипочем бы его не поймать — уж так ловок был, страсть! И то сказать: у рыси заячья шерсть в зубах не переводится. И Ромке добыть зверя — раз плюнуть. Однажды он што удумал? Загнал стадо кабанов, штук, небось, сорок, не меньше, в ущелье, а исход-то вместе с Гришкой-корневщиком да Сенькой-пантовщиком закрыли. То есть, сели там с винтовками... Всех до одного перестреляли. Целый месяц потом мясо вывозили да жарили.

— Продавали? — спросил Дмитрий, прихлебывая жгучий, заваренный лимонником чай. — Тут же не пройти и не проехать...

— Продавать-то, как нонче, не продавали — некому было, но уж ели вволю и собак кормили за мое почтение.

Старик помолчал, покряхтел, достал из золы кусок изюбриного мяса и бросил своему псу Валету. Марс зарычал, требуя доли, и ему пролетела кость.

— М-да, — заговорил снова дед, растирая свои кривые ноги, обутые в олочи. — Сколькo он тигров китайцам продал до революции — страсть! Платили они ему здорово, потому как у них тигра почитается священной животинкой. Они ею всякую болезнь лечат, особливо усы тигриные им

были надобны. Дед Афанасий однажды за Ромкой тигра подобрал, одни усы и срезаны были. Опосля на тигровой-то этой шкуре и грелись дед с Прошкой, то есть Васькой...

Стемнело. Мороз крепчал, гулко треснуло какое-то дерево, эхо долго катилось по ущелью. Касьянов вздрогнул.

— Ну да, ты слушай! Да налей-ка ишо стаканчик.

Касьянов налил.

— Хороша! — крякнул с уважением дед и вытер рукавом усы. — Еще, конечно, Роман промышлял пантами и хвостами изюбриными. Хвосты он продавал американцам за пять долларов штука, а те потом куда их девали — не знаю. Можя китайцам, али себе в суп клали... А как началась смута, Ромка и вовсе осатанел. Добыл японские винторезы и ими стрелял женьшеньщиков и старателей. Караулил их на тропе и добычу всю как есть отбирал. А которым, што интересовались, куда люди девались, объяснял, что тигра их съела. А и то верно: тигра ужасно любила нападать на китайцев, а русских не трогала. Видать, оттого, што китайцы сильно травой пахнут. Траву всякую они едят, а мяса мало. Ну, тигра в недоумении; коза, али изюбриха так воняет — и в пасть себе. Это я так думаю.

Богател Ромка от этакого прибытку, а лютел и того больше. Даже своего сынка Ваньку приобучил к разбойному делу. Бывало, даст ему винторез, а сам на Осиновою сопку заберется и колесо от телеги вниз скатит. А Ванька должен из того винтореза попасть пулей в колесо. И коли не попадал, лупил его нещадно. Ванька-то и наловчился потом пулять так, што ни зверь, ни женьшеньчик какой от его пули уж не уходил.

Однако никакая сорока в свое гнездо не гадит: так и Роман в Сосновке вел себя смирно, и мужики им были довольны. Не обижал он их и при добыче, конечно, бросит им то, что от своего обеда останется. Но и того немало! Эх-хе, смурное было времечко!

Кочегаров закурил, тщательно, не обронив ни одной крупинки махорки. И прислушиваясь к далекому шуму Тайменки в ущелье, сказал раздумчиво:

— Всякая сосна своему бору шумит: покрывали мужики-то его разбойство. Да и то сказать, и сами-то были разбойники немалые. Дворы у всех были крепкие, зверья в тайге сколько хошь — только не ленись... Всяко промышляли, а в нужде не были. И потому, когда революция-то случилась, не больно ей обрадовались. Привыкли по-старому.

Не по нраву пришлась Роману-то речь Никифора, будто тайга нонче стала народная и грабить ее нельзя. Хмуро его слушали. А Никифор предупредил в исполкоме, что от Романа можно ждать беды. Нашла, значит, коса на камень!.. В общем, как Никифор убрался из Сосновки и поступил лесником, — не стало для Романа того простору, што был. Нет, не стало. До смертоубийства у них дошло. Встретились они раз в тайге, как тот тигр с медведем, — и стрельба получилась. Ромка-то до этого старателя с золотишком обобрал да давай бог ноги. А тут ему Никифор поперек встал. Не знаю, што у них было, а только Никифора потом нашли в тайге мертвого. Ну, Роман тут же дал тягу за кордон и кое-кого из мужиков, своих единоверцев, с собой увел. Потому как, говорил, не будет им при эдой власти никакого счастья, а только одна маята. Мужики,

которые его во всем слушались, скотину порезали, избы пожгли и через перевал потопали. Ну, а тут крепко не повезло: напоролся на хунзузов. Уцелели немногие да сам Роман со своим Ванькой-сынком. Это мужик рассказывал. Вернулся в Сосновку он сильно раненый, пожелал, значит, помереть на родной земле. А те, говорит, ушли-таки за кордон. Ну, а я, по примеру Никифора, в город подался. Служил там разное, а больше по охране железной дороги, до войны-то. Меня на фронт не взяли — ноги от ревматизма согнуло, вот и сейчас ноют, окаянные.

Кочегаров, придвинувшись ближе к костру, провел рукой по олочам.

— Да из дорожной охраны мало брали на фронт: тоже беспокоило из-за японцев тут было. Но еще до всего этого приключился случай. Сказали нам, што с той стороны кто-то явился и поймать его надо. Облаву назначили. Я тоже пошел. Ну, кто рыскает где попало, а я думаю: нет, по снегу не так надо. Сделал круг, второй по лесу. Гляжу, уброд, сугроб по-вашему. Штось-то вроде шевелится уброд-то?! Снял карабин, затвором щелкнул — мать честная! — мужик под простыней-то лежит. «Вставай, — говорю, — скажывай имя, отчество, какого рода-племени и так далее». Сурьезно спрашиваю. А он узрел меня да и смеется, подлец: «Да ты никак дядька Степан?» «Для кого, — отвечаю, — дядька, а для кого и племянник. Пошто тут хоронишься, как девка от жениха, а?» «Да я, — говорит, — Ванька Соколовский, аль не признаешь?» — и опять лыбится. Ну, разговорились.

— Нешто ты из-за кордону явился? — удивляюсь.

— Точно так.

— А зачем?

— Скучно среди косоглазых — чужие же. Жизни нет!..

— Вона што!.. Ну, так я тебя заарестую. Хучь ты мне и односельчанин, а теперь, может, ты контра. И нам по одной дорожке с тобой итить только до заставы. А там пуцай рассудят, куда ты годный!.. Топай.

А он, вражина, опять лыбится во есь свой рот и говорит:

— А если не пойду?

— Стрелю.

Замолчал. Стоим. Вижу, нахмурился, как туча.

— А батьки моего нету. В Австралию уехал.

— А ты што ж отстал?

— Он не взял. Надо, говорит, чтоб в России наше племя оставалось, нельзя роду гибнуть. Все одно, мол, тут власть переменится, а мне уж на покой пора.

— Врешь, сукин сын! Не такой Роман, штоб такую глупость переть... Ну, да ничего: коли он тут где хоронится, и его найдем.

Тут глянул он — меня аж в холод бросило: будто в какой глубокий да темный колодец я ненароком посмотрел.

— Ладно, веди, — говорит. — А только я все одно убегу. Посмотрю, как вы тут живете, — и до свиданьца!

— Шпиен ты, Ванька.

— Нет, дядька Степан. Для души пришел сюда, русский я.

Ну, идет он, а я его сзади караулю. Привел, сдал честь по чести. А он мне — обернулся на пороге — кричит:

— Еще свидимся, дядька Степан!..

Ишь сродственник нашелся! Однако свидеть-

ся-то нам уж не пришлось. Как совхоз образовали пчелиный, так я по сей день тут... Хотя — стоп! Што это я говорю, старый дурень!.. Свиделся я с ним совсем недавно, да ить как? Это, брат, случай!.. Его, стало быть, за разбой-то в тюрьму надолго засадили. И в аккурат этим летом бежал он, значит, из тюрьмы и на мою пасаку заявился...

Касьянов взглянул на Кочегарова, который вдруг попримолк.

— Ну, явился... — подсказал Касьянов.

— А меня там не было. Я с ульями на гречиху выезжал — в летний лагерь. И моя хоромина пустовала. Возвращаюсь оттуда на свой точок, гляжу, на столе записка. Што за притча? Читаю писульку, — ликбез, слава богу, прошел! — а там сказано, што, мол, очень сожалительно, дядька Степан, што ты мне не попался под руку. А то бы искал ты, старый хрыч, свои кости по всей тайге. Ухожу. Прощавай. И подпись, как на документе, его — Ваньки Соколовского. Ну, ясно — дал деру варнак; из тюрьмы к границе подался.

Закрыв я поскорее пасаку — и прямехонько в город. С его писулькой. Авось, догонят разбойника! Ну, а как просеку-то прошел, слышу — гай по всей тайге. Воронье, сойки, как мухи на меду, у одного места кружат, орут, словно бабы на базаре. Неспроста, думаю, у них пир горой. Подхожу тихонько, а там человек лежит, деревом придавленный. Дух тяжелый. Мертвяк! Лихо дело... Припустил я еще пуще в город, ничего там трогать не стал — пусть милиция сама раскудит.

Ну, там моментом все поняли, меня в машину, как генерала, и поехали. А как приехали, тут уж еще машина оказалась — прокурор там, врач районный, человек с собакой на ремешке, а я с самим начальником милиции Сабуровым прибыл. Нонче-то, говорят, он уж на пенсии, а раньше — орел был. Ты-то его знаешь?

— Слышал, — дипломатично ответил Дмитрий.

— Васька-то Колядин с ним этой осенью вместе охотился: друзья закадычные, еще с фронта. Ну так вот, как приехали, все тут обняли. И за Васькой тоже мотоциклетку послали — и он тут был. Потому што, как все оглядели да примерили, — тут все согласились: он, Ванька-беглый. Я его враз узнал, хучь у него морда деревом разбитая. Как не узнать — уши оттопыренные, как лопухи, и кулачищи, што тебе тыквы. Здоровый, черт, был!

В общем, забрали его, дурака дохлого, в аду ему гореть, увезли. После я уж от Васьки Колядина слышал: Сабуров сказал, што писульку Ванькину посылали в лагерь, откуда он бежал, на экспе... рицию...

— На экспертизу?

— Во-во! То есть еще сумлевались, што это он сам и есть. А чего посылать, што я слепой? Али врать буду? Ну, Сабуров — тот после за мое такое радение часы свои подарил:

— На, — говорит, — носи, Степан Аверьянович. Золотой ты человек, а посему и часы тебе иметь золотые.

Кочегаров протянул к костру жилистую сухую руку, на которой огнем сверкали дорогие часы, и важно посмотрел на циферблат.

— Хорошо ходят, — значительно произнес он.

Костер гас, тени никли, и Дмитрий ощущал спиной подступавший холод, думал, что старик

задремал, но снова услышал из темноты его голос:

— Вот так, значит, и кончил свои дни Ванька Соколовский... Батка его, Роман, тоже, небось, на разбойном деле голову сложил. Хоть он и в Австралию сбег, а разве от себя убежишь?.. А жаль — пропали два таких мужика! Силища у них была, што ты! Да Ванька-то даже покрепче отца был. Бывало, изюбра освежает да целиком на веревке приволокег. Ему за сутки пройти по тайге сорок верст ничего не стоило...

Вскоре, сморенный теплом, старик захрапел. Старший лейтенант вышел из шалаша, глаза его слезились от дыма.

Тихая лунная ночь стояла над еланью. Морозный снег искрился, в тишине гулко стреляли деревья, темневшие на сопках. Вид старого, заброшенного селения наводил ту непонятную грусть, которая всегда охватывает человека, когда он видит пустые дома. Пожалуй, это ощущение можно сравнить с тем, какое испытываешь, рассматривая человеческий череп.

Тут властно царит смерть, и от ее близости становится не по себе даже храброму.

Что-то ждет их завтра?

След шатуна

Еще до рассвета Степан Кочегаров проснулся первым, развел костер, набил чайник снегом. Когда Касьянов вылез из спального мешка, чай уже был готов, и старый таежник обжаривал на прутике кусочки мерзлого мяса. Запах привлек собак, и они выжидательно лежали у костра так близко, что Валет даже обжег лапу.

После трудного перехода через чащи и завалы к Сосновке старший лейтенант устал и измучился. Покряхтывая, он размял суставы, умылся снегом, попил чаю с лимонником, отдал долж-

ное мясу, поджаренному на костре, и ощутил тот прилив сил, который у него бывал перед особо опасным делом...

Дмитрий проверил затвор у карабина, заглянул в ствол, куда мог попасть снег.

— Готов? — спросил старик.

Касьянов кивнул. Сделав большой круг возле старой Сосновки, путники в одном из распадков, примыкавших к ущелью, где гудела непорочная Тайменка, обнаружили медвежий след. Кочегаров остановился, пощупал след голой рукой и проговорил:

— Шатун... Два дня назад прошел тут. Лихо дело!..

— А нам-то зачем он? — спросил Касьянов, заметив беспокойство старика.

— И-и, паря, тут теперя ухо держи востро. Стреляя когда-нибудь медведя, а? Нашего бурувика?

— Нет, не приходилось.

— То-то. И не советую, особливо — шатуна. Наш медведь — не чета тем, которые в России живут.

Кочегаров сел на валежину, закурил, и в глазах его мелькнула лукавая усмешка:

— Тигру у нас тут Богачевы ловили, ну дак те покрепче тебя мужики-то были. Куда!.. А тигра — это, почитай, первый зверь в тайге. Вроде как царь. Ну, а шатун может этого царя прижать и кишки ему выпустить. Понял? Сытые медведи давно уж по берлогам спят. Ну, а этот за лето не нажрался. Беда, коли он первый тебя заприметит. А который человеческого мяса попробовал, того уж от такого обеда не отучишь, разве што застрелишь...

Касьянов понимал, что старик, проживший жизнь в лесу, говорит правду. Шатуны очень опасны, смелы до наглости и нападают даже на охотников, сидящих ночью у костра, чего не делает никакой другой зверь, боящийся огня. По-

лубешенный от голода, шатун неустрашимо идет по тайге.

Старик покурил, поднялся и пошел по следу шатуна. Касьянов последовал за Кочегаровым, испытывая легкий холодок настроенности.

След шатуна привел их к самому краю пропасти, где в глубине, в морозном тумане, шумела река. У огромного кедра, где некогда стоял Прошка с дедом Афанасием, они обнаружили покинутую ~~след~~ медведя; далее след пошел склоном горы, вверх по Тайменке, к водопаду. Тут под кендырем они увидели тщательно замаскированную молодыми елочками старую землянку, узкая и покривившаяся дверца которой скрывала черную дыру входа. Собаки забеспокоились.

Внутри землянки было темно, пахло нежилим; на нарах пополам с инеем бахромилась пыль. Когда прямо на полу у очага, сложенного из камней, развели огонь, старик вскричал:

— Смотри-ка, паря! А ить и тут Васька сидел. Эвон его задница тут нарисована.

Пошарив по полу, нашли мягкий окурочок самокрутки — все из той же томской махорки.

— Гляди-кось, гильза стреляная!

Касьянов с волнением рассмотрел чуть потускневшую гильзу от карабина, такого же, какой сам держал в руках.

— Куда ж это он стрелял? — недоумевал старик, обшаривая цепкими приметливыми глазами нехитрое убранство землянки. В углу были свалены в кучу битые кости изюбра, старые истлевшие тряпки.

— Однако эта землянка построена не нашими охотниками, — убежденно заявил старик. — Видишь, листвек — хвойный дуб, по-нашему, на стенках? Навек положен. Нипочем листвяку сырость... Не Ромки ли Соколовского это еще работа? Ну, конечно, его! Я ить бывал в ней... Господи! Сколько лет...

Старый пчеловод разволновался, сел на лавку, кое-как свернул папироску, закурил, глубоко затынулся.

Старший лейтенант положил в карман найденную гильзу и вышел из землянки. Подозвав Марса, он тщательно осмотрел все вокруг. Недалеко от следа шатуна, под сугробом, Марс обнаружил замерзшего пса. Касьянов взвалил негнущееся тело собаки на плечо и принес его в землянку. Едва старик увидел ношу, вскрикнул в изумлении:

— Это ж Васькин Рекс!..

Установилось тягостное молчание. Никто не хотел первым высказать страшную догадку, что егеря, очевидно, погиб от шатуна. Он стрелял в него, видно, не попал, собаку медведь задавил. Рекс — пес был молодой, неопытный, мог испугаться зверя.

— Пошли, — коротко сказал Касьянов, поднимаясь.

Старик вложил в свое ружье патроны, снаряженные пулями, один патрон на всякий случай взял в руку.

— Ну? — сурово глянул он на Касьянова и, прочтя в его глазах решимость, ничего больше не сказав, вышел из землянки.

Собаки бежали впереди, время от времени настороженно поглядывая на своих хозяев, чувствуя их настроение.

Никогда еще, даже идя на вооруженного бандита, не испытывал Касьянов такого тревожного состояния, в котором он сейчас находился.

Как бы там ни было, а выходя на операцию, он обычно знал, где приблизительно находится тот, которого ему приходилось «брать». Бандит — человек злой, жестокий и хитрый, но он понимал речь, и бывали случаи, что с ним можно было договориться о сдаче без боя и лишнего кровопролития. Сражались до конца, как правило, только те, которые уже не могли рассчитывать на снисхождение суда. А зверь есть зверь. И если ему удалось погубить — в этом Касьянов все меньше сомневался — такого знатока тайги, каким был егеря Колядин, то тут уж точно — уху надо держать остро, как предупреждал его старый охотник.

И он шел, вглядываясь в каждый черный пенек, в каждую валежину, встречающуюся на пути. Вдруг старик остановился и помахал ему рукой. Дмитрий подошел. Нагнувшись к самому его уху, тот жарко зашептал:

— Ты иди по следу, может, чего от Васьки найдешь, — куртку, либо што. А мне надоть развернуться против ветру.

— Против какого ветра?!

— А, молодо-зелено... — проворчал с досадой старик. — Ить в тайге-то воздуха идут и в тишине. Утресь воздух сверху сопки вниз, а к вечеру — снizu вверх... Понял? Медведь-то причует, коли вниз топать.

Касьянов, хоть и не совсем понял, кивнул.

— Коли стрелять тебе первому придется, — наставлял старик, — бей по лопаткам али в лоб. На рану он крепок... А я, значит, сделаю круг, выйду тебе навстречу.

Кочегаров и его Валет сошли с тропы и исчезли в чаще. Только сейчас Касьянов пожалел, что не взял с собой оперуполномоченного Савельева, опытного медвежатника. С ним он, конечно, чувствовал бы себя увереннее. Но и то верно — Савельев свое дело делает, обыскивает тайгу севернее дома егеря. Да только теперь уже ясно — бесполезно ищет.

Касьянов прошел уже изрядное расстояние, не заметив ничего подозрительного. Но вдруг след круто развернулся и повел обратно, как показалось, к тому самому склону горы, где стояла землянка. Это было странным, тем более, что Касьянов ожидал — вот-вот наткнется если не на останки егеря, то хотя бы на приметы борьбы. Не отличая старый медвежий след от нового, Дмитрий с величайшими предосторожностями подошел к огромному кедру, где недавно стоял вместе с таежником. Марс спокойно и выжидательно посмотрел на хозяина. Когда неожиданно подошли Кочегаров с Валетом, Дмитрий вздохнул.

Старик тоже был в недоумении.

— Экая bestия!.. — сказал он, рассматривая следы. — Неужто он сиганул в реку, а? С него станет — тут, я знаю, под обрывом-то ямина без дна... Но Ваську-то чего понесло сюда? — сокрушался старик. — Али детство свое хотел вспомнить, бедолага... Да и то, чем старее, тем дурнее. Будто вот я лонись был мальчонкой, а уж теперя... Эх!

Удрученные неудачей, они вернулись в землянку. Попив чаю, старик пожаловался на боли в ногах, на свой ревматизм проклятый и прилег на лавку.

Дмитрий упорно смотрел на труп Рекса, на котором шерсть от тепла стала обтаивать, и думал свою невеселую думу. Одна догадка сменялась другой, без всякой видимой связи. Тайга была для него совершенно непонятной, и он по-

сетовал, что в специальной школе, где он проходил подготовку, почти не учили лесному сыску. Да и то понятно, бандить жмутся к тем местам, где есть пожива, а в лесу медведя не ограбишь.

— Одно мне неясно, паря, — вдруг сказал старик, поднимаясь и показывая на мертвого пса. — Гляди, нет у него никаких покусов, а ить шатуна должен был его съесть и шерстинки не оставить. Вот, паря, какая штука!

Касьянов насторожился: как же он об этом не подумал?

— Что ты предлагаешь, Степан Аверьянович? — спросил он.

— Ума не приложу, — ответил Кочегаров.

Касьянов решил вернуться в город, доложить обо всем подполковнику. Необходимо назначить группу опытных таежников, которые бы прочесали местность по ту сторону буйной Тайменки. И если там обнаружатся следы шатуна, то где-то будет и тот, кого они ищут. Уложив в рюкзак Рекса и поймав удивленный взгляд Кочегарова, Касьянов пояснил:

— Как ты и догадывался, Степан Аверьянович, я из милиции. Собаку пусть товарищи посмотрят. Экспертиза нужна..

— Понятно, — кивнул Кочегаров.

...Старик снова шел впереди и за весь долгий путь до своей пасеки сказал всего два-три слова. Прощаясь, он показал тропу, ведущую через пасеку на шоссе, и вздохнул:

— Васька — хороший мужик. Непременно надо найти... Быстрее возвращайтесь. А то большие снега пойдут, все похоронят получше попа.

Секретная пасека

У всякого человека, пожалуй, найдется в глубине души тайна — маленькая или большая, радостная или гнетущая, такая, которую он не раскроет даже самому близкому другу. Живет эта тайна в человеке порою так долго, что он уносит ее с собой в могилу.

Была тайна и у старого пчеловода Степана Кочегарова. Далеко за Сосновкой, на берегу Тайменки, имелась у него «своя» пасека в двадцать улейков, о ней никто не знал в совхозе. Доход с пасеки Кочегаров распределял по-своему, она была подотчетна только ему. Случалось, что в году плохо цвела гречиха, беднели медоносы на центральной усадьбе, трещал план по сдаче меда, а у Степана Кочегарова всегда все в порядке: за счет «своей» пасеки он всегда удерживал первенство, что льстило ему, не лишенному честолюбия. Правда, с годами ходить на ту пасеку старику становилось все труднее, и он уже подумывал о том, чтобы сдать ее совхозу, как «случайно найденную».

Пчелы зимовали у него там не в омшанике, а прямо в ульях на поляне, прикрытые полуметровым снегом. Он оставлял им достаточно меда на зимовку и навещал их уже весной, когда тайга одевалась в цветной наряд.

Последний его поход со старшим лейтенантом Касьяновым в Сосновку и след шатуна сильно обеспокоили старика: он уже видел в своем воображении, как голодный медведь добирается до его пасеки, сокрушает могучими лапищами ульи... В душе Кочегарова окрепло решение — проверить пасеку, пока стоят ясные дни. Солнце предвещало оттепель, мягкую тропу. И еще надумал старик вернуться к старой землянке, рас-

путать след и убить шатуна. Не будет Кочегарову покоя, пока шастает вблизи его пасеки голодный медведь.

Тщательно подготовившись, кликнул старик своего верного Валета и пошел по проложенному следу к Сосновке. Добрался без особых хлопот и приключений, натаскал дров в землянку; наломал лапнику, устроился домовито и надолго. И несмотря на то, что поутру видел вблизи коз, стрелять не стал, оберегая тишину тайги для главного дела.

Почаевав и убедившись в том, что со дня их прихода сюда с Касьяновым ничего нового не появилось, Кочегаров внимательно проверил ружье. Потом направился к вековому кедру, где темнела сидба шатуна. Неторопливо — не так, как в прошлый раз, — осмотрел он эту сидбу и немало подивился, что не обнаружил ни одного волоска медвежьей шерсти. По опыту он знал, что голодные шатуны не крепки на шкуру, она у них сваливается, неопрятна, висит клоками — в общем, дрянь шкура. А тут — ни волоска. «Видать, ишо не обдергался, — подумал старик с неудовольствием. — Будет с ним хлопот».

Спустившись вниз от кедрового откоса к Тайменке, Кочегаров заметил то, что не мог разгадать старший лейтенант: шатуна, очевидно, шел только на задних лапах. Вместо передних темнели на снегу неровные лунки, словно кто-то тыкал впереди в снег одну или две дубинки. Дважды, видно, попадал он передними лапами в капкан. Понятна стала старику и причина того, что медведь этот не мог, конечно, осенью набрать достаточно сала для зимней спячки и теперь вот странствовал по тайге, обезумев от голода.

«Неужто Васька ставил капкан? — подумал Кочегаров. — И молчал, хитрюга!..»

Валет, бежавший впереди, вдруг зарычал и остановился. Старик подошел к узкому проходу между скал. То, что он увидел, заставило его отшатнуться: на перелазе, в бревне, торчал огромный заостренный нож с ручкой, вбитой в дерево. Метрах в десяти, припущенная снегом, чернела туша кабана с выпущенными кишками. Кругом пестрели колонковые следы — ярко-огненные зверьки уже почуяли поживу. Валет дернул несколько раз секача за уши, словно убеждаясь в том, что тот мертв и его можно не опасаться.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — не удержался от восклицания старик. Дотошно осмотрел место недавней таежной трагедии и поразило мастерству того, кто так умело установил на кабаньей тропе острый нож. Подумал вслух:

— Однако постой-ка. Кто ж это мог сделать?

Старик вспомнил: таким вот образом устанавливал нож на перелазе когда-то Роман Соколовский и, бывало, враз брал по три-четыре свиньи из табуна. И сам Кочегаров знал этот способ, да только он хорошо знал и другое — за такое «мастерство» в нынешнее время по головке не гладят, ведь это — не охота, а истребление зверя под корень. Конечно, эта премудрость известна и Василию Колядину, но неужели он пошел на такое дело?.. Хотя, кто его знает. Чужая душа — потемки. Все может быть: к Ваське-то в дом в последние годы частенько начальство заглядывает. Надо встретить и угостить, да и с собой им кусок мяса положить, чтобы их жены были довольны. Муж, дескать, охотник, а не мазила... М-да... Неприятная история.

И старик покачал головой, в первый раз подумав о своем друге и таежном соседе как о

тайном браконьере. Покрыв тушу кабана ветками и сучками, чтобы вороны и сойки не испортили добро, и навесив на колышки красные тряпочки от своего носового платка, чтобы лисы и волки побоялись сюда подойти,— старик пошел дальше, надеясь вернуться к вечеру в землянку,— там все-таки теплее спать, чем под деревом на морозе.

Кое-как он вырубил топором нож из бревна и положил его к себе в крошни — пристыдит при случае Ваську...

Там, где старший лейтенант свернул по следу шатуна обратно, старик долго стоял, соображая, почему медведь шел к кедру задом наперед. И понял ошибку Касьянова: в стороне от следа, за кустами можжевельника, продолжалась тропа все дальше вниз по склону. Только там, где эти два следа смыкались, медведь сделал огромный прыжок в сторону, через кусты. Что за притча? Что могло так испугать неустрашимого зверя?

Стенки расселины, по которой шел старик с Валетом, то сужались, то немного расступались. Тут нигде не темнели посторонние следы, кроме медвежьих. Шатун, видно, уставал и все чаще опирался на свои культышки.

Вдруг впереди, в самом узком месте, раздался предсмертный визг собаки — тяжелая опадная колодина, установленная на тропе, убила Валета сразу. Подбежав, старик нагнулся над мертвой собакой, проклиная того, кто установил тут колодину. Старик искренне любил своего храброго пса, который не раз спасал ему жизнь и сейчас своей гибелью предупредил о смертельной опасности.

Тут старик заметил в кустах изодранную в клочья телогрейку. Отряхнул ее от снега и прошептал в изумлении: «Васькина...»

Однако ни горе, ни слезы, туманившие глаза, не помешали старику увидеть то, от чего шапка на его голове поднялась со страху. Опадная колодина, погубившая собаку, оказалась милостивой к шатуну: след медведя темнел дальше, за колодиной...

— Нечистая сила! Господи, спаси и помилуй! — невольно перекрестился старик и, забыв про свою пасеку, схватил ружье, крошни, сунул в них изодранную телогрейку и с необычным проворством, удивительным в его годы, не чуя ревматизма, побежал обратно по тропе. Влопыхах, через дыру в крошнях, потерял найденный нож. Это совсем dokonало его: он решил, что и это дело рук нечистой силы. Плотно прикрыв за собой дверь в землянку, он мигом забился в угол нар, бормоча святые притчи. Не разжигая огня, он лихорадочно думал: «А я-то, дурак, на Ваську грешил!»

Тревожную ночь провел Кочегаров в этой выстуженной землянке, от каждого шороха вздрагивал. Едва лучи солнца тронули вершины кедров, старик, пугливо озираясь по сторонам, побежал к себе в главную усадьбу — подальше от гиблого места.

Дома, накрепко притворив дверь, старый пчеловод сварил себе крепкий чай, поел плотно, пожалев лишь о том, что не успел отрезать от кабаньей туши доброго ломтя мяса — все равно теперь пропадет.

И все же старик рано решил, что все обошлось. Ночью в холодной землянке он, видимо, простудился, и теперь у него начался сильный жар, сознание затуманилось. Ему приснился страшный сон. Роман Соколовский бежал за ним по тайге, простирая обрубленные капканами лапы, и ревел, оскаливая громадную пасть и норовя раздавить голову желтыми, в пене, клыками. Старик мчался под гору, хватаясь за сердце, и оно вот-вот должно было разорваться. Споткнувшись о валежину, он упал и услышал дикий хохот Романа:

— Ага, попался, старый хрыч! — ревел тот, наваливаясь на него медвежьей тушей. — Это ты мово милого сына большевикам продал? Держись теперь!..

Кочегаров проснулся весь в поту, разбитый. Сознание, как солнце перед грозой, то проглядывало из темноты, то исчезало. Мысли, обрывочные, нестройные, возникали чередой, и он потерял всякое представление, где явь, а где сон.

Ему начинало мерещиться, что вернулся Касьянов, и очень доволен: оказывается, не Колядина он искал, а тайную пасеку Кочегарова. И нашел. Теперь протокол составляет и требует, чтобы Кочегаров расписался...

Потом Касьянов уплывал в неведомую даль и снова мерещился шатун с культяпками вместо лап.

Утром Степан Аверьянович нисколько не удивился, когда увидел в избе Ивана Соколовского.

Заросший огромный мужик бесшумно, словно тень, двигался по избе, потом сел на лавку и с усмешкой посмотрел на больного. Он, по-видимому, не был обижен тем, что много лет назад старик его арестовал: вел себя спокойно и даже улыбался.

— Что, дядька Степан? — заговорил Иван. — Подыхаешь? Пора уж. Всех сосновских пережил. Вижу, и твой час наступил, догоняй своих. Мешать не буду. Нет ли у тебя чего поесть?

Кочегаров, не вставая с кровати, указал ему на чугунок с варевом, стоящий на загнетке. Иван мигом уписал еду, облизал ложку, запил холодным чаем и снова заговорил:

— Эх, славно было времечко, когда батяка тут был. Помнишь, как я у сосновских баб ягоды отбирал, а? Ха-ха!

Как же Степану Кочегарову не помнить «медвежьей забавы» молодого Ваньки Соколовского. Пойдут, бывало, сосновские бабы за голубицей, наберут полные туюски спелых ягод и кличут друг дружку:

— Ты, Фетинья, готова?

— Агу. А ты, Нюрка?

— Полнехонько!

— Ну пошли тады, бабоньки, до дому...

Вдруг из-за кустов, грозно взревывая, показывался косматый и страшный в ярости медведь. Тут уже не до ягод: побросают бабы корзинки, — и давай бог ноги! А Ванька подберет всю ягоду в свою бочку, шкуру медвежью спрячет в дупло и тоже домой возвращается. Потом с той ягоды вино гонят да с батякой веселятся...

— Ты ить мертвый, Иван, — прошептал Кочегаров. — Пошто мне спать не даешь? Изыди!

— Сам ты покойник, — ответил мужик, стал уменьшаться в размерах, превратился в маленький огненный шарик и выкатился через порог.

Оперуполномоченный Савельев, вконец измученный безуспешными поисками пропавшего егеря, вошел в дом пасечника на другой день вместе со своими товарищами. Он был крайне удивлен и озадачен тем, что всегда гостеприимный старик встретил его у порога диким криком: — Вон, сатана! Будь ты проклят!..

Догадавшись, что старик болен, кричит в бреду, Савельев немедленно отправил его в больницу со своими друзьями-охотниками. Когда сани, запряженные, скрылись в тайге, Савельев в изнеможении повалился на кровать и тут же заснул.

Вершины сосен начинали гудеть от северного ветра; скоро и в печной трубе тонко, постепенно усиливая свой голос, запела метель. Хлопья снега ложились на елки, на санный путь, и к утру тайга покрылась обильной кухтой, уже не помнила следов человека, ни зверя, проходивших еще вчера.

Прожитое

Вряд ли думал Яков Андреевич Сабуров, бывший начальник районного отдела МВД, что на склоне лет, уйдя на пенсию, будет писать мемуары. Как и многим старикам, ему хотелось поселиться где-нибудь у рыбной речки, в тайге, разбить огородик, чтобы там росла морковь, топырился лук, цвел укроп — все, что нужно для доброй ухи. Совсем не худо, хлебная духовитую уху деревянной ложкой, видеть, как за окном желтеет плодами выращенная груша или яблоня. Вечером,

когда небо потемнеет от нависших над лесом туч, слышать, как с соседнего озера лягушки хором провозжают стайку уток-хлопунов, впервые взлетевших над камышами. А поздней осенью, когда долго стынет над рекой туман, принести в избу тяжелых, наколотых тобой березовых поленьев, свалить их у большой русской печки, настрогать «петушков», открыть заслонку, выгresti в старое ведро золу — и смотреть, как весело занимается пламя. Потрескивают, стреляют дрова, краснеет чугунная плита и начинает дышать паром чайник. Становится уютно в комнате с простыми цветными занавесками; уместны кочерга и совок, потертый веник у порога. И прожитый век вдруг свалится с плеч, и покажется, что где-то во дворе ходит твоя бабушка, гоняя кур с грядок, а мать вот-вот откроет дверь и крикнет:

— Яшка, ты почему корове сена не дал? Вот я тебе!..

Сабурову уже за шестьдесят, и так случилось, что на своей таежной даче он поселился один. В ленинградскую блокаду погибли его жена и сын. А второй раз жениться так и не пришлось.

Дача у него — ничего, хорошая, может, и не такая, как мечталось, а все-таки жить в ней можно. Даже теперь, зимой, если не лениться топить, тепло в ней. У соседа — инвалида Отечественной войны — дача аккуратнее, обшита «вагонкой», бедней крыльцом — штакетник по струнке, а для зимы эта дача не годная. Нет, Якову Андреевичу такая не нужна: зверовая охота требует теплой избы. Конечно, можно было поселиться у Василия Колядина — вдвоем со старым другом было бы легче жить, но ведь у егеря — жена, да и охотники наведываются. Сегодня никого нет, а завтра бригада нагрянет — шум, водка. Нет тишины. А врачи, отправляя на пенсию, не шутя предупредили: покой и еще раз — покой.

Яков Андреевич поморщился, потрогал темный, пульсирующий шрам, перечеркнувший левый висок. Придвинул кружку с горячим чаем, неторопливо помешал ложечкой сахар. Задумался, щуря глаза от света керосиновой лампы. Раскрыл на середине тетрадь в синей обложке, перелистал несколько страниц, исписанных его быстрым, неровным почерком, взял в руки карандаш и, делая пометки, начал читать.

«...В конце тридцатых годов на Кривой слободе действовала шайка. Главарем ее был дерзкий разбойник по кличке Кот. Грабежи, налеты среди бела дня на магазины и дома следовали чередой. Вся милиция города была поставлена на ноги, чтобы ликвидировать банду. Но обнаружить «малину» долго не удавалось...»

Резко ударил ветер в ставень, так что пламя лампы затрепетало. «Зачем все это пишу? — подумал Яков Андреевич. — Неужели только для того, чтобы рассказать, как получил этот проклятый шрам на виске?»

И снова побежали перед глазами неровные строчки.

«Я в ту пору служил агентом угрозыска. Дежурил раз на базаре; слышу, двое парней болтают про какого-то «кота». Установил за этими парнями наблюдение — и не ошибся. Через неделю бандит был пойман в доме Секлети Буркиной, известной в слободе баптистки...»

Сабуров припомнил, как дерзко держался «Кот» на допросах. Он не выдал ничего из участников разбоя. Но подлинное имя бандита установить удалось. Это был Иван Романович Соколовский, сын того Соколовского, который наводил

ужас в сихотэ-алинской тайге еще в дореволюционные времена. Это подтвердил и начальник угрозыска Панкратов, который проводил его первый допрос, сразу после того, как Ивана поймал работник железнодорожной охраны Степан Кочегаров.

Поймать-то поймали, но Иван Соколовский тогда бежал...

«Кочегаров сдал Соколовского с рук на руки молоденькому милиционеру в участок,— читал Сабуров.— Этот милиционер — фамилия его не запомнилась — был интеллигентного склада характера, чрезвычайно вежливый человек. Он полагал, что при Советской власти не может быть никакого насилия. Он даже краснел от смущения, когда ему приходилось обыскивать рецидивистов.

Извинившись, что, к сожалению, порядки требуют произвести обыск, этот милиционер вежливо потрогал карманы Соколовского и, ничего не обнаружив, провел его в кабинет к Панкратову. Тот посадил Соколовского на стул, отослал милиционера и начал допрос.

Соколовский коротко ответил на первые вопросы, касавшиеся его имени, места рождения. Но когда Панкратов спросил его о цели возвращения из-за границы, он вдруг выхватил из-за пояса штанов браунинг и выстрелил начальнику угрозыска в голову. Однако промахнулся. Это его так удивило, что он на секунду растерялся. Панкратов бросился под стол, а Соколовский, не целясь, снова выстрелил, отбив от ножки стола щепу. Тут-то я, дежуривший в коридоре, бросился в кабинет Панкратова. Соколовский повернулся,

сбросил меня со своих плеч, и выстрел, предназначенный Панкратову, послал в мою голову. Пуля ожгла мне висок у левого глаза, и я упал... С бандитом справились: подоспели ребята, выбили у него из рук оружие, навалились, связали...

Когда его уводили, подоспели два пограничника, присланные начальником заставы. С винтовками наперевес, с примкнутыми штыками, они двинулись позади его. Впереди шли два милиционера.

Соколовский обернулся к пограничникам, осклабился:

— Вот если бы у меня была ваша штучка а не эта пукалка — браунинг...

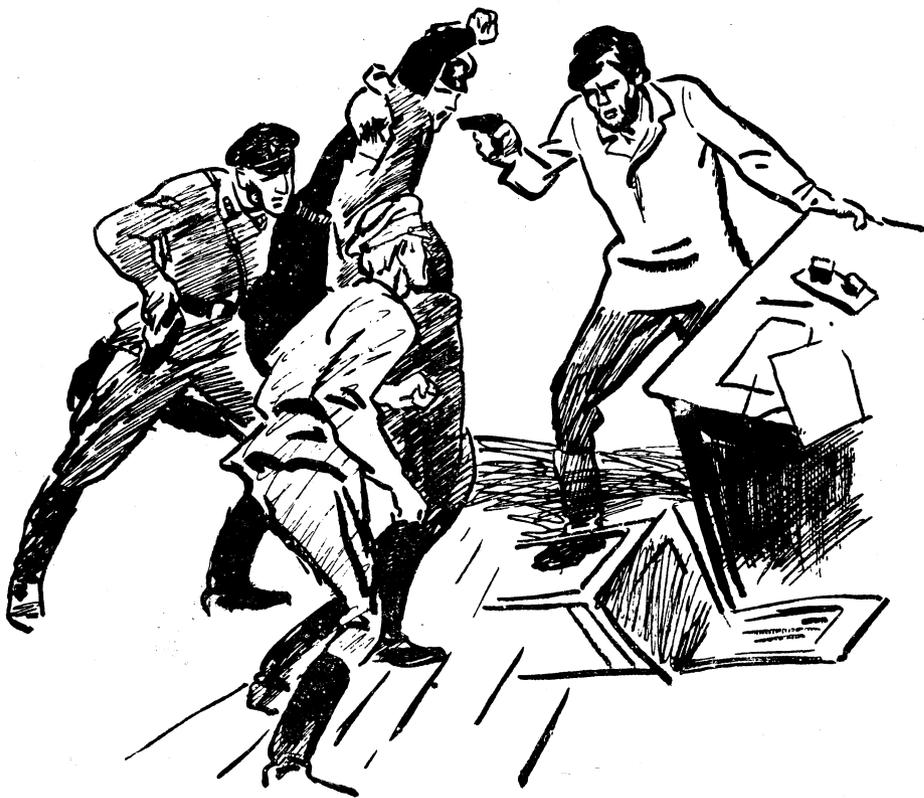
— Ну-ну, шагай! Доигрался,— буркнули провожатые.

Больше Соколовский не произнес ни слова. Заключенный в КПЗ, он ночью бежал, разобрав печную трубу. На полу, среди пыли и золы, запачканные сажей, валялись обрывки пеньковой веревки.

Пойманный через несколько лет в доме Секлетей Буркиной, преступник недолго отпирался — я напомнил ему случай с Панкратовым. Соколовский ухмыльнулся и сказал:

— Так это ты был тогда?! Ну, получил бы я порку от батьки за такой выстрел...— И посмотрел с любопытством на мой лиловый шрам у виска».

Сабуров дочитал до этого места, встал, подбросил дров в печку, подмел золу. Дрова разгорались, гудели. Сабуров задумался. Почему человека тянет к тому, что прожито? Ведь ничего

не вернуть — ни молодости, ни силы. А жить без этой памяти нельзя! То радостью, то гневом вдруг влетит она в самое сердце.

«Поеду-ка я завтра к Василию,— решил Сабуров,— самая пора: перекаты уж перемерзли, доберусь на своем «газике» до его дома. А то за писаниной и ходить разучусь...»

Разговор на даче

Рано утром во дворе дачи Сабурова затрещал мотоцикл. Сабуров открыл глаза, прислушался, затем вскочил, набросил теплый бушлат и выбежал в сени.

На пороге стоял Касьянов.

— Здравия желаю, товарищ подполковник!

— Заходи, дорогой! Спасибо, что не забыл ваешь.

Якову Андреевичу показалось, что Дмитрий чем-то расстроен. Приглашая его к столу, усаживая, Сабуров спросил:

— Ну... что случилось? Говори.

— Колядин исчез. Егеря,— коротко ответил Дмитрий, не глядя на Якова Андреевича, словно он — Дмитрий — виноват в этом происшествии.

В руках Сабурова замер топор, которым он приготовился колоть лучину.

— Когда?— глухо спросил он.

— Десятого ноября ушел в тайгу на учет зверя и...

— С тех пор... нет?— Сабуров положил топор, тяжело поднялся.— Рассказывай.

Слушал Сабуров молча, не перебивая. Дмитрий говорил о своих скитаниях по тайге, о своем знакомстве с Кочегаровым, о Савельеве, который с группой охотников совершал поиск в районе Тигровой пади, о вертолете, убитом Рексе, стреляной гильзе, следах шатуна, и, наконец, об обнаруженной в крошнях старика пасечника разодранной зверем телогрейке егеря.

В пепельнице накопилась горка окурков. Яков Андреевич спросил:

— Что ты обо всем этом думаешь?

— Мое мнение...— Дмитрий пожал плечами,— Колядин мог погибнуть от шатуна. Это же я доложил и начальнику отдела Горохову.

— А... он что?

— Он,— тут Дмитрий смутился.— Он сказал, чтобы я посоветовался с вами. И если вы поддержите мою версию, он прекратит следствие, хотя мы и не нашли останки егеря...

— Предположим,— подумав, сказал Сабуров, прихлебывая холодный чай без сахара,— что твоя версия верна... А карабин Колядина найден? В каком он состоянии? Побит, покарежен?

— Видимо, карабин был выбит из рук... В снегу где-нибудь,— ответил Дмитрий.— Найдем.

— Надо найти,— сказал Сабуров.— Егеря нет,

карабина тоже, а вы... уже панихиду заказали.

— Но Кочегаров уверял меня, что шатун и кабана враз может съесть.

— Степан Аверьянович умный старик, но любит прихвастнуть, даже приврать,— хмурился Сабуров.— Его слушать надо, но критически... Кстати, что он говорил?

— Его удивило, что Рекс был убит медведем, но не съеден. Может, говорит, егерем усытился...

— Ну, Касьянов, не узнаю тебя! Хотя, конеч-

но, ты не таежник. И на кой черт вообще тебя Горохов послал?

— Некого больше было,— ответил Дмитрий.

— Так я тебе объясню: если бы шатун даже «усытился» Колядиным, он все равно бы вернулся через день-другой к собаке. А скорее всего совсем не ушел бы от Рекса,— начал уже раздражаться Яков Андреевич.— Тебе бы это мог сказать и Кочегаров.

— Я хотел с ним поговорить подробнее, но он сейчас в больнице. У него воспаление легких. И с головой плохо.

— Вот как! А почему?

— Судя по тому, что в его крошнях найдена рваная телогрейка егеря, Кочегаров не сидел дома, а снова ходил к Тайменскому водопаду.

— А откуда ты знаешь, что эта телогрейка Колядина?

— Ее опознал Савельев, он видел в ней егеря в последний день их совместной охоты.

— Так...— протянул Сабуров.— Труп собаки исследован?

— Да. Пролом черепа и шейных позвонков.

— Следы когтей?

— Их нет. Но медведь мог так ударить...

— Это ты считаешь?

— Считают те, кто знаком с повадками медведя. Савельев, например.

— А что говорит Кочегаров?

— Трудно понять. Здоровье его, правда, улучшается. Врачи надеются... В бреду он упоминает шатуна, какой-то нож, кабана, тайную пасеку, Ваньку Соколовского.

— Ваньку Соколовского?!— удивился Яков Андреевич.— Почему... именно его? — И сам же себе ответил:— Хотя верно, ведь он же летом в тайге обнаружил труп этого бандита. Я тоже выезжал... Послушай-ка, Дима, а не могло случиться так, что мы ошиблись и Иван Соколовский жив?

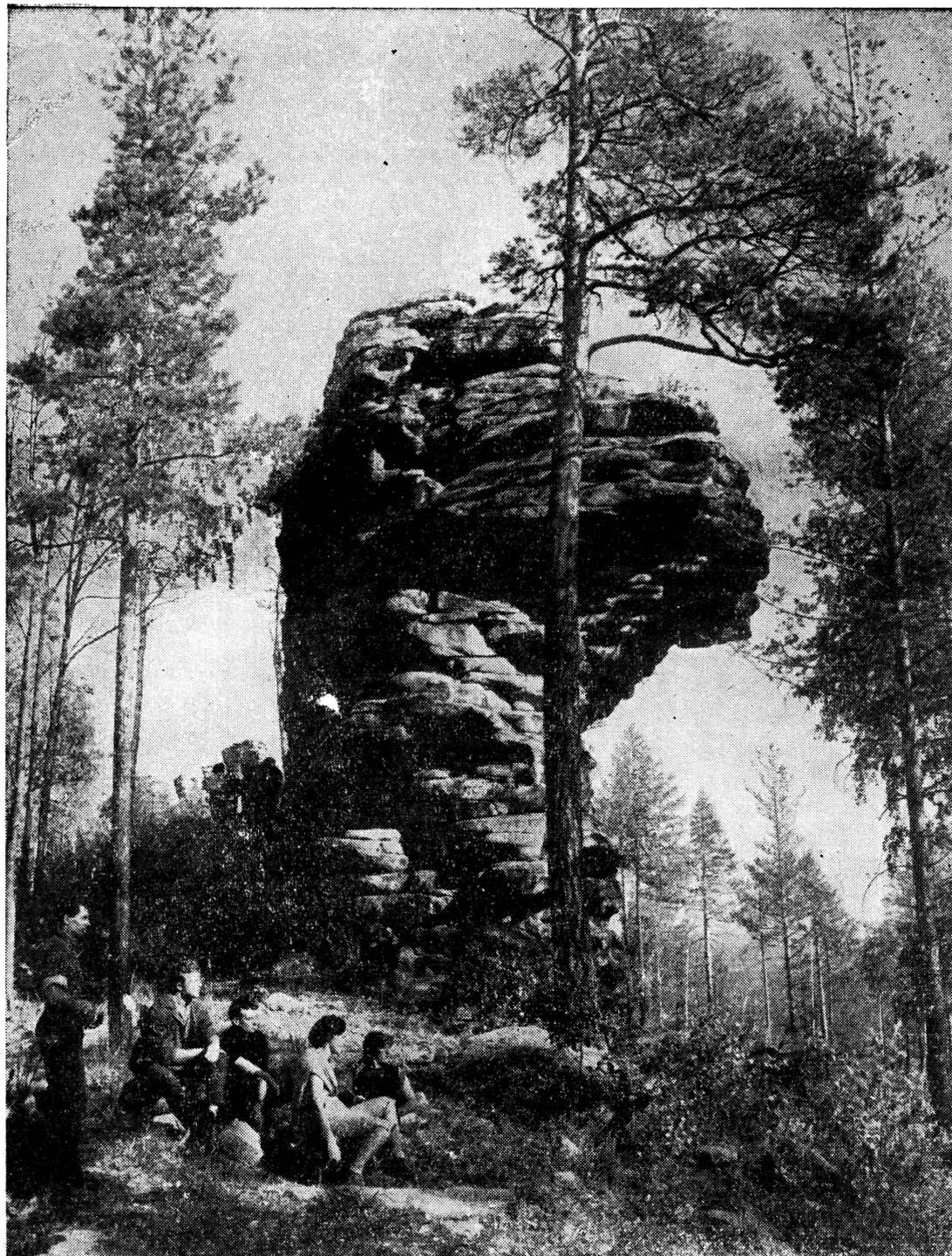
— Как же можно! — возразил Касьянов.— Я помню это дело. Экспертиза подтвердила идентичность почерка в записке с почерком Соколовского, совпали отпечатки пальцев на записке.

— Все так, Дима.— Сабуров встал и ходил по комнате.— У тебя хорошая память? Ты был на последней моей ориентировке? Так вот, ты должен был запомнить, что я сказал тогда.

— Да, вы сказали, что дело о всесоюзном розыске хотя и закрывается, но мы должны еще некоторое время наблюдать за этим районом. «Мало ли что»,— сказали вы тогда.

— Мало ли что,— повторил Яков Андреевич.— Я, повторяю, сам видел убитого. Да, все говорило о том, что это Соколовский. Но лицо его было страшно изуродовано. Труп — в никудышном виде. И эти обстоятельства не давали мне покоя... Словом, нужно искать Колядина. Искать! — Сабуров подошел к Касьянову, и тот встал.— Вот что, Дима; ты сейчас садись на свой мотоцикл и жми в город, к Горохову. Скажи ему о моем желании возгласить поиск. Это раз. Второе — немедленно организуйте у той землянки, где вы были с Кочегаровым, засаду. Тебе помогут Савельев, Ахметов — ребята надежные. И третье — жди меня там же в самом скором времени. Ясно?

— Ясно,— ответил Касьянов, невольно вытягиваясь.

Семь братьев

Фото В. Тернова

МАЛЕНЬКИЙ АДЪЮТАНТ

л. ГОЛУБЕВ

Однажды к штабу 28-й Железной дивизии подошел босоногий оборванный мальчуган и хотел было проскочить в помещение, но его остановил часовой:

— Тебе кого? Сюда нельзя.

— Мне командира.

— По какому делу?

Мальчишка тяжело засопел.

— Надо...

— Ну, ну — миролюбиво сказал часовой. — Ступай-ка отсюда.

И как раз в это время на крыльцо вышел сам Владимир Мартынович Азин, командир Железной.

— Что за шум?

— Да вот привязался, — часовой кивнул на мальчишку. — К вам просится.

Некоторое время Азин и мальчик молча разглядывали друг друга.

— Ты чей? — спросил Владимир Мартынович.

— Ничей, — сказал мальчишка. — Сирота я. Возьмите меня к себе...

Звали его Володькой Алексеевым. У него было круглое добродушное лицо и тонкие, как прутики, руки.

— Куда же тебя взять? — развел руками Азин. — Ведь мы воюем.

— Я тоже буду воевать. Я только с виду маленький, а годов мне уже много...

— Сколько же? — с интересом спросил Азин.

— Тринадцатый...

Владимир Мартынович задумался: как быть с парнем? Он велел позвать казначея.

— Федор, распорядись, чтоб поставили на довольствие!

Володьку одели в красногвардейскую форму, даже бурку сшили ему дивизионные портные. Первое время он находился на должности телефониста при штабе.

Однажды Володька сообщил начдиву, что в селе Вознесенском белые вешают большевиков.

— Откуда узнал? — сердито спросил Азин.

— Сам видел! Там у них три пушки и четыре пулемета...

Сведения были ценные и очень пригодились, но Азин все же наказал Володьку — за то, что самовольно ходил в разведку.

Вскоре Володька опять ушел без спросу на «горячее» дело. Пробрался в тыл к белым, все высмотрел, и уже на обратном пути, в лесу, неожиданно натолкнулся на вражеского солдата. Ничего не подозревая, белогвардеец обратился к мальчишке с каким-то вопросом и вдруг увидел перед собой дуло нагана.

— Руки вверх! Бросай винтовку! — скомандовал ему Володька.

Растерявшийся белогвардеец послушно отбросил оружие, и Володька привел его в штаб.

Обо всем этом рассказал следопытам

Свердловской школы № 17 бывший казначей азинской дивизии Федор Фролович Глухов, проживающий ныне в Свердловске. Он и узнал Володьку на фотографии, которую показали ему ребята.

А вот что рассказал другой свердловчанин — бывший начальник связи 247-го стрелкового полка Иван Миронович Томашов:

— Как-то мы стояли на одной железнодорожной станции в Удмуртии. Я приехал в штаб дивизии. Смотрю, у штаба мальчишка сидит на лошади. Ноги едва достают до стремян. Я было рассмеялся, — дескать, тоже вояка!.. А один из бойцов говорит: «Ты не больно скаль зубы. Этот парень — адъютант самого Азина!» — «Да ну? — удивился я. — Это и есть Володька?» Я много слышал об адъютанте надчива, но встретился с ним впервые. Потом вышел Азин. Ему подвели коня. Начдив вскочил в седло. Он был чем-то озабочен и все хмурил брови. Выслушав меня, сделал необходимые распоряжения, и, прищпорив коня, помчался вдоль перрона. Володька — за ним, не отставал ни на шаг. Потом я еще несколько раз видел мальчика и всегда — рядом с Азиным.

Был еще такой случай.

Весной 1919 года на станции Агрыз белогвардейцы бросили против красных крупные силы. Окружили станцию. Положение создалось тяжелое.

Помню, подъехал Азин к водокачке, возле которой расположились мои связисты. С ним — его маленький адъютант. Поднялись оба наверх. С водокачки — все как на ладони видно. Немного погодя Володька кубарем скатился вниз, вскочил на коня и помчался на батарею Гундорина с приказом. А потом Азин послал его в железнодорожное депо за подкреплением. Володька оттуда вернулся вместе с рабочими. В критический момент Азин сумел сформировать из этих рабочих новый отряд. На рассвете раздались оружейные залпы гундоринской батареи, азинцы пошли в наступление.

Володя участвовал в освобождении от колчаковцев Предуралья, а потом и Екатеринбурга. Но как сложилась его дальнейшая судьба, это следопытам еще предстоит узнать.

Я = ГВАРДИЯ!

Весной 1943 года Урал провожал на фронт Добровольческий танковый корпус. Отзвучали прощальные речи, оркестры сыграли последний марш, последний танк вполз по настилу на платформу, и его закрепили тросами. Эшелон двинулся на фронт. Боевое крещение танковый корпус принял в знаменитой битве под Орлом. Корпус стал гвардейским, затем ему было присвоено наименование Львовского. С ожесточенными боями он двигался на запад, — все дальше от родного края, все ближе к границам гитлеровской Германии...

НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНЬЕМ

Это произошло во Фридриховке, во время нашего наступления весной 1944 года.

Танк, которым командовал лейтенант Григорий Чесак, стоял за углом дома, охраняя командный пункт, когда в атаку двинулись «тигры». И в самом начале атаки вышла из строя наша командирская машина. Справа донесся гулкий удар пушки «тигра», и вслед за тем — взрыв...

Вторые сутки бригада частью сил отражала яростные контратаки врага. Два дня назад, совершив по небывалой весенней распутице марш в семьдесят километров, советские танки незамеченными подошли к Фридриховке. Внезапно, как призраки, вынырнув из тумана, они после короткого боя овладели городком. Их появление было настолько неожиданным, что противник не сумел оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Только к середине следующего дня, подтянув пехоту и тяжелые танки, немцы начали контратаковать. К этому времени во Фридриховке оставалось всего несколько «тридцатьчетверок» с отрядом автоматчиков: главные

силы бригады вели бои на других участках широкого фронта.

Дорога вдоль улицы разбухла от нескончаемых дождей, кюветы были полны воды. С полдесятка вишен сиротливо тянули к серому небу голые ветви. За одним из кирпичных строений притаилась в засаде «тридцатьчетверка» Чесака. Предметом особых забот лейтенанта был небольшой белый домик, в котором помещался КП. Возле домика в окопах сидели автоматчики. Поодаль дымился почерневший остов взорвавшейся командирской машины.

Чесак очень ясно представлял себе, что может произойти, если «тигры» нащупают его «тридцатьчетверку», и решил действовать осторожно, расчетливо.

Басовитое, стелющееся по земле гудение моторов возвестило, что «тигры» — близко. Чесак еще не видел врагов, но слышал их приближение. Он сидел на башне, свесив ноги в открытый люк, и, время от времени приподнимаясь, неотрывно смотрел в ту точку, откуда должны были появиться «тигры». Крупное, как и весь он, чуть заветренное, в веснушках и с припухлыми

по-детски губами, лицо его слегка побледнело, светло-серые, обычно простодушные глаза приобрели не свойственное им выражение жестокости. В зубах крепко была зажата папироса.

Бой начинался как-то лениво, тягуче. Видимо, гитлеровцы хотели прежде испытать нервы противника.

Вот за деревьями показалась желтобурая туша «тигра». Фашистский танк полз медленно, словно обнюхивая каждый вершок земли. Заехал за дом. Затем в про свете деревьев появился второй «тигр», третий, четвертый, пятый...

Автоматчики вопросительно оглядывались на Чесака: «Почему не стреляешь?»

Главной «тигра» был уже за ближним домом. Все сильнее слышалось его глухое урчание. Вот из-за стены показался набалдашник пушки, затем — длинный ствол, затем — массивная, срезанная под прямым углом, лобовая часть...

— Давай! — крикнул Чесак водителю.

Скользнув в темное нутро машины, он со звоном захлопнул за собой люк. «Тридцатьчетверка» рванулась вперед и, выскочив из-за угла, встала как вкопанная. До «тигра» было восемь-девять метров, не больше. Чесак поймал в перекрестие цель. Раз! Раз! Раз! Раз! Четыре подкалиберных снаряда пошли в борт неприятельской машины один за другим. Лейтенант видел, как, высекая искры, били они по «тигру»... Крепок, проклятый! Однако после четвертого попадания урчание «тигра» вдруг оборвалось и тяжелая туша замерла.

— Ура! — донеслось из окопов.

Еще миг, и на наши позиции обрушился грохочущий шквал. «Тигры» открыли адский огонь. Бу-м!.. Бу-м!.. — били их пушки. Со свистом проносились болванки. Две или три ударили в дом — обломки кирпичей брызнули во все стороны.

Но все впустую: Чесака и его «тридцатьчетверки» уже не было на том мес-

те, откуда он подбил головную немецкую машину. Мгновенно дав задний ход, танк снова заехал за дом, и теперь только кирпичи дождем сыпались сверху. Броня гудела, как колокол.

Постреляв, фашистские танки отошли, оставив подбитую машину на дороге. Чесак опять вылез на башню и огляделся. Папироса по-прежнему была зажата в уголке рта.

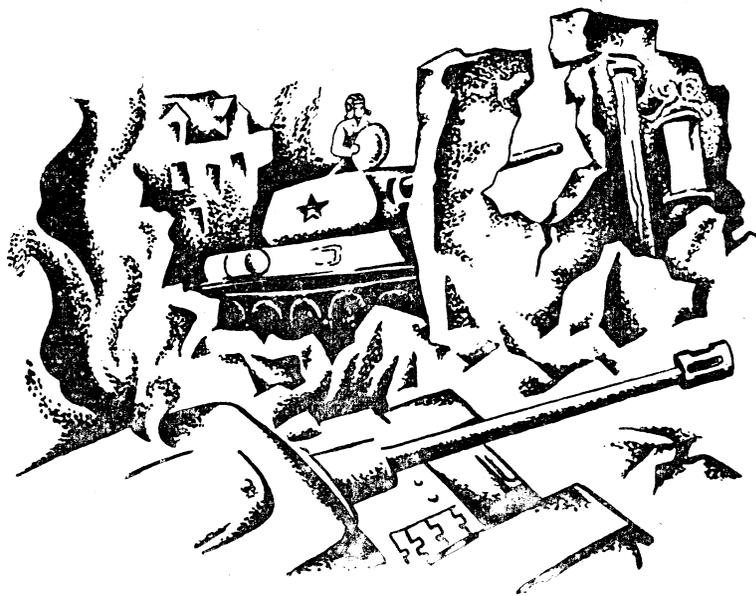
Вскоре «тигры» начали новую атаку. Когда Чесак снова пересчитал врагов, их было уже девять. Девять против одного!

Странное дело: Григорий не испытывал страха. По мере того, как разворачивался этот небывалый бой, тревожное возбуждение, охватившее его поначалу, как-то само собой улеглось. Теперь в нем кипела одна только злость.

Повторилась прежняя история. «Тигры» постреляли, но, как и в первый раз, не обнаружили «тридцатьчетверки». Тогда они подползли еще ближе. Остановились и стали водить пушками из стороны в сторону, щупая цель. Они стояли гуськом, большие и угловатые, как дома, и словно раздумывали, как поступить.

Один подъехал совсем близко к дому, за которым прятался советский танк, и выключил мотор. Чесак приказал своему механику-водителю тоже заглушить двигатель.

Затаили дыхание в своих укрытиях автоматчики: пушка «тигра» была направле-

на прямо на машину Чесака. Но немец не видел цели—мешали кирпичные строения. Длинный хобот дрогнул и медленно пополз в сторону. Невольный вздох облегчения вырвался у наших автоматчиков.

Затем опять бушевала артиллерийская гроза. «Тигры», остервенясь, били наугад. Они крушили каменные стены, кирпичи летели на дорогу, к вишням. Красная пыль поднялась выше крыш.

Танк стал красным от этой пыли. Ею покрылись шлем, лицо Чесака. Едва затихал свист болванок, как голова лейтенанта появлялась из люка, потом Чесак высовывался до пояса. Согнувшись, спиной к ветру, он чиркал спичку, и в руках у него загорался трепетный желтоватый огонек.

Его спокойствие ободряюще действовало на автоматчиков. Теперь они уже с меньшей тревогой, а больше с любопытством, к которому примешивалось восхищение, следили за поединком.

Все последующее было точным повторением предыдущего. «Тигры» атаквали, Чесак защищался, но, защищаясь, одновременно нападал, и нападал гораздо успешнее, чем делали это «тигры». Еще одному из них он сбил ведущее колесо, а другому заклинил пушку и прорвал гусеницу.

Уже три машины противника застыли на дороге. «Тигры» не видели его, а он видел их—в этом было его преимущество. Сказался их главный недостаток—неповоротливость. «Тридцатьчетверка» же ловко маневрировала между домами, давая задний ход и отходя в укрытие после каждого выстрела.

«Тигры» меняли тактику. В то время, как один, став на перекрестке, обстреливал дома, другие под его защитой пытались подобраться вплотную к неуловимой «тридцатьчетверке», однако сейчас же вынуждены были отходить: отважный лейтенант зорко сторожил каждое их движение.

В самый разгар боя кончились боеприпасы. Чесак облился холодным потом, когда последний снаряд лег в казенник пушки. Он и его товарищи мысленно уже простились с жизнью, когда дружеский голос с земли крикнул:

— Лейтенант! Держи снаряды!

Друзья-автоматчики под огнем врага доставили боеприпасы с подбитых машин. У танкистов сразу словно прибавилось

26

силы,

Все это время из окна белого домика за боем наблюдал командир бригады, подполковник. Это он распорядился взять с других танков снаряды. Когда в один из особенно горячих моментов танк Чесака закрыло облаком красной пыли, подполковник пробормотал: «Все. Пропал парень»,—но пыль рассеялась, и подполковник снова увидел лейтенанта наполовину высунувшимся из башни. Над головой его вился синеватый дымок. «Курит, черт!»—нежно подумал комбриг, восхищаясь поведением своего офицера.

Наконец, «тигры» отошли, продолжая держать дорогу под обстрелом и не позволяя приблизиться к своим подбитым машинам. Чесак спрыгнул на землю и посмотрел на часы. Ого! Прошло целых пять часов! Следовало подумать—пока позволяла обстановка—о своих ранах: машину кое-где все же зацепило.

— Вылазь, ребята!—приказал лейтенант.

Они вылезли с потемневшими от усталости и копоти лицами: механик-водитель Овчинников, радист Бухалов и заряжающий Курбатов, все трое—свердловчане.

Ручьи пота оставляли светлые полосы на черной коже. Только рыжеватый Чесак стал еще краснее от коричневой пыли. Из люков машины синими струйками поднимались пороховые газы.

У танка оказалась поврежденной гусеница. Один снаряд скользом попал в башню—образовалась трещина.

Башня—шут с ней. Гусеницу же требовалось исправить немедленно. И вот после напряжения боя танкисты, не дав себе ни минуты передышки, занялись тяжелой физической работой.

Едва кончили ремонт—опять заурчали на дороге «тигры».

— По местам!—скомандовал лейтенант.

Фашисты решили отбуксировать свои подбитые машины, а Чесак не давал им это сделать. Два «тигра» остановились возле подбитого танка, загородив его с двух сторон. Немецкие танкисты выскочили, начали было подцеплять буксирный трос, а Чесак выставил пушку через дыру в стене дома, пробитую болванкой, и—раз! Немцы побежали. Они кончили тем, что привезли бочки с горючим и, облив бензином неподвижные машины, подожгли их. Чесак уже не мешал им: берег боеприпасы.

Начинало темнеть, когда комбригу до-

ложили, что «тигры», расстреляв боекомплект, ушли, и бой закончился. Подполковник первым поспешил к Чесаку, чтобы принять от него рапорт.

За этот памятный бой все члены экипажа Чесака были удостоены правительственных наград, а сам лейтенант Григорий Чесак — высокого звания Героя Советского Союза.

КОГДА МОЛЧИТ СВЯЗЬ

Старший лейтенант Георгий Нерославский — начальник связи танкового батальона. Этот высокий худощавый юноша напоминал переростка-десятиклассника в своих не по росту коротких солдатских сапогах и такой же короткой, вылинявшей на солнце гимнастерке. Этому впечатлению не в силах помешать даже усы, которые он стал отпускать совсем недавно.

Последней предвоенной весной он на отлично окончил среднюю школу. Мечтал стать радиоинженером. Но грянула война, и Георгий поступил в военное училище связи. И вот на плечах зеленые полевые погоны с тремя звездочками, у пояса — пистолет.

Иногда, в периоды затишья, к нему приезжает на мотоцикле из разведбата дружок Теодор Вульфотич (тоже начальник связи), аккуратный лейтенантик с лицом девушки и отвагой истинного храбреца. Они уходят далеко на луг и, лежа на теплой земле, смотрят, как плывут в вышине

облака, которые гонит по небу свежий ветер с Карпат, и так же, как эти облака, плывут воспоминания о родных, о школе...

Мечтательный, добрый сердцем, Нерославский любит стихи, музыку. Кажется, как с таким характером воевать? А он — воюет. И еще как!

В бою под городом Локоть стряслась беда: потерялась связь с машиной комбата.

Было ясно: испортилась рация. Ее следовало исправить немедленно. Начальник связи не раздумывал. Захватив необходимые инструменты, он взял, как говорил потом, ноги в руки и — ходу! Туда, где, по его расчетам, должна находиться машина комбата.

По пути нужно пересечь широкое поле, простреливаемое противником. Все было спокойно, пока он двигался по закрытой местности; но едва Георгий ступил на это поле, как услышал знакомый противный вой, а затем его опажнуло волной близкого разрыва. Немцы заметили связиста.

Вслед за первой миной упала вторая, третья... И вот началось необычайное состязание. Он старался перехитрить фашистов, пытался определить чутьем, по звуку, направление полета мины, падал и снова поднимался, как только свист осколков проносился над головой. Всем напряжением чувств он силился предугадать полет той мины, которая может накрыть его. Оглушительно лопаясь, мины ложились то справа, то слева, а он шел вперед. Нет, не шел — полз, вскакивал, снова полз, снова вскакивал...

Только тот, кто слышал этот вой, и звук удара от взрыва, и короткий резкий свист, когда осколки незримым роем проносятся мимо, может понять душевное состояние человека в эту минуту. Чувствуешь, как голова сама втягивается в плечи по мере того, как свист приближается, растет, превращается в отвратительный злобный вой, все тело сжимается, тянется к земле, и хочется, чтобы оно было маленькое-маленькое, совсем маленькое, чтобы в него невозможно было попасть. Старые обстрелянные солдаты считают, что в таких случаях лучше лечь и оставаться там, где тебя застигнет обстрел, и не подниматься до тех пор, пока гроза не пронесется.

Но — хорошо лежать; а если нужно двигаться, нужно?

И он продолжал двигаться,

Он не мог сказать, сколько времени это продолжалось. Когда он, наконец, достиг кустарника, в котором укрывалась машина комбата, и последний взрыв мины остался позади, его одежда была мокрой, хоть выжми. На гимнастерке выступили темные пятна. Лицо, руки были исцарапаны в кровь, перепачканы в земле.

Силы вдруг оставили его. Чтобы не упасть, он вынужден был опуститься на землю. Он сел на пригорок, вытащил солдатский кисет и стал скручивать папироску. Но пальцы не слушались, табак рассыпался, бумага не склеивалась. Потребовалось две или три минуты, чтобы достичь желаемого. Зато потом сразу стало легче. Он курил и чувствовал, как жизнь снова возвращается к нему, спадает страшная тяжесть, сковавшая все члены, тело вновь обретает способность что-то ощущать. И он опять жадно втягивал в себя горьковатый запах дыма, курил, курил, сидел и курил...

ДВАДЦАТЬ ТРИ И ОДИН

Издали можно было подумать, что немцы идут одни, без конвоя. Лишь когда они приблизились, стало видно, что шествие замыкает маленький автоматчик, ростом чуть не вполовину меньше любого из них. На ботинки у него налипли пудовые комья грязи, обмотки скоробились, и он с трудом передвигал отяжелевшие, будто чужие, ноги. Однако это не мешало ему зорко поглядывать на пленных и даже грозно покрикивать на них, когда они замедляли шаг.

Тут увидел он у хаты, в окружении офицеров штаба, подполковника, командира бригады, и хотел, приостановившись и вскинув автомат выше, как предписывалось держать его, — на уровне груди и со стволом, направленным влево и чуть вверх,—пройти с бравым видом мимо начальства. Легкий жест комбрига заставил усердного служаку немедленно скомадовать немцам «хальт!» и, сойдя с дороги, вытянувшись, вскинув руку к козырьку, другой придерживая автомат. Затем следовало, как полагается по уставу, отрапортовать, но вместо этого лицо его вдруг расплылось в улыбке и с губ сорвалось:

— Пленных забрали!

28 Подполковник и все, кто в эту минуту находился с ним, засмеялись, ибо солдат

сообщал то, что было очевидно. Да и невозможно было смотреть без улыбки на этого маленького конвоира.

— Сам взял? — спросил подполковник.

— Сами! — гаркнул конвоир с такой неожиданной силой, что ближайший гитлеровец вздрогнул и испуганно уставился на него. Фрицу, вероятно, почудилось: расстрелять!

Подполковник махнул рукой, и вереница унылых серо-зеленых фигур потянулась дальше, в плен. Автоматчик поторапливал их: он надеялся еще поспеть в бой.

А было дело так.

Они — высоченный угловатый старшина Ширяев и рядовой, коротышка Чибирев, занимавший в строю всегда место крайнего левофлангового, — спрыгнув с танков, бросились в ту сторону, откуда доносились выстрелы.

Для Чибирева это было боевое крещение. Он прибыл недавно, с пополнением рождения 1925 года, самого младшего призывного года, воевавшего в ту пору на фронте. К тому же, в батальон автоматчиков подбирали самых низкорослых, и бойцы старших возрастов покровительственно называли их «детским садом».

Танки с десантом появились внезапно, зайдя с тыла. Фашистов окружили. Чибирев и Ширяев пробежали метров двести, — причем малютка-рядовой едва поспевал за длинноногим старшиной, — когда услышали сильные взрывы. Это наши танки били по немецким блиндажам. Черный дым поднялся над укреплениями врага.

Внезапно автоматчики обнаружили еще один блиндаж, не замеченный танкистами. Сначала они увидели двух немцев, пытавшихся спрятаться в лесу, и взяли их в плен.

— А где еще ваши? — строго спросил Ширяев у одного из них.

Неизвестно, понимал ли немец по-русски, но он забормотал что-то по-своему и ткнул рукой в сторону блиндажа.

— Ага, — сказал старшина. — Там сидят.

Дальше произошла любопытная сцена. Ширяев старался втолковать пленному, что они пойдут сейчас к блиндажу, и там он, фашист, должен сказать своим, чтобы они сдавались. Да чтоб не вздумал финтить, а то на это есть автомат; второй же немец останется заложником, и в случае чего... Так объяснял Ширяев, выразительно жестикулируя и повторяя чуть ли не после каждого слова: «Понимаешь?»

В продолжение этого разговора Чибирев стоял и держал обоих гитлеровцев на мушке.

Приказав смотреть в оба, Ширяев направился с одним гитлеровцем к блиндажу. Понял фашист или не понял, но он покорно повел советского бойца, ибо чувствовал за своей спиной дуло автомата. Кроме того, Ширяев держал наготове гранату.

Подойдя к блиндажу, немец спустился на две ступеньки (больше ему не позволили энергичные знаки старшины) и, нагнувшись, что-то прокричал. Снизу ответили. Парламентер прокричал еще раз. Внизу притихли, видимо, совещались. А затем фрицы стали выходить один за другим, с поднятыми руками. Оружие они оставили в блиндаже.

Ширяев насчитал двадцать три человека — вместе с первыми двумя. Выполнив из своей берлоги, они под окрики унтера выстроились в ложке двумя шеренгами и ждали, что с ними будут делать дальше.

— Все? — строго спросил старшина.

— Я, я, — закивал старший немец.

Ширяев приказал Чибиреву отвести пленных на пункт сбора. Сам он больше не задерживался ни минуты. Глухие взрывы все продолжали доноситься с той стороны, где танки громили врага. В оружейную пальбу вплетались трескотня ружейных выстрелов, автоматные и пулеметные очереди. Белая и красная ракеты — сигнал общей атаки — взлетели из-за бугра, таща за собой дымный след.

Ширяев пропал за бугром, и Чибирев остался один с двадцатью тремя гитлеровцами.

Неприятный холодок пробежал у него по спине, когда он перехватил взгляд большого белобрысого немца, стоявшего правогофланговым. Этот взгляд не сулил ничего хорошего. Возможно, сдаваясь в плен, гитлеровцы думали, что тут по крайней мере отделение автоматчиков, а вместо этого перед ними стоял всего один, да и тот замухрышка. Казалось: дунь — и нет его.

Они повиновались, когда он приказал им двинуться, но сделали это неохотно, с явным пренебрежением к конвоиру. Он прикрикнул — они замедлили шаг... Желая поугатать их, он направил автомат на белобрысого, но тот, вместо ожидаемой покорности, обернулся и ослабил, показав крупные, желтые, как у матерого волка, зубы.

Взгляд Чибирева упал на пустую консервную банку, висевшую на сучке. Обыкновенная консервная банка. Из-под зеленого гороха или сушеного супа. Какой-нибудь веселый фриц забросил на дерево, или, может быть, зашвырнуло силой взрыва (вокруг виднелось много воронок). Только на одну секунду глаза маленького солдата задержались на ней, а затем, небрежно взглянув на пленных, он вскинул автомат к плечу и нажал на спуск, истратив три патрона.

Коротко прозвучала трель автомата. Пробитая пулями банка, звякнув, упала на землю. И в ту же минуту оскорбительно-наглое выражение на лице белобрысого сменилось тупой покорностью. О, эти немцы, видимо, знали цену меткой автоматной очереди! Чибирев, не глядя, мотнул головой и сделал движение автоматом, как будто хотел загрести их всех в одну кучу. Послушно потопали вперед. Вышли на дорогу. А он, внезапно вернувший себе уверенность, чувствуя, что победил — и победил окончательно, — шел и, нажимая украдкой на спусковой крючок, медленно соображал: как же случилось, что магазин его автомата пуст?..

Постепенно он припомнил, что много палил в самом на-

чале боя, когда они спрыгнули с танков. Те три патрона, которыми он продырявил банку, были последними. Следовало перезарядить автомат немедленно, запасной магазин у него имелся, но немцы могли заметить. И он шагал за ними с пустым автоматом. Шел и всю дорогу мучился сознанием, что не может перезарядить автомат...

«Я — ГВАРДИЯ!»

Пулеметчика Шахиева любили за хороший характер. Это был низенький веселый татарин с горячими глазами, в которых, когда он сердился, начинали прыгать злые огоньки. В такие минуты он становился молчалив и упрям — ничем не сдвинешь. Впрочем, сердился он редко. Только в бою Шахиев распался и тогда становился страшным, с каменно-стиснутыми губами, с посеребрившим лицом, на котором выделялись горящие глаза.

При своем небольшом росте Шахиев обладал недюжинной силой: никто в батальоне не мог повалить его. О силе говорили и его плечи, и твердые мускулистые руки, и весь он был широкий и ладный, как молодой дубок.

В памятном бою, когда Шахиев принял на себя огонь немецких пулеметов, перед мотопехотой и танками стояла задача: захватить переправу и удержать ее до подхода главных сил. Это был только передовой отряд — два взвода на танках. Стремительным броском танки вышли на исходную позицию для штурма, сбросили десант, и бой начался в ту же минуту, когда наши пехотинцы появились из-за холма перед спуском к реке, в виду неприятельских огневых позиций.

Бой разгорелся так быстро, что Шахиев и его второй номер Шакир Низамов, спрыгнув с танка с пулеметом, не успели ни окопаться, ни найти надежного укрытия. Взбежав на пригорок, на котором росла одинокая вишня, они залегли, открыв огонь по противнику. С холма хорошо были видны река, извиистой дугой огибавшая поселок, мост, немецкие окопы по эту сторону реки и большие каменные дома — по ту. Мост был цел; необходимо было захватить его, пока гитлеровцы не успели взорвать.

С холма хорошо было видно и то, как ползли по грязной весенней земле в пятнах еще не успевшего стаять снега наши автоматчики, и как ожесточенно палили

немцы, перебегая из окопа в окоп, по мере того, как приближались автоматчики.

Огонь пулемета Шахиева, деловитый, сосредоточенный, позволил автоматчикам продвинуться вперед, гитлеровцы же не могли поднять головы и стреляли неприцельно, так как Шахиев бил прямо по окопам.

Огонь трех немецких станковых пулеметов обрушился на Шахиева. Трассирующие пункты протянулись из окон каменных корпусов за рекой к холму с одиноким, искривленным ветрами деревом. Они ударили совсем близко, прошли строчкой по горизонтали, словно надрезая вершину холма, поднялись выше... Внезапно будто град застучал над головой Шахиева и его друга Шакира. Посыпались веточки, несколько пуль ударили в ствол, расщепив дерево. Тонкий звенящий звук наполнил воздух. Но, заглушая этот звук, стучал и стучал пулемет гвардейца Шахиева.

Послышалось характерное нарастающее завывание. Мина! Она взорвалась у подножия холма. Еще не успел рассеяться синий дымок — ударила вторая, ближе. Шахиева осыпало землей, осколки прошелестели где-то над головой.

— Уходить надо! — прокричал Низамов над ухом товарища.

Снова мина. Перелет. Значит следующая — в цель.

— Пошли! Гайфутдин!

Шахиев не отзывался. Он и пулемет составляли в эту минуту одно целое. Низамов видел только его плечо и профиль с крепко стиснутыми побелевшими губами. Внизу все еще ползли автоматчики, накапливаясь для атаки.

— Уходи! — вдруг закричал Шахиев, — не отрываясь от пулемета. Низамов покрутил головой, как бы говоря: «вместе!»

Опять завывала мина.

— Уходи! — повторил Шахиев, — уходи, пожалуйста! Приказываю!

Осколок ударил Низамова в ногу, и второй номер пополз, зажимая рану рукой. Пулемет на холме продолжал стрелять.

Мимо, пригибаясь, пробежало отделение автоматчиков. Товарищи видели, как новая мина накрыла холм. Конец... Нет, жив! Когда рассеялся дым и перестала сыпаться на голову земля, Шахиев по-прежнему лежал за пулеметом и маленькое порхающее пламя билось у черного ствола.

— Уходи, Шахiev! Убьют! — крикнул, пробегая, кто-то из автоматчиков.

— Я — гвардия! Моя никуда не ходи! — донесся сквозь шум битвы голос Шахиева.

— Уходи, Шахiev! — кричали ему еще, но он оставался. Он только взмахнул рукой.

Горячий осколок впился в эту руку. Новая мина ударила в холм, снесла половину дерева. Падающие сучья хлестнули Шахиева по лицу. Обстрел усилился. Казалось, всю силу огня немцы сосредоточили теперь на изувеченном дереве со снежной вершиной.

Шахiev был ранен в грудь, в голову, в ноги. Он был оглушен и почти ничего не слышал, плохо видел. Серый туман застилал глаза, все качалось. Качались дальние дома и деревья, качались мост, река, фашисты в окопах... Но он продолжал стрелять, изнемогая, но не поддаваясь нарастающей слабости, цепко держась за ручки пулемета, и только перерывы, пока он вставлял новую ленту, становились раз от раза все дольше.

Давно следовало уходить отсюда, если он хотел жить, но он помнил, что нет ничего гибельнее для атаки, если вдруг замолчит прикрывающий пулемет, — и не уходил. Он уже не считал, сколько ран получил, сколько раскаленных кусочков смертоносного металла приняло его тело. Один — уже на излете — ударил в грудь, в то место, где во внутреннем кармане лежал комсомольский билет. Только накануне Шахiev получил его, а потом долго пришивал к гимнастерке с исподней стороны карман, все переспрашивая, нет ли у кого черных ниток, так как у него — белые, и будет видно стежки... Словно сквозь кисею увидел он, как поднялись в атаку автоматчики, как выскакивали из окопов немцы, бежали к мосту и как гнались за ними советские бойцы и били их уже на той стороне реки. Тут новая мина накрыла

вершину холма. Шахиева подбросило, голова его беспомощно ткнулась вперед и больше уже не поднялась, руки медленно разжались и упали наземь.

Он не видел, как громили врага зашедшие с фланга танки, как подошла и, став за бугром, открыла огонь наша артиллерия. Красная пыль взметнулась над кирпичными корпусами, словно радостный стяг освобождения.

Когда подошли к Шахиеву товарищи, он лежал все в том же положении — лицом вниз, с протянутыми вперед руками. Земля под ним потемнела, напиталась кровью.

Он узнал склонившегося над ним друга, комсорга роты Мишу Бадяева. Миша понял это по тому, как дрогнули у раненого веки и в тусклых глазах промелькнула какая-то мысль. Смуглое, в оспинах, лицо умирающего внезапно покрылось смертельной бледностью. Он хотел что-то сказать, но жизнь уже уходила из него, и только кадык долго и страшно двигался на черной жилистой шее.

Его похоронили тут же, на холме.

Рисунки М. Бурзалова

Сложными путями шел поиск красных следопытов Нижнедевицкого района Воронежской области.

Осенью 1942 года неподалеку от села Верхнетурово жители нашли трех погибших летчиков. В кармане одного из них был обнаружен обгоревший комсомольский билет, выданный Выборгским райкомом ВЛКСМ Ленинграда на имя Виктора Атапина. Комсомолка Таня Слукина спрятала билет, а когда фашистов изгнали с воронежской земли, отнесла его в райком комсомола. Но случилось так, что вскоре сгорело здание райкома.

Обязательно восстановим имена летчиков,—решили следопыты. Они писали в архивы, ветеранам войны, беседовали со старожилами. Оказалось, что в ночь на 5 октября 1942 года самолет авиации дальнего действия под командованием В. Щелкова был подбит вражеской зенитной артиллерией и совершил вынужденную посадку в тылу врага. Щелков и еще один член экипажа—В. Шайбак попали в руки немцев, а остальные трое продолжали путь к линии фронта и погибли у села Верхнетурово. В. Щелков бежал из гитлеровского плена и продолжал боевой путь до конца Великой Отечественной войны. Бортмеханик В. Шайбак, совершив четыре побега, тоже вырвался из рук фашистов и сражался в партизанском отряде имени Суворова, командовал группой подрывников.

Теперь на братской могиле, долгие годы бывшей безымянной, установлен памятник Александру Антипову, Виктору Атапину и Михаилу Ступину.

За десять лет в геологических походах на Урале приняло участие свыше 310 тысяч человек и подано более 900 заявок на различные полезные ископаемые.

Многие из находок имеют промышленное значение.

За открытие Чуксинского месторождения ограночных аметистов в Челябинской области, в районе Кочкаря, руководитель юношеской партии школы № 2 города Пласта, ныне студентка Свердловского горного института Валя Кириллова, награждена значком «Отличник разведки недр» и поощрительной премией. Отмечен премией и руководитель юношеской партии школы № 2 города Карабаша А. И. Дружинин — за открытие Байкского медно-никелевого месторождения.

Хорошую оценку геологов получили заявки: на россыпное золото — учащихся Мало-Щугорской школы Пермской области и юношеской поисковой партии средней школы № 1 города Коркино Челябинской области; на боксит — отряда туристов школы № 2 Каменска-Уральского Свердловской области; на никель — юных геологов средней школы № 1 города Еманжелинска Челябинской области и многих других.

За активное участие в организации и проведении геологического похода ЦК ВЛКСМ и коллегия Министерства геологии СССР наградила в 1969 году почетными грамотами следопытов Урала.

По Свердловской области: коллектив Артемовского Дома пионеров, пятнадцать школьных комсомольских организаций, областную детскую экскурсионно-туристскую станцию.

По Челябинской области: комсомольскую организацию школы № 12 города Пласта, тринадцать юношеских поисковых партий, клуб юных геологов при Доме пионеров города Коркина, областную детскую экскурсионно-туристскую станцию и юношескую поисковую партию при Доме пионеров города Сатки.

По Курганской области: областную детскую экскурсионно-туристскую станцию.

«Провинциальный

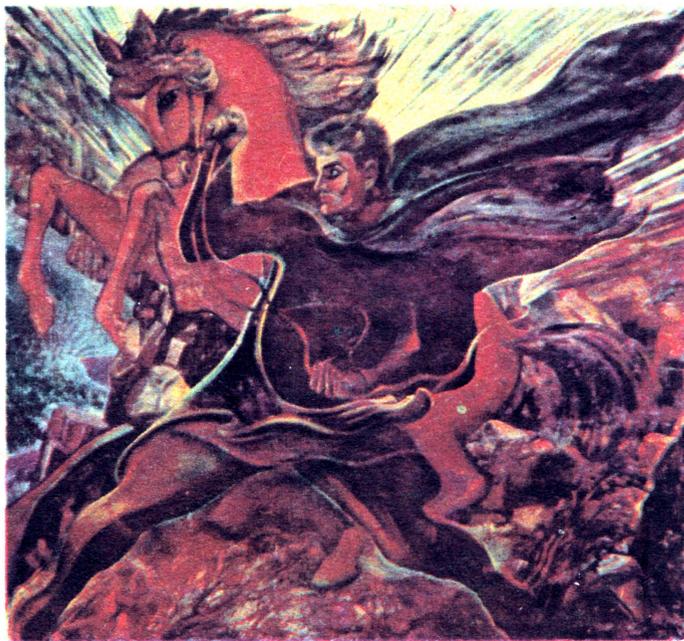
художник...»

Говорят, в искусстве нет провинции. Но, увы, существуют провинциальные художники. Некоторые — по «заслугам», по незначительности таланта, по неспособности подняться до высокого уровня. Но встречаются художники, которых можно назвать провинциальными только по месту жительства.

Запоздалое открытие произошло в Иркутске в 1965 году, когда состоялась выставка местного живописца Алексея Петровича Жибинова. Была она посвящена шестидесятилетию со дня его рождения. Пер-

вая персональная выставка, и на этой выставке Иркутск открыл одного из лучших своих художников. Открыл спустя десять лет после его смерти.

Путь исканий А. П. Жибинова был трудным и сложным. В ранних работах художника отчетливо виден импрессионизм, позднее сказалось влияние крупного отечественного мастера живописи Петрова-Водкина с его необычными композиционными приемами и иконописной четкостью рисунка. Но постепенно у Жибинова выработался собственный стиль.

А. ЖИБИНОВ
КРАСНЫЙ КОНЬ

Лучшие картины художника написаны как стихи — лаконично, образно, с безупречным чувством ритма и композиции. На каждой из них — печать подкупающей искренности и чистоты.

Очень близка была Жибинову тема нашей армии. И не случайно: он служил в Красной Армии, прошел разведчиком всю Великую Отечественную войну, на фронте вступил в коммунистическую партию. «Красный конь», «Офицер, сдерживающий коня», «Красноармейский дозор на берегу норвежского фиорда в 1944 году» — в этих полотнах художник сильно, по-своему выразил мощь и гуманную сущность Советской Армии.

Оригинальный поэтический почерк Жибинова отчетливо виден в его солнечных сочных пейзажах, композициях, натюрмортах — «Аршан», «Байкал», «Музыка», цикл «Голубое солнце», «Натюрморт с посудой».

А. ЖИБИНОВ
ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ-БУРЯТКИ

Н. АНДРЕЕВ
СИБИРСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

«Пишешь с натуры — не фотографируй натуру, а воспевай ее. То есть, отталкиваясь от натуры, находи выражение каждой ее детали в образе, вытканном спецификой материала, ума и чувства твоих», — так определял художник свой метод.

Высокая романтика и оптимизм нашли яркое отражение в его пластичных, психологических портретах — «Девушка с голубем», «Автопортрет». В 1933 году ему позировали писатели Н. А. Асанов, Е. В. Жилкин. Кстати, с иркутскими литераторами Жибинова связывала настоящая дружба. Уже после войны написал он портреты И. И. Молчанова-Сибирского, Б. И. Левантовской, Г. Ф. Кунгурова. Художник и сам сочинял иногда стихи.

Общительный по натуре, Жибинов никогда не запирался в своей мастерской. В 1938 году он был одним из инициаторов создания Иркутского Союза художников,

вел активную партийную работу, постоянно принимал участие в организации выставок.

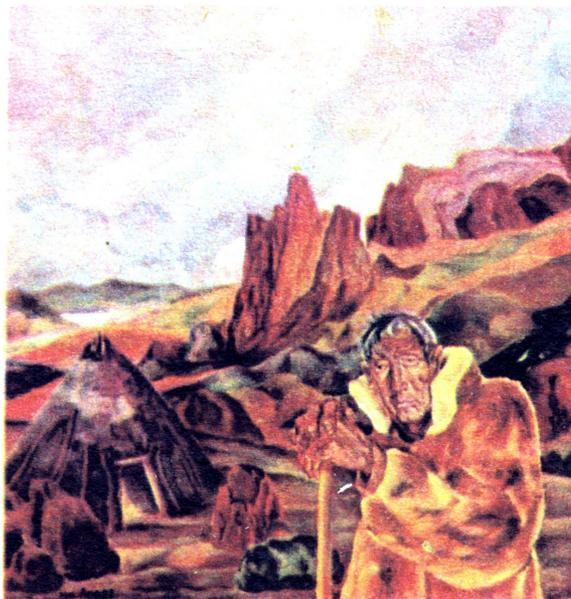
Главной картиной в творчестве Жибинова стала многоплановая композиция, посвященная Ленину и революции. Вот как писал о ней сам художник: «В 1940—1941 годах я отважился начать работать над давно волнующей мое сознание темой: «Песнь о Ленине». Делаю эскизы, в каникулярное время ездю в Москву, в музей Ленина, изучаю материалы о нем. Но война прерывает работу. Я вынужден оставить кисть и взяться за оружие. С 1941 по 1945 (включительно) — на передовой линии фронта, продолжаю работу над «Песней о Ленине». Этот труд рассчитан мной на много лет. Я хочу написать о Ленине, как о чем-то светлом, гениальном, поэтическом».

Было задумано монументальное по композиции и динамичное по рисунку полот-

Н. АНДРЕЕВ
СОБАКИ СЕВЕРА

Н. АНДРЕЕВ
ПУГОВИЧНИК

но, призванное выразить накал революционных чувств. Сохранились десятки подготовленных рисунков, эскизов, этюдов, из которых можно было бы сделать целую выставку. К сожалению, произведение осталось незавершенным.

Как настоящий мастер, он всю жизнь настойчиво добивался совершенства, снова начинал все сначала, не спешил выставлять картины. И — не хватило ему пятидесяти лет, большая известность к художнику пришла уже после смерти.

Открытие второго крупного мастера произошло на юбилейной выставке, где были экспонированы картины художника Н. Андреева. Его полотна «Пуговичник», «Собаки севера», «На Севере» — это яркий живописный рассказ о суровой и снежной Якутии, ее людях, природе. Полотна Андреева поражают подлинным знанием темы,

самобытным и ярким профессиональным мастерством. К сожалению, осталась незавершенной картина «Сибирские партизаны», художник погиб в расцвете творческих сил. И как Жибинов, Андреев был «открыт» уже после смерти.

Нет сомнения, что картины А. Жибинова и Н. Андреева доставят немало волнующих минут любителям живописи в других городах страны, если организовать передвижную выставку. К тому же, наверно, художники подобной судьбы есть не только в Иркутске, и передвижная выставка могла бы включить в себя работы многих забытых мастеров, чьи полотна хранятся в запасниках музеев и картинных галерей. И кто знает, не откроет ли такая выставка новых Жибиновых...

Н. МАТХАНОВА.

НА ПРИЗ НАШЕГО ЖУРНАЛА

КРЫЛАТОЙ ДУШИ ЧЕЛОВЕК

Письмо читали всей школой. Бывшая ирбитчанка, а ныне жительница Свердловска Милица Прокопьевна Буланова писала: «Очень прошу, чтобы следопыты — участники походов по местам революционной и боевой славы, разыскивающие материалы о гражданской войне, не забыли и моего отца».

Она не помнит его, но в сознание Милицы Прокопьевны глубоко врезались рассказы матери и друзей отца о пламенном революционере-большевике, погибшем за счастье народа.

Широко раскинулась по правому берегу Ирбитки деревня Буланова. Заходим в несколько домов, где живут люди с такой фамилией, но там ничего не знают о своем земляке. Первым помог дедушка Гавриил Яковлевич Буланов. Он самый старый в деревне.

— Прокопий Тихонович, говорите вы? — переспросил дед. — Ну как же, хорошо помню, друзьями в детстве были. Последний раз встречались, когда в восемнадцатом Проня в пожарке выступал на сельском сходе, там теперь клуб бригадный. Охотно слушали его мужики: шибко грамотный был человек.

Так начался поиск.

...У самой реки, за кирпичным амбаром приютилась изба Булановых. Проня был самый младший в семье. Всего три года пришлось ему проучиться в школе. И очень полюбились любознательному мальчику книги, где описывались моря и путешествия. Море снилось ему по ночам, манило своей неизвестностью, и мальчик убежал из дома. Двести верст добирался до железной дороги. На юге устроился юнгой на небольшом суденышке, плавающем по Черному морю. Кем только затем не приходилось Проне быть: и грузчиком в порту, и матросом на рыбацких шаландах, но нигде не забывал он о грамоте.

Часто его видели в лавке, где он покупал книги и брошюры, с трудом выделяя деньги из своего скудного заработка. А с 1908 года Буланов уже вел революционную работу среди военных моряков Балтийского, а затем и Черноморского флота, где проходил военную службу сначала матросом, а затем унтер-офицером. В докумен-

тальных материалах Центрального государственного архива Октябрьской революции мы нашли сведения о революционной деятельности крестьянина Фоминской волости Ирбитского уезда, шкиперного унтер-офицера Прокопия Тихоновича Буланова. В агентурных сведениях по флоту от 29 июля 1911 года, хранящихся в Кронштадте, сообщается, что «минный унтер-офицер Буланов на крейсере «Паллада» входил в нелегальный кружок, который собирался в минном аппарате. У Буланова были нелегальные книжки, которые он тщательно прятал».

Начальник Эстляндского губернского жандармского управления 3 августа 1912 года сообщает в департамент полиции, что «на крейсере «Паллада» существуют отдельные революционно настроенные личности, которые совместно собираются в нижней минной аппаратной и занимаются чтением газет. В числе наиболее активных матросов значится также шкиперный унтер-офицер Буланов».

Прокопий Буланов принимал участие в распространении подпольной литературы, составлял тексты листовок, писал статьи в газеты и журналы. В его сердце всегда жил образ мужественного революционера лейтенанта Шмидта.

Булановские старожилы помнят, как их односельчанина этапным порядком под конвоем доставили в деревню. По пыльной улице шел Прокопий в лаптях и оборванной одежде. «Бунтарь и антихрист, против самого царя выступал», — прошел тогда слух по деревне. «Содрали флотскую форму и в Сибирь дальше погонят», — злорадствовали богатеи. С большим трудом родным удалось взять его на поруки, оставить в своей деревне. Прокопий пошел работать на строительство железной дороги.

В январе 1916 года с очередной группой мобилизованных Буланова отправляют на Черное море. С невеселым чувством ехал он на юг: жизнь только начинала налаживаться.

Февральскую буржуазно-демократическую революцию Прокопий Буланов встретил снова на флоте. А в августе 1917 года его избрали в Севастопольский Совет рабочих, матросских и солдат-

П. Т. Буланов

ских депутатов, куда входили представители флота, гарнизона и города. Его письма к жене Анне Андреевне лучше всего характеризуют активного борца-революционера:

«...Сил чувствую в себе много и не пожалею их для пользы и блага народа. Сегодня выставили мою кандидатуру в члены комитета. Это результат моих речей, сказанных на собраниях в защиту прав демократии. Но зато все офицеры стали смотреть на меня косо, ибо я задал им хорошую трепку. Все это хорошо, но с избранием меня в члены комитета на меня ляжет тяжелая обязанность — бороться с людьми, враждебными нашей свободе. Матросы обещали поддержку. Пусть будет, что будет, но своих убеждений я не изменил и не предаю их. Не пожалею сил своих на благо тех, кто призвал к этому долгу. Сумею ли я оправдать их ожидания?..»

В другом письме, датированном 23 августа, он пишет: «Над родиной нависли тучи, несомненно война приближается к роковой развязке. Но это не значит, что оружие будет сложено, ибо растет и ширится глухая тайная вражда брата к брату. Народу надо собрать весь свой человеческий разум, чтобы с честью выйти из создавшегося положения. Я смело смотрю в будущее: оно будет светлым и радостным. А теперь борьба — неминуемая борьба за этот желанный мир».

30 августа 1918 года исполком Севастопольского Совета в телеграмме во ВЦИК писал: «Весь Черноморский флот, помня заветы Шмидта и Матюшенко, ляжет костями, но не даст жалким насильникам царизма залить кровью добытую свободу».

Приехав в Ирбит на побывку в 1918 году, Прокопий Буланов попадает в самый разгар борьбы с наступающими на Урал белогвардей-

скими бандами. И он уже не может уехать отсюда. Он чувствует, что его место на родине, где сейчас самый трудный участок борьбы за власть Советов и так нужны большевистские агитаторы, до конца преданные революции, способные увлечь за собой людей.

Буланова избирают заместителем председателя городского комитета партии большевиков и членом Ирбитского совдепа. Представитель крестьянства, он хорошо знает его мысли и чаяния. Как видно из протокола партийного собрания города от 15 июля 1918 года (хранится в Свердловском партархиве), особое внимание Буланов обращал на необходимость быстрейшего влияния партии на сельские массы населения, разоблачение эсеров и привлечение деревни к активной помощи Советской власти.

«Особенно это важно, — подчеркивал он, — в условиях такого уезда, как Ирбитский, где крестьянское население составляет около девяноста процентов населения». «Если путем широкой агитации и наводнением деревни полезной литературой, — писал он в одной из статей, — мы не придем на помощь непонимающей своих классовых интересов деревне, то реакция превратит ее, пожалуй, в опасный подводный камень на пути нашего революционного корабля».

Уже во многих деревнях уезда тысячи крестьян слышали страстные выступления моряка, который просто и доходчиво разъяснял политику и декреты Советской власти и призвал народ всемерно поддерживать новую рабоче-крестьянскую власть.

Белые подходили к городу. Прокопий, недавно назначенный командиром одного из подразделений Ирбитского революционного отряда, казалось, не знал усталости. Он занимался эвакуацией, выполняя распоряжение председателя ревкома Степанова, с отрядом охранял здание вокзала.

Уже несколько дней Прокопий не видел жену. В сердце закралась тревога: ведь Аня давно должна быть с ребенком здесь. Семьи командиров начали размещаться в нескольких отведенных им железнодорожных вагонах; снята охрана станции, скоро отправление. Неужели не успеет?

Но вот оказалась Аня. Их дочь тяжело заболела, и она вынуждена с больной девочкой остаться в городе.

Отряд прибыл на станцию Талый Ключ и вошел в сформированный в Ирбитском Заводе Первый Камышловский полк. Начались боевые действия. В последних числах августа отряд получил задание: через большой лесной массив, расположенный к северо-востоку от Ирбитского Завода, выйти в тыл белым и внезапно ворваться в большое село Шмаково, где засели их крупные силы.

Вот уже пройден лес, позади остался крутой изгиб мелководной речки Ирбитки, берега которой сплошь покрыты густыми зарослями ивняка и черемухи. Только бы пересечь поле несжатой ржи, примыкавшее к селу. До крайних домов уже совсем недалеко... Неожиданно началась стрельба: рота попала в засаду, под перекрестный огонь белых. Одним из первых упал Прокопий, раненный в грудь навилет. Поняв, что только организованный отход людей может спасти бойцов от гибели, он передал по цепи свой последний приказ: «Сам буду прикрывать отряд, все равно мне недолго осталось жить».

Буланов сделал несколько выстрелов и поте-

рял сознание. Когда его окружили враги, он был еще жив. Среди белогвардейцев оказались сыновья ирбитского головы. Они узнали Прокопия. Мальчишкой приходил он в их богатый дом проведать свою бабушку Ефросинию, которая работала здесь нянькой. А когда Прокопий стал «смутьяном», они возненавидели его.

Мученической смертью погиб герой революции: белобандиты четеертовали Прокопия Буланова.

В одном из писем к жене он писал: «...Дорога не долгая жизнь, не то скверное сумрачное бытие, но один миг того незримого величия, которое окрыляет душу. За такой короткий миг я отдаю ненужную долгую жизнь.

А может быть, по ту сторону смерти душа воплотится в другой образ, только, конечно, не в тот, о котором говорят актеры-попы в балаганах, называемых церковью...»

Подходил к концу год белогвардейской оккупации Ирбита. Со стороны города все чаще слышались выстрелы. «Красные на подходе», — говорили в деревне. Аня с ребенком на руках спешила в сторону Камышловского тракта. Вот и Раданов лог. Наконец в облаке пыли показался кавалерийский отряд. Аня окинула взглядом всадников. Прони среди них не было. От товарищей Прокопия она узнала о героической гибели мужа. Вскоре ее пригласили в исполком.

— Хотим поручить вам важное дело, — сказал заведующий отделом призрения¹. — В городе и в деревнях много детишек, родители которых погибли от рук белогвардейцев. Надо организовать для них специальный детский дом. Надеемся, что вы справитесь.

Вспомнились слова, недавно сказанные Евгением Елизаровым, другом Прокопия:

— Гордитесь своим мужем, воспитывайте дочь, достойной его.

Через некоторое время бывший поповский дом, расположенный рядом с пассажем, наполнился ребячьим гомоном. На фасаде его было написано: «Детский дом имени Коллонтай». Анне Андреевне приходилось работать с утра до поздней ночи. Нелегко было с питанием и одеждой, но для детского дома город ничего не жалел. Здесь же среди детей-сирот подрастала и ее Мика. Желанными гостями ребята были в красноармейском клубе, где они нередко выступали с концертами.

Шли годы. Детдомовцы уходили учиться, работать, но никогда не забывали они Анну Андреевну. Подрастала и дочь — одна из лучших учениц школы.

...Это было в дни, когда страна готовилась

М. П. Буланова

отметить 100-летие со дня рождения вождя революции Владимира Ильича Ленина. В кабинет директора одного из черноморских санаториев с трудом вошла немолодая уже женщина. Недавно она в сопровождении медицинской сестры приехала с Урала и нуждалась в серьезном лечении. То, что она предлагала, казалось поразительным: писать в подарок санаторию шестиметровый портрет Ленина. Директор никак не хотел всерьез принять просьбу больной, но женщина была неумолима. И вот портрет готов. Мнение приехавших художников было единым: портрет удался. Его вывесили на фасаде главного корпуса санатория.

«Я хотела только одного, — писала Милица Прокопьевна следопытам школы-интерната в Ирбит, — чтобы портрет В. И. Ленина был виден далеко с моря, которое так любил мой отец и которому посвятил всю свою жизнь. И с каждого корабля, который подходит к Ялте.

Посылаю вам, дорогие ребята, скромный подарок — якорь на камне. Это символ морского флота. Мне особенно приятно послать его вам именно отсюда, с берегов Черного моря».

В нашем школьном музее немало экспонатов, рассказывающих о бесстрашном моряке Прокопии Буланове. Недавно мы получили в подарок портрет Буланова, написанный его дочерью.

Мы совершили поход по местам, где сражался с белобандитами наш славный земляк. Побывали на поле боя; у обелиска, возле села Шмакова; в доме № 4 по улице Дзержинского в поселке Ирбитский Завод, откуда уходил Буланов в последний бой; возле станции Талый Ключ, где на памятнике рядом с фамилией погибшего здесь комиссара Григория Усиевича стоит имя моряка-черноморца Прокопия Буланова.

Следопыты школы-интерната Ирбита
Свердловской области

¹ Отдел по оказанию помощи детям.

Борис МАРЬЕВ

* * *

Сама себя не понимая,
Дохла сыростью зима,
И влажно вспыхнули трамваи,
И скучно сгрудились дома.

Весь мир, сквозь дымку папиросы,
Открылся заново душе,
Как незаконченный набросок
В белилах и карандаше.

И в голубом огне рассвета
Заворковал, запел ручей,
И ты готов в смятенье веток
Искать саврасовских грачей.

* * *

Я рос в краю мазута и угля,
Где люди прямы, а калитки шатки,
Где в паровозной саже тополя
И птичьих гнезд взъерошенные шапки.

Прищурюсь чуть — и в антрацитном блеске,
В кожанку комиссарскую одет,
С фанерным сундучком приходит дед
Из детства моего, как из поездки.

Рокочат паровозные басы,
Толчется звонко рынок за платформой,
И пахнут квасом дедовы усы,
И ярк сахар на ладони черной.

А я пытаюсь сундучок нести,
Идти стараюсь с дедушкой в ногу,
А я мечтаю поскорей расти
И вижу в снах железную дорогу.

Крута моя дорога, далека,
Через леса и синие туманы,
Пересекая ширь материка,
Она бежит в неведомые страны...

Ах, погоди минутку, проводник!
Как коротка заветная стоянка!
Лишь сердце остановится на миг
У огоньков родного полустанка.

В который раз она кругла, Земля,
И никуда от памяти не деться...
Грачиной шапкой машут тополя
Из дивных стран, из голубого детства.

* * *

Спят малыши в колясках,
В коконе — шелк листка,
В синих апрельских кляксах —
Завтрашняя река,
Жаркое пламя — в спичке,
В черной земле — хлеба,
В юношеской привычке —
Будущая судьба...
Это уже намечено,
Прячься пока от глаз,
Это еще до вечера
Станет явью для вас!

Но дремлет и смерть в патроне,
И нет в том его вины,
Но корчится в электроне
Гром глобальной войны.
И можно кнопкой одною
Полмира отправить в бой:
Обугленной головней
Покатится Шар Земной...

Я знаю — нужны секреты
Я верю в долг бойца,
Но берегись, планета,
Бешеного слепца!
Меры не знает алчность,

Меры не знает смерть...
Веруйте, люди, в зрячих!
Учитесь, люди, смотреть!

* * *

Мой ученик вперед уходит,
Махнув мне издали рукой,
Мой ученик себя находит,
Из ручейка стает рекой,
Кипит, бурлит, обходит камни,
Остановившие меня,
Наполнен плеском и гудками,
И всеми радугами дня.
Я не завидую, не спорю,
Учусь усмешке старика:
Пусть только донесет до моря
Колючий холод родника...

* * *

Сердце мое,
Что успел я?— Пустяк!
А ты — все обидчивей,
все капризней...

Тебя,
Величайшее из работяг,
Брал я
примером
правильной жизни.

Любовь и гнев,
Миражи и факты
Лупят в тебя,
как в боксерскую «грушу».

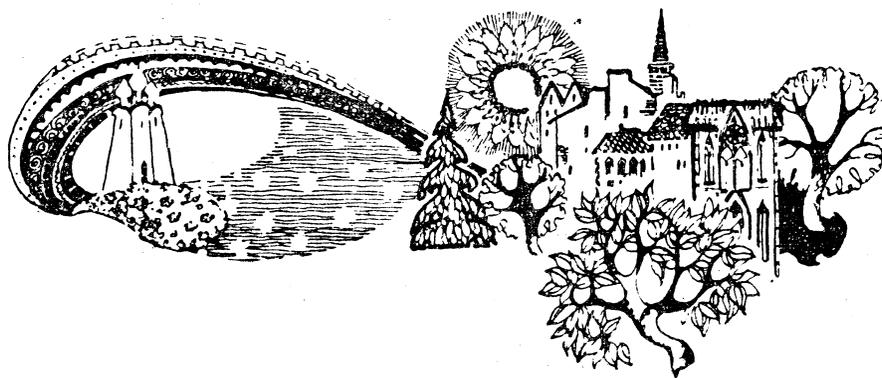
А ты
В синяках грядущих инфарктов
Все же храбришься:
— Не сдамся!
Не струшу!

Не подводи!
Все у нас — впереди!
Дойти
до финиша —

дело чести:

Порвется
ленточка
на груди,

И мы тогда
Остановимся
Вместе.

ШКАТУЛКА

СЕВЕРНЫХ

СОКРОВИЩ

В уральском городе Краснотурьинске, на улице Октябрьской, стоит небольшое двухэтажное здание средней школы № 1 имени Юрия Алексеевича Гагарина. Правое крыло первого этажа ее занимает минералогический музей.

В нем не увидишь сверкающих парадных витрин. Здесь все буднично, незамысловато. В десятках массивных шкафов хранятся тысячи образцов горных пород, штуфов и шлифов. А в двух тесноватых залах демонстрируются экспонаты, характеризующие северные месторождения железа, меди, золота, платины, алюминиевых руд, огнеупорных глин, бурых углей, а также минералогическая, петрографическая и палеонтологическая коллекции.

И тем не менее, эта вроде бы скромная каменная «библиотека» когда-то не имела себе подобных и сыграла огромную роль в развитии горной промышленности здешних мест. На основе этого собрания многие годы направлялись поисково-разведочные работы на Северном и отчасти Среднем Урале. И сейчас оно — одно из ценнейших в стране.

Основал этот геологический музей в небольшом тогда горнячком поселке Турьинские Рудники ученый Евграф Степа-

нович Федоров. Это о нем сказал академик В. И. Вернадский: «Имя его должно ставить для нашего времени рядом с именами Д. И. Менделеева и И. П. Павлова».

Е. С. Федоров был талантливым кристаллографом, минералогом, геологом, петрографом, геометром, инженером и педагогом. Он оставил богатое научное наследие — свыше пятисот печатных трудов.

Основание богатейшей геологической коллекции — подвиг ученого и одна из его важнейших заслуг.

* * *

В один из погожих майских дней 1894 года из Петербурга вместе с семьей выехал служащий Геологического комитета Е. С. Федоров. Путь предстоял неблизкий — до Екатеринбургa, а там еще до Турьинских Рудников более полтысячи верст.

Тревожно на душе. Поездка в далекий край, казалось, надолго оторвет от занятий любимой наукой. Он же после блестящего окончания горного института целиком отдался ей и достиг немалых успехов. Еще в студенческие годы закончил крупную монографию «Начала учения о фигурах», над которой работал с шестнадцати лет. Четыре года назад представил в Академию наук две работы по кристаллографии на соис-

кание Макарьевской премии. Ими сказано новое слово в кристаллографии, но Академия наук должным образом не смогла оценить их и не удостоила премии.

Вызывали беспокойство дети. Трудно будет привыкать им к суровому климату. Федоров знал, что зимы на Северном Урале морозные, а летом часты перепады температуры.

Но уезжать надо. Скучный заработок, который приносила скромная должность, не позволял сводить концы с концами.

Не прошло еще и чувство досады. Совсем недавно его забаллотировали при выборах в Российскую Академию наук, хотя он успешно занимался научной деятельностью уже двадцать лет.

Окончательное решение поехать на Урал, который хорошо был знаком еще по участию в геологической Северной экспедиции, пришло недавно. Както главноуправляющий Богословского горного округа Александр Андреевич Ауэрбах, энергичный, талантливый инженер, рассказал ему о тяжелом состоянии горного дела на Северном Урале и предложил поехать руководителем разведочных работ. И Федоров дал согласие. Сказалась традиционная склонность русского горно-

го инженера связывать свою научную деятельность с практическими задачами горно-заводского дела.

* * *

Турьинские рудники и состояние производства на них произвели на новоприбывшего инженера удручающее впечатление. Правда, поселок был самым оживленным населенным пунктом горного округа. В нем проживало около девяти тысяч человек. Здесь проходила узкоколейная железная дорога. Имелось горное училище. Но добыча руды, производство меди шли к упадку. Хищническая эксплуатация месторождений истощала рудные запасы. Шахты бездействовали. На ходу был один Васильевский рудник. Сразу же пришлось с головой окунуться в работу.

На шахтах, на отвалах и в поселке часто видели маленькую фигуру с седой окладистой бородой, с откинутой назад вьющейся шевелюрой — Евграф Степанович вел топографические и геологические съемки, осматривал шахты, исследовал отходы руды.

Для развития черной металлургии в здешних местах требовались новые месторождения марганца, доломитов, огнеупоров. А для этого нужны детальные геологические исследования. Работа большая и трудоемкая. Одному не под силу. Федоров привлек к ней десять выпускников местного горного училища. Через год, в 1895 году, в качестве помощника к нему присоединился его ученик и последователь горный инженер В. В. Никитин.

Исследования в суровых тяжелых условиях потребовали огромных затрат труда и, как говорил сам Федоров, «усердия, доведенного почти до самоотвержения». В течение пяти лет была закончена детальная топографическая и геологическая съемка всей огромной территории округа.

Организация и методика этих работ была совершенно оригинальной. Обычно для составления геологической карты осматривалось несколько природных обнажений и затем предполагаемые районы залегания руды наносились на план. Е. С. Федоров поступил иначе. Площадь в четыре тысячи квадратных километров он покрыл густой сетью шурфов, расположенных друг от друга

примерно на расстоянии 50 сажен. Взятые из шурфов образцы горных пород (их насчитывалось до 80 тысяч) отмечались на геологической карте, вычерченной в масштабе 1:84000. Она состояла из 297 планшетных листов, каждый из которых равнялся половине квадратного метра.

Уже одно появление такой карты стало выдающимся событием в истории геологического изучения Урала. Существовавшая до этого карта округа, составленная З. Гофманом, передавала строение района очень неполно. Федоровская карта позволила открыть новые месторождения. В первый же год работы было открыто Марсятское железорудное месторождение, а за два последующих года другое такое же — Воронцовское, а также Алексеевское месторождение железного блеска, новые залежи Никитинского рудника.

О важности и объеме выполненных работ сам ученый в труде «Результаты геологического исследования 1897 г. в Богословском горном округе» писал: «Если сопоставить сведения о рудных месторождениях Богословского горного округа, полученные только в течение лета минувшего года, с теми скудными сведениями, которые имелись в округе еще в столь недавнее время, станет очевидным, что труд подробных исследований не остается без вознаграждения сторицею».

Действительно, геологические

исследования Евграфа Степановича Федорова вызвали расцвет турьинских рудников. Слава об ученом прогремела по всему Уралу.

Забота о планомерном изучении геологии Северного Урала привела ученого к необходимости создания музея. И в 1894 году он был создан — первое и единственное в то время в России учреждение, в котором так близко соприкасались теория и практика горного дела. Музей стал своего рода штабом геологической службы Богословского горного округа. В нем сосредоточились все материалы о геологическом строении округа, здесь же сохранялись итоги разведочных работ — отчеты и записки, керны, шлифы.

Вся коллекция делилась на два больших отдела. Один как бы иллюстрировал общую геологическую карту округа, а другой — рудники, прииски, итоги разведок. Образцы каждого отдела нумеровались по определенной системе, чтобы их легко можно было отыскать в такой массе образцов.

Когда детальные геологические исследования округа были в основном завершены, роль музея несколько изменилась — он стал вести наблюдения за разведочными работами. Раньше разведку руды (шурфами и скважинами) вели везде, где находили какие-то признаки ее. Для пробивки шурфов, скважин затрачивались тысячи рублей, а работа часто оказывалась бесполезной. Евграф Сте-

панович порекомендовал искать руды иным путем.

Например, при поисках медных руд руководствоваться тем, что они залегают в соседстве с авгитогранатовыми породами. Но здесь, в этом соседстве, руды нередко теряли свои отличительные особенности и их трудно было «узнать». Вот тут-то и пришел на помощь музей. Он проводил универсально-оптические анализы, а после этого поиски шли уже не вслепую.

Музеем также стали посылать образцы горных пород с рудников и рапортчики, в которых обозначалось положение выработки на определенное число и отмечались образцы, взятые в этот день. Музей определял химический состав и структуру присылаемых образцов, указывал в рапортчике, как направлять дальнейшие работы, и отправлял директору рудника.

Объем работы, выполняемой музеем, был велик. Только за одиннадцать месяцев 1900 года сюда для определения горных пород и составления геологических карт поступило около десяти тысяч образцов, из которых было приготовлено около тысячи шлифов.

После окончания геологических исследований в Богословском горном округе Евграф Степанович снова приезжал сюда, как он говорил, «на свидание со своей любимой гранатовой породой». Знакомясь с работой музея, он убеждался, что дело, которому было отдало много сил и здоровья, успешно продолжают его ученики.

К 1918 году в музее насчитывалось 220 тысяч образцов.

Кроме того, имелось около 51 тысячи шлифов, 1200 наименований рукописного материала (около десяти тысяч страниц), 2500 различных чертежей, ценная научная библиотека.

Такое уникальное хранилище сведений о природных богатствах Северного Урала, конечно, сыграло большую роль в выявлении новых залежей полезных ископаемых. После Октябрьской революции музей, например, помог открыть Белкинские огнеупорные глины, бокситы знаменитой Красной Шапочки и другие месторождения. Сейчас геологический музей находится в том же здании, в котором был основан семь с половиной десятилетий назад.

Конечно, ныне, при новых более совершенных методах разведки, «чудесная шкатулка» Е. С. Федорова уже не может играть той роли, какую играла до недавнего времени. Но это не значит, что она потеряла всякую практическую ценность в выявлении подземных кладовых Северного Урала. Многие геологи считают, что Федоровский музей и сейчас еще может оказать добрую услугу в открытии месторождений.*

И все-таки теперь основная задача музея — воспитательная и познавательная. Здесь можно наглядно ознакомиться с историей развития геологических исследований на Северном Урале, увидеть неистощимые богатства его. Не случайно, что в выставочных залах нередко можно встретить школьников не только Красноуральска, но и Серова, Карпинска, Волчанска и других городов и посел-

ков Северного Урала, а также студентов из Свердловска, Денецка, Новочеркаска. Молодежь удивляется научной добросовестности «деда Евграфа», учится различать минералы, любить камень, восторгается суровым краем.

Но за последние годы музей слабо пополняется новыми экспонатами, геологическими и картографическими отчетами. В нем редко можно встретить геологов из разведочных партий Северного Урала, работающих с федоровскими коллекциями. Заведующая музеем Т. П. Елтышева, давний его сотрудник, пропагандирует, как может, заслуги великого ученого, бережно хранит экспонаты. Но что она может сделать с одним помощником почти без всяких средств? А постоянного, заинтересованного хозяина нет. В чем только ведении ни находился за последние годы музей! И в ведении Уральского геологического управления, и Северной и Серовской экспедиций, и Турьинской и Воронцовской разведочных партий. Сейчас хозяином стал местный городской отдел культуры. Но, чтобы музей обрел былую славу, ему нужны внимание и помощь городских организаций и горных предприятий Красноуральска, Уральского геологического управления, наконец, Уральского филиала АН СССР. Только глубокая заинтересованность их в дальнейшей судьбе шкатулки северных сокровищ может вновь привести к чудесным открытиям.

Г. ВОРОНОВ

Рассказ

На лодке объявилась крыса.

Ничего особенного в этом, конечно, не было. Кому не известно, что крысы подчас в изобилии водятся на кораблях? Но нашу подводную лодку они до сего времени обходили. И вот — на тебе! Забрела какая-то...

Первым увидел ее рулевой Коля Трошейкин и со свойственным ему легкомыслием немедленно сделал из этого целое событие. Он ворвался в жилой отсек и жизнерадостно сообщил:

— Крыса!

— Очнись, — сказал ему мрачноватый радист Виктор Елфимов. — Какая крыса?

— Здоровенная! Как кошка! И хвост — полметра! Сейчас в твою радиорубку забежала.

Физиономия радиста вытянулась:

— Как в рубку? Чего ты врешь? Дверь-то туда я сам закрывал.

— Истинная правда! Ты дверь неплотно задвинул, она в щель и юркнула. Такая, знаешь, сообразительная крыса.

Радист помрачнел еще больше:

— Нет, братцы, шутки в сторону! Если такая погань во сне на тебя залезет — не возрадуешься! И откуда ее занесло? Ведь скоро неделя, как в море!

Случилось так, что именно Елфимов оказался вторым чле

ном экипажа, которого крыса ошастливила своим вниманием. Она свалилась на него откуда-то с подволока, сбила пилотку и, издав противный скрипучий звук, скрылась под койкой. Ошалевший радист пулей вылетел в центральный пост и долго еще чертыхался там, вздрагивая от отвращения.

Двумя часами позже он снова увидел крысу. Сидя на соляровой магистрали, крыса маятником раскачивала свой хвост и, как показалось радисту, с издевкой поглядывала на человека.

Дальнейшее свершилось почти мгновенно. Радист сгреб первый попавшийся ему под руку предмет — тяжелый слесарный молоток — и запустил им в крысу. Раздался звонкий удар. На палубу брызнули осколки разнесенного вдребезги манометра. Крыса исчезла.

Командир лодки, пришедший на шум, ничего не сказал Елфимову, но так посмотрел на него, что тому захотелось немедленно провалиться сквозь палубу отсека. Несколько иначе отнесся к случившемуся штурман — непосредственный начальник Елфимова.

— Трое суток гауптэхты, — сказал он, задумчиво вертя в руках покалеченный прибор. И добавил: — Шляпа!

— Есть! — буркнул радист.

В жилой отсек Елфимов вернулся туча тучей. Не отвечая на реплики матросов, обрадовавшихся возможности позубоскалить, он снял с аварийной доски топор, поплевал на руки и свирепо бросил:

— Я ее доконаю!

— Ого! — сказал трюмный машинист Калабин. — Берегись, братва, в воздухе пахнет убийством!

И охота началась.

Радист последовательно обходил всю лодку, начав с носового торпедного отсека. Он заглядывал во все щели, внимательно осматривал трюмные выгородки и сплетения трубопроводов, а за ним следовали любители веселых ситуаций и подавали стратегические советы.

— Нет, Витенька, так у тебя ничего не выйдет, — ораторствовал Трошейкин. — Ее как-то сюда, на свет божий, выманить надо.

— Во-во! — поддакивал Калабин. — Ты нацепи на свою секиру кусок сала и суй в дырки. Непременно выскочит! Тут ты ее и рубай!

— Тогда уж к закуске и сто грамм добавить. Для полного антуража! Черт ее знает, может, она пьющая!

— Хи-хи!

Закончилась эта охота несколько неожиданно.

В то время, когда увлеченный поисками крысы Елфимов шарил топором под нижними койками жилого отсека, отдыхавший на верхней койке моторист Митюнин увидел его соблазни-

тельно оголившуюся спину. И Митюнин не устоял. Он вывернул наизнанку меховую рукавицу и плавно опустил ее на ельфимовскую спину.

Радист взвыл. Он прыгнул до самого подволока, свернув при этом плафон электроламп. Затем, придя в себя и сообразив, в чем дело, ринулся на Митюнина. Тот птицей метнулся с койки и под хохот матросов исчез в дизельном отсеке, с треском захлопнув за собой переборку.

Ажиотаж вокруг крысы принял столь громогласный характер, что в дело вынужден был вмешаться боцман Потапенко — ревностный хранитель флотских традиций и «военно-морского порядка», как он сам выражался. Явившись в жилой отсек, Потапенко густо крикнул, по обыкновению, и хмуро изрек:

— Сидайте, хлопцы, говорить буду!

И он говорил — солидно, убедительно, хотя и несколько путано. Все-таки суть пространной боцманской речи мы «усекли». Она сводилась к тому, что пусть лучше крыса живет на корабле, чем бежит с него, а все мы — порядочные лоботрясы, которые бесятся от безделья.

Уходя из отсека, боцман пообещал всем нам найти дополнительную работенку. И действительно нашел: каждому персонально. В первую очередь — радисту.

Но крысиная история на этом не кончилась. Дальнейшие события придали ей совершенно иной, уже не юмористический, а скорее эпический характер.

В один из дней того памятного июльского похода сорок третьего года, где-то под утро, мы получили радиограмму с приказом следовать в район Сюльте-фиорда на перехват фашистского каравана. Но враг на этот раз оказался хитрее, и мы захватили лишь хвост конвоя — несколько жалких сторожевых кораблей и катеров-охотников. И тогда командир принял решение войти вслед за караваном в тщательно охраняемый вражеский фиорд. Пристроившись в кильватер одному из вражеских кораблей, мы благополучно миновали под водой линию противолодочных заграждений вошли в бухту и прямо у причала потопили самый крупный немецкий транспорт, даже не дав ему как следует пришвартоваться.

Транспорт оказался с «горячей» начинкой. Он так рванул, что даже мы, находясь на значительной глубине, горохом посыпались на палубу отсеков. В лодке погас свет, часть механизмов вышла из строя. Повреждения были быстро устранены, однако и эта незначительная задержка оказалась для нас роковой. Немцы успели закрыть выход из фиорда, и лодка на полном ходу врезалась в стальные противолодочные сети.

Это были страшные минуты. Лодка рвалась, как затравленное животное. Она погружалась на различные глубины, устремлялась вперед и назад, пыталась лавировать, но всюду на ее пути вставала упругая стена из стальных колец.

Вот тут-то и выступила еще раз на сцену крыса, чтобы сыграть несложную, но тем не менее примечательную роль.

В один из особенно напряженных моментов послышался естественно громкий голос штурмана.

— Вы только взгляните на этот пейзаж! — удивленно сказал он, указывая рукой на командирский столик.

Там, на беспорядочно сваленных мореходных картах, сидела крыса и как ни в чем не бывало грызла сухарь, старательно зажав его передними лапками.

— Расположилась, как у тещи в гостях! — язвительно заметил кто-то. — И ни черта-то не знает, что вокруг делается. Даже завидно.

— А вот знает! И наперед все знает! — прохрипел боцман, оторвавшись от горизонтальных рулей. И взволнованно добавил: — Вырвемся, товарищ командир, помяните мое слово — вырвемся!

Боцман не стал пояснять причину своей убежденности, да и не до этого было. Но мы действительно вырвались. В густой паутине противолодочных сетей командиру удалось нащупать лазейку, через которую наша лодка благополучно выскользнула на широкие просторы океана. Мы были уже далеко, когда спохватившиеся фрицы в бессильной ярости принялись кипятить глубинными бомбами тот участок моря, где еще так недавно находилась наша «малютка».

Когда с горизонта исчезли последние признаки чужой земли и лодка легла на курс в базу, боцман вновь появился в жилом отсеке экипажа. Он внушительно прошелся вдоль подвешенных коек и, остановившись возле радиста, сказал:

— Вот что, хлопцы, кто крысу тронет — голову оторву! Понятно?

Елфимов не принял вызова и промолчал. Мы же, на радостях возвращения с победой, готовы были оказывать крысе царственные почести: аллах с ним, с боцманом! Пусть тешится! Тогда же мы окрестили крысу Машкой, руководствуясь тем, что слово «крыса» женского рода.

Так Машка стала равноправным членом экипажа. И нужно отдать ей должное, она оказалась на редкость понятливым зверьком. Машка очень скоро освоилась со своим новым положением, перестала бояться и вскоре занималась своими нехитрыми делами, совершенно не обращая внимания на людей. Мы тоже привыкли к Машке и почти не замечали ее, тем более, что вела она себя вполне прилично.

Один только Елфимов оставался непримиримым. Он не трогал Машку, но когда та попадала в поле его зрения, смотрел на нее с ненавистью, а рука его машинально тянулась к какому-нибудь увесистому предмету. Вербуя сочувствующих, радист при всяком удобном случае рассказывал жуткие истории, смысл которых сводился к тому, что страшнее крысы зверя нет: они и

болезни переносят, и продукты портят, и запросто могут перегрызть какой-нибудь жизненно важный кабель.

— Хиромантия какая-то, — ворчал он. — Кто поверит этим бабушкиным сказкам, что крысы могут предсказывать судьбу корабля? Один боцман, старый хрыч, верит. Ну, и таскал бы ее за пазухой!

— Да тебе-то что? — недоумевали мы.

— Как что? — возмущался радист. — Да у меня от одного ее вида кишки выворачивает. Давеча пошел на камбуз за щами, а она сидит возле бачков и лопает что-то из миски. Торпедисты ее прикармливают, а я с той поры ничего в рот взять не могу. Это — дело?

Укладываясь спать, радист с головой укутывался в полушубок, а под подушку совал здоровенный гаечный ключ. Спал он беспокойно, поминутно вскакивал и внимательно осматривал свою койку. К концу похода он до того извелся, что, по выражению Коли Трошейкина, стал походить на резиновую подушку, из которой выпустили воздух.

С боцманом он подчеркнуто не разговаривал.

Затянувшийся «крысиный конфликт» разрешился сам собой в базе.

Мы пришли рано утром, и торжественный салют нашей «сорокапятки» собрал на пирсе солидную толпу встречающих. Отдавая приказание швартовой команде, боцман победно сиял,

как будто всеми нашими успехами мы были обязаны лично ему. Он бодро суетился на палубе, покрикивая на матросов, и с лица его не сходила довольная, чуть хитроватая улыбка. Бедняга, он и не подозревал, какой удар готовила ему Машка.

Лодка пришвартовалась. Подали трап. Командир сошел по нему на пирс для отдачи рапорта командующему. А следом за ним серым прыгающим комочком по трапу промчалась Машка и мгновенно исчезла среди зеленых, обросших водорослями бревен.

Боцман долго оторопело глядел вслед своей любимице, не замечая матросских ухмылок. Потом грустно сказал:

— Сбежала, тварь!

Подумал немного и добавил:

— Тварь и есть! Неразумное существо!

И подытожил:

— Ну, и черт с тобой! Поход-то окончен!

— Вот именно, боцман, золотые слова! — ответил ему расцветший Елфимов. И ласково предложил: — Пойдем, что ли, рубанем флотского борца от души! А?

ГОРОДА НА ДНЕ МОРСКОМ

В девятом номере «Уральский следопыт» опубликовал заметку о талантливом крепостном инженере В. П. Воеводине и о проведенной им переправе для своего времени реконструкции старого Пожевского завода в Прикамье. Кто-то, возможно, любопытствует — какова судьба завода, можно ли его осмотреть. Увы, старого завода больше нет. Он покоится... на дне морском — на

дне Камского моря, как пермяки называют водохранилище Камской ГЭС.

Перед тем, как старой Пожеве и другим заводам и поселкам Прикамья, попавшим в зону затопления, уйти на дно, я побывал в этих местах. Может быть, читателей заинтересуют мои зарисовки той поры и воспоминания, связанные с ними.

НАСЛЕДНИКИ СТАРОГО

Завод стоял на зеленом лугу, а по лугу вилась речка Пожвинка и впадала в Каму. Теперь по лугам разлилось водохранилище, речка и завод, можно сказать утонули. Лишь кое-где из воды торчат сваи, балки — следы от старого Пожевского завода. По ним угадываются стены и контуры цехов: кузница механическое заведение, как в старину называли механический цех.

Механическое заведение Пожевского завода в старину было одним из крупнейших на Урале. Оно равнялось среднему механическому заводу России. Мастера-умельцы делали станки, паровые машины, строили первые пароходы на Каме. Невиданные суда с «огнедышащими машинами» вызывали изумление у жителей прибрежных сел на Каме и Волге.

46

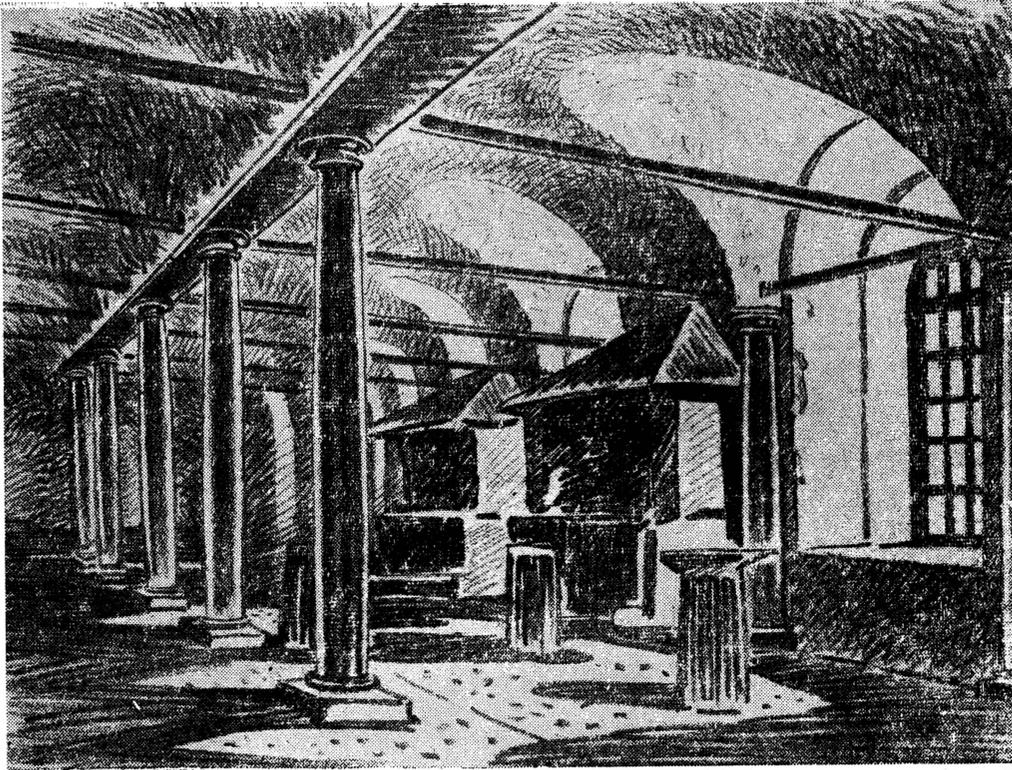
Механический цех делился колоннами на три отделения. По бокам были галереи, а средний пролет открыт до потолка, отчего цех казался

очень высоким. К чугунным колоннам крепились витиеватые литые кронштейны трансмиссии.

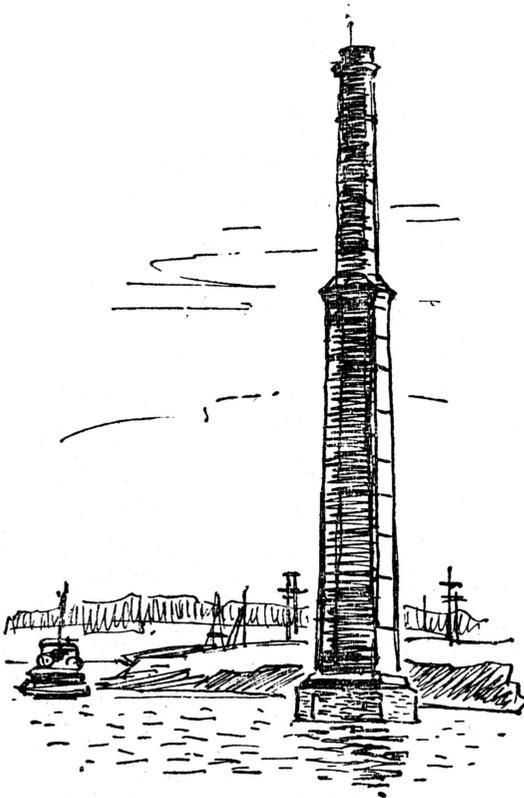
Особое впечатление производила кузница завода. Литые чугунные колонны поддерживали кованые балки, и на них опирался низкий сводчатый потолок. Под сводами и в проемах окон — кованые железные тяги... Свет скупо процеживался через квадратики грязных стекол. В простенках — горны, облицованные чугунными плитками с орнаментом. Наковальни. Вместо пола — утопанный слой золы и окалины.

Сводчатые потолки, кованые тяги, арочные окна — что-то напоминающее древний русский терем, Грановитую палату. Не хватало только росписей, они, чудилось, скрыты под слоем копоти.

Раньше кузница была огней на пятьдесят. Металлический гул набатом раздавался под низкими сводами, вырывался наружу через открытую дверь и пробивался сквозь каменные стены. Те-

Так было...

Труба старого завода

перь в кузнице из пятидесяти «огней» работали немногие. Вместо наковален стоял пневматический молот. Кузнец в брезентовой спецовке мастерски разгонял молот и со звоном опускал его на поковку, а если надо, едва лишь задевал ее.

— А ну, клади палец, — хвастливо предложил мне кузнец, — я так подпущу молот, что только коснусь легонько, не ушибу...

Завод ломали. В механическом работали всего два — три станка, многие отделения и цехи, соединенные арочными проходами, пустовали: рабочие были заняты непривычным и нелегким для них делом — ломали родной завод.

Я видел, как двое сдирали железо с крыши и вдруг стали приколачивать лист на прежнее место: под ним было галочье гнездо с птенцами. А галки сидели в стороне и беспомощно смот-

рели белыми, как пуговики, глазами. Вдоль карниза лепились одно к другому ласточкины гнезда. Ласточата в белых манишках весело смотрели из глиняных корзиночек.

Снаружи стены завода без особых украшений — классический ритм окон и простенков. Но это не утомляло глаз. Пожевский завод был ценным памятником уральской заводской архитектуры. Даже отдельные детали: кронштейны, плитки, наковальни, колонны, решетки — представляли большую ценность, как образец художественного литья. Позднее из книги «Зодчие старого Урала» я узнал имена крепостных архитекторов — А. Д. Вяткина и Л. С. Мальцева. Они не учились в Академии художеств. Вяткин подростком поступил в правление Пожевского завода писарем, затем стал чертежником и «находился в приобщении к архитектурному искусству». В Пожеве А. Д. Вяткин построил большой корпус с кузницей и механическим заведением. По его проектам отливались колонны, кронштейны, облицовочные плитки...

От большого завода, занимавшего пять гектаров, остался один корпус — бывшая домна. Да рабочие сами решили оставить кирпичную трубу. Она стоит в воде, будто на время затопленная паводком, стоит — как маяк.

Сохранился пруд, он не слился с Камским морем, а остался намного выше, за старой заводской плотиной. В корпусе бывшей домны теперь... дом культуры. При нем небольшой музей по истории завода и поселка.

Я смотрю документы в музее и интересуюсь заводским литьем: где же кронштейны, решетка, наковальня? Не сохранили! А колонну, хотя бы одну? Тоже не сохранили...

Из окна виден новый Пожвинский завод, а за ним — Камское море. На безбрежном просторе ослепительно сверкает солнечный блик. Идут пароходы, мчится и плывится в солнечном блике быстрходный «метеор»...

Пермский областной краеведческий музей прислал в Пожву гонцов — зачищать остатки старины. Сотрудница музея Эмилия Павловна присмотрела у церковной ограды звено решетки.

— Ценная решетка, заводское литье! — определила она.

Пошли к настоятелю храма. Предварительно в поселковом совете получили «добро», но батюшка засомневался, хотя, кажется, понимает, что для музея.

— Надо, — говорит, — посоветоваться со старостой.

Потом долго стоял у ограды, раздумывал и лихо умчался куда-то на мотоцикле.

В музей решили отправить железные полосы, стяжки, плиты — все, что отыскали на месте старого завода. Многие пришлось разрезать на куски. Повезли на новый завод и в кузнечном цехе «раскроили». А ненужные обрезки — в горн. Кузнецы накалили их до бела и взялись пробовать на наковальне. Огненный кусок старого железа заиграл, рассыпая искры. В умелых руках податливо лепилась какая-то деталь. Кузнец расковыривал и удлинял ее. Расплющил, повертел, смекая что-то, ударил раз другой, загнул конец, — и вышла... сапожная лапа. В хозяйстве пригодится...

Новый завод — новые корпуса и совсем другие интерьеры: без арок и сводов, простая и строгая прямолинейность. Привычная современная архитектура по типовому проекту. Хорошо бы для сравнения сохранить старый завод, сделать заповедник, но в то время торопились очищать затопляемую зону. Павел Максимович Казанцев, автор книжки о старом Пожевском заводе, находился тогда у руководства, и был человеком заинтересованным, предлагал отсыпать дамбу, сохранить завод. Но, как рассказывают, получил лишь выговор за невыполнение сроков по очистке зоны.

Спрашиваю Казанцева, не лучше ли было сохранить и реконструировать старый завод?

— Нет, новый построить дешевле, да он и лучше, если уж говорить о производительности и удобствах.

Пожалуй, верно. В кузнечном цехе просторнее, пневматические молота один другого габаритнее и мощнее.

Единственное наследство от старой кузницы — три наковальни.

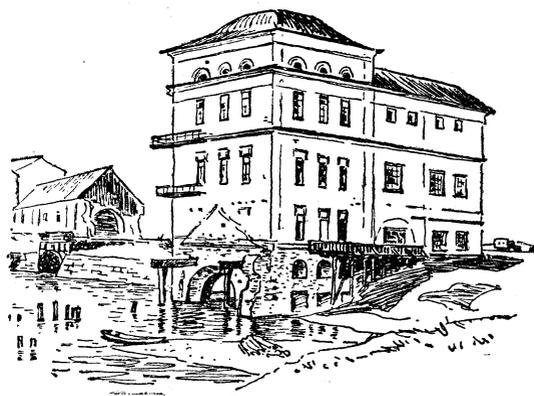
— Без дедовских наковален тоже не обойдется, — говорят кузнецы. — Инструмент править, да мало ли что...

— Ну, а старый завод хоть немного жалко? — спрашиваю я, и почему-то хочу услышать сожаление.

— Что ж, — пожимают они плечами, — сами ломали, и сами этот строили.

Не только завод стал новым, но и новое поколение пришло на производство. В огромном механическом цехе, из конца в конец заставленном станками, работают молодые девчата и ребята.

Бывшая домна —
ныне Дом Культуры

Юный завод

Десятки станков сверлят, обтачивают, строгают. Выхожу из проходной, оглядываюсь на ворота: «Пожвинский завод Лесосплазмаш». У ворот — всяких мастей мотороллеры, мотоциклы. Вот какая-то девушка бойко оседлала мотоцикл и, как

говорят, дала по газам. Только успела крикнуть: «до свидания», — и красный берет уже замелькал далеко на шоссе. За ней мчатся другие — до-мой, в поселок.

Крылатая смена — наследники старого.

ДОРОГА... ПОД ВОДУ

Кто старое помянет...

Еще лет двадцать назад Чермозский завод маячил трубами, их видели с пароходов, проплывая по старой Каме.

В местной летописи говорится: «Чермозский завод, чугуноплавильный и железодельный, принадлежащий на полном праве собственности княгине Елизавете Христофоровне Абамелек-Лазаревой, находится в 112 верстах от Перми и в 122 верстах от Соликамска...»

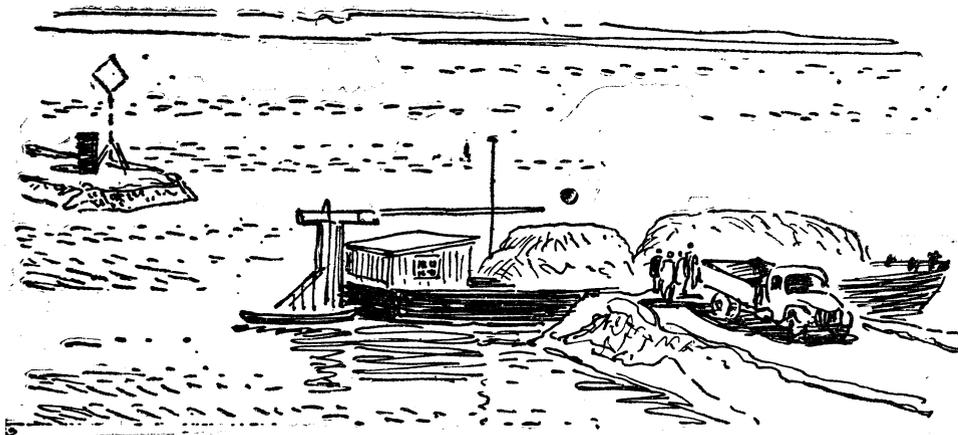
Завод стоял на середине пути, между двумя видными в то время городами. Но пароходы приставали не в Чермозе, а в Усть-Косье, откуда на лошадках, а позднее на машинах попадали уже и в Чермоз.

Теперь завод ушел под воду, и пароход или

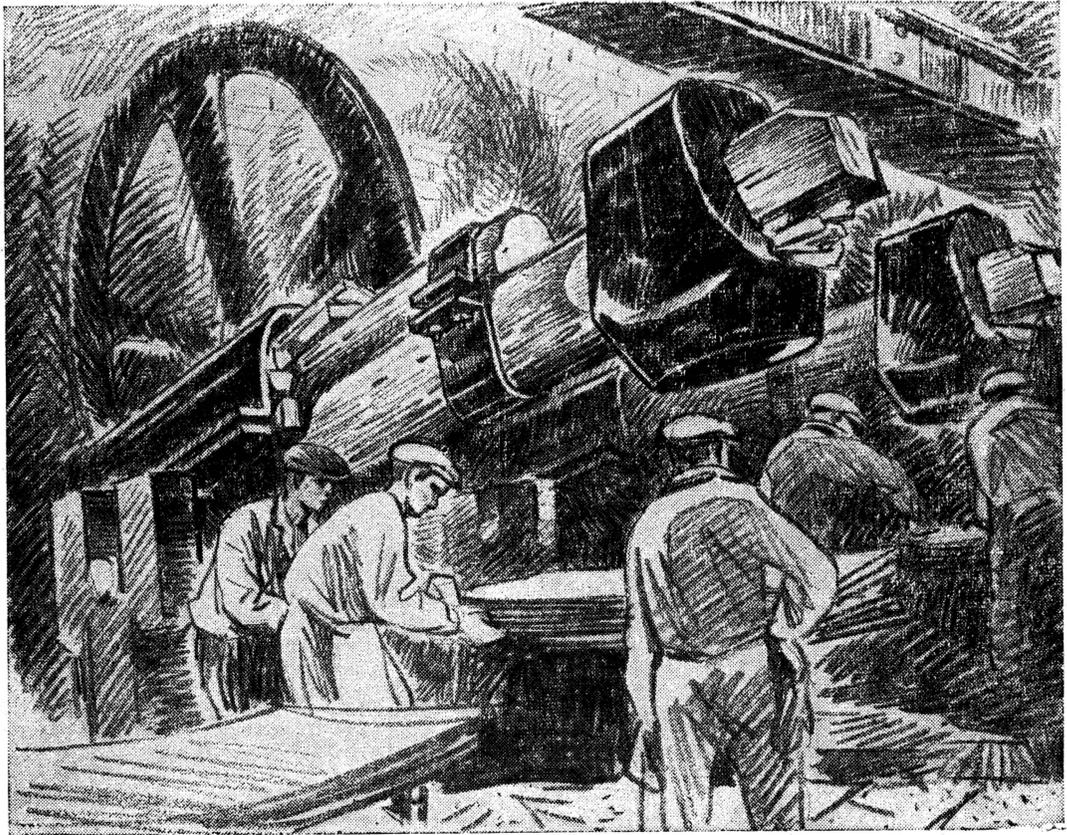
«Ракета», причаливают к пристани под высокими тополями. Этот тополинный сад был когда-то на берегу пруда, выше плотины. А ниже ее стоял завод и почти два столетия давал листовое железо. Оно славилось хорошим качеством. Старик-завод был настоящей живой историей Прикамья.

Помню, когда я приходил с альбомом, чтобы запечатлеть уходящую заводскую старину, меня рабочие встречали словами: «Вот здесь-то и есть настоящая старина». Они словно гордились этим, как потомственные железодельцы.

Старины действительно хватало, время не стерло ее, хотя местами донесло лишь отдельные штрихи, но чем они были скуднее, тем острее работало воображение.

Остатки плотины

В листовом цехе

Меня протаскили через небольшой лаз в стене, и мы оказались в каменном мешке.

— Сюда сажали рабочих за провинность, — пояснили мне. — В стену были вделаны цепи, но мы их выдрали с корнем и сожгли, иначе сказать — переплавили.

Невзначай я прислонился к стене и отпрянул: кирпичи были холодные и сырые, остальное довершило воображение...

Из соседнего цеха лошаденка вывозила платформу с железом, а по заводской узкоколейке бежал паровозик. Старое и новое уживалось рядом. В сутуночном цехе раскаленную полосу раньше тянули вручную, а в наши дни механическим зацепом. Я представил рабочих в домотканой одежде, в лаптях, как они клещами тянут, словно бурлаки, огненную полосу. А она, будто огненный змей, шипит и пышет жаром...

В листовом цехе грохот — как надсадный кашель старого завода. Это многопудовые молоты на деревянных рычагах, поднимаются и опускаются на пачки кровельного железа.

Под ударами молотов листы выравнивались, приобретали эластичность и гибкость. Раньше, по рассказам рабочих, на каждую пачку полагалось пятьсот-шестьсот ударов.

Молоты насажены, как и раньше, на деревянные рычаги из березовых кряжей. Древность! Но мне сказали: пробовали заменить железными, да береза выносливее: проверено дедами.

А молоты торопились и ухали наперегонки.

В горячем воздухе кружила окалина, пахло железом, краска на моей палитре таяла и ползла, как на горячей сковородке. Но допотопные молоты и всю обстановку старой листовки хотелось написать именами красками. Иногда я обмывался синим цветом железа и собирался наступить на него или присесть, да вовремя спохватывался, плевал для страховки на пачку — железо предупредительно шипело...

...Это было вот здесь, пожалуй, вон на том месте, где качается на волнах озерный буй. А пруд заводской слился с Камским морем.

Я стою на дороге, по которой почти два столетия ходили на завод рабочие, теперь она ушла под воду. Волны набегают и откатываются — Камское море беспокойно. А вот там, где прошла моторка, была проходная; над ней снуют разноцветные лодки, стремительно разворачивается «метеор». И волна опять торопливо набегает. Я делаю шаг назад и вдруг ловлю себя на мысли: чего-то здесь явно недостает... Но чего? Не то чтобы завода, а... памяти о нем. На берегу, или чуть подальше, в воде, хочется видеть стену, с какими-то заводскими атрибутами и лаконичной надписью:

«ЧЕРМОЗСКИЙ ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНЫЙ ЗАРОД»
1761—1955

А. ТУМБАСОВ.
Рисунки автора

Око Дельфина

Василий БЕЛОВ

Рисунки Е. Стерлиговой

Несколько дней подряд стояла прекрасная погода: океан вздыхал спокойно и мощно. Теперь же, словно притворяясь усталым, он тихо копил свою ярость: Питер Стайлз чувствовал это. Золотисто-синие и фиолетовые тона медленно исчезали по всему горизонту, они отдавали свое место серым и чуть желтоватым. Солнце тускнело. Стайлз, ощущая тяжесть в надбровьях, еще раз окинул взглядом подходы к архипелагу. Море было пустынно. Лишь на мысе соседнего островка мерцало Око Дельфина. Но маяк не должен гореть днем. Хуан — этот старый пьяница — второй день не ездит гасить маяк. Стайлз энергично, через две ступени, шагнул на крыльцо своего домика. Сифон был пуст, и это разозлило его еще больше. Странно, но сейчас Питер Стайлз был рад своему раздражению.

— Сэр, ночью маяк снова погас, — Хуан сделал движение челюстью, не зная, куда сплюнуть табачную жвачку. Его кривой, сломанный в портовой драке нос очень сильно напоминал клюв гарпии. Физиономия старика была лишена всякой симметрии. Не меняя выражения, но внутренне улыбаясь, Стайлз поднялся с плетеного стула:

— Что ты говоришь, Хуан?

Он погас через два часа после за-солнца.

Ямайский ром не идет тебе на у.

Стайлз налил из бутылки четверть стакана. Но старик даже не повернулся. Он продолжал стоять, шевеля челюстью и глядя в открытую дверь. Глухой шум океана растворил в себе его бормотание, Стайлз разобрал лишь упоминание о дьяволе.

— Тебе надо основательно выспаться, — сказал Стайлз. — Ты очень устал, Хуан. Сколько прошло лет? Когда ты скакал на мустанге под знаменами Боливара, я тоже был не тот, что теперь.

— Сэр, вы можете считать меня сумасшедшим. Но не верить своим глазам... — он, наконец, сплюнул жвачку, — не верить своим глазам у вас не доставит смелости.

— Но он же горит, Хуан? — Стайлз кивнул на горящее в полумиле от них Око Дельфина.

— Да, но сейчас день! — Хуан вдруг утратил всю свою невозмутимость. — Ночью оно гаснет, это чертово Око!

— Может, кончился газ? Или неисправна горелка? — Стайлз хлопнул старика по плечу. — Мы проверим горелку вместе, старина.

Но это еще больше взбеленило Хуана.

— Вы хотите сказать, что зря платите мне деньги?! — И Хуан с поспешностью заковылял прочь.

Питер Стайлз улыбнулся, ощущая раскаяние. Пожалуй, он больше не вернется, этот бродяга. Будет, как и прежде, ловить макрель, спать в своей сколоченной из такелажных обломков хиба-

ре. Доброта ирокеза будет толкать его обратно, на этот хотя и относительно, но все же цивилизованный остров. Но гордость испанца вкупе с благоприобретенным упрямством оставят его там. В рыбацком поселке чилийцев, что в шести морских милях от владений Стайлза. Да, старый Хуан явно сдал, ему не мешало бы полечиться. А может, он просто плохо или вовсе не видит ночью?

К полудню шум океана вновь нарастал, небо затягивалось охристой дымкой. Питер Стайлз взглянул в окно: Око Дельфина горело неярко в свете мглистого солнца... Но оно горело, горело спокойно и ровно. Это была небольшая, сложенная из плитняка башенка, сооруженная вскоре после того, как на архипелаге открыли эту дурацкую руду, которая вдруг до зарезу понадобилась всему миру. Компания на свои средства соорудила Око Дельфина. Им пришлось таки раскошелиться, когда две фелуки, груженные продовольствием и дорогим оборудованием, накололись на рифы.

Это было опасное место. Мощная прядь морского течения упиралась пря-

мо в островок, делилась надвое. Опасность мореплавания усугублялась ветрами, которым в осенние и зимние месяцы было не по пути с движением океанской воды. Чтобы не угодить на рифы или не быть втянутым в опасный пролив, судно должно, преодолевая встречные ветры, каждый раз огибать остров с Оком Дельфина, затем, меняя галсы и маневрируя, не торопясь, подвигаться к бухте архипелага.

Око Дельфина светило спокойным, слегка мерцающим светом. Питер Стайлз ясно видел это, и ему стало снова жаль Хуана. Но чем он может помочь ему? Если старик не хочет ничьей помощи... И разве его, Питера Стайлза, не оскорбила бы любая подобная помощь? Пока ты обходишься без чьей-либо помощи, ты еще можешь считать себя мужчиной. Не беда, что мужчина, если он умен и честен, никогда не бывает счастливым. Хуан, может быть, и не знает этого. Но то, что помощь Стайлза ему не нужна и обидна — это он знает прекрасно. И теперь его не вернуть обратно... Он горд, этот старый пьяница.

Стайлз перевел взгляд на большой, уже несколько пожелтевший снимок дочери. Кристина была сфотографирована на теннисном корте. Азарт и бездуховность физических движений противоборствовали в ее улыбке с тонким очарованием сердечного удивления. В Гвиане она была еще совсем другой, ее улыбка тогда почти ничем не отличалась от гримасы детского горя.

Стайлз выплеснул содержимое стакана за дверь и задвинул ящик стола. Затем он принял душ и с наслаждением сменил сорочку. Пока еще он может позволить себе эту роскошь: каждые два дня менять сорочку. Впрочем, в тропиках это не было особой роскошью. Скорее это было необходимостью. Другое дело здесь, за сороковой параллелью южной широты, где большую часть года трудно поладить с океаном без свитера.

Стайлз закурил крепкую кубинскую сигарету и вытянулся на складной кровати.

Он покинул Джорджтаун, когда Кристине исполнилось десять лет: у девочки еще не сформировались тогда ни походка, ни почерк. Незадолго до этого ее мать умерла от родильной горячки в больнице одного из обществ благотворительности. Молодящиеся чистоплотные дамы из этого общества считали Питера Стайлза единственным виновником смерти молодой женщины. Они не очень-то его чтили. Живущие вдали от родины, они слегка преувеличивали не только порядочность всех англичанок, но и благородство мужчин, плавающих под британским флагом. К тому же внешность Стайлза не соответствовала их идеалам: он казался им чуть ли не флибустьером. Да, они не очень-то его чтили. И они сделали все возможное, чтобы Кристина была отправлена в Англию, к тетке по матери. Эта старуха, по отношению к которой Стайлз был совершенно нейтрален, тоже сделала все необходимое, чтобы дочь годами не встречалась с отцом. И все-таки надо отдать ей должное. Она содержала в Лондоне приличный пансионат: Кристина могла стать истинной леди. Впрочем, судя по письмам, чувство юмора относительно такой перспективы никогда не покидало его девочку. Стайлз втайне от себя гордил-

ся дочерью. Наверное, ему все же стоило помириться с дамами из благотворительного общества или защититься официальным законом. Он не сделал ни того, ни другого. Обогнув громадный южно-американский материк, много лет скитаясь по чилийским портам, он растерял горечь своих обид. К тому же он не хотел быть каботажником. Божьей милостью он был моряк, а бросать чалки с вонючих джорджтаунских барж мог любой мальчишка-гуачос. Нет, он ни в чем не может себя обвинить. Он ежегодно и аккуратно переводил положенные фунты в лондонский банк: старуха не могла попрекнуть Кристину беспутным отцом. Он по-прежнему ни от кого не зависит. Кроме своей старости. Кроме этой проклятой ступни, раздавленной когда-то в Гваякильском порту упавшим ящиком. Она, его правая ступня, перед каждым вздохом муссона начинает валять дурака...

Стайлз повернулся, ища глазами снимок. Око Дельфина горело в низком окне красной горячей капелькой. Он вдруг представил себя счастливым отцом. Вот чилийское грузо-пассажирское судно, капитаном на котором его старый надежный друг, несколько суток тому назад вышло из Британской Гвианы. Оно уже давно миновало Панаму. Может быть, оно миновало уже и Галапагосские острова, если не пришлось заходить в один из колумбийских портов, чтобы пополнить запас угля. Кристина, его дочь, его девочка, прекрасно выдерживает многодневную качку. Должна же сказаться хотя бы какая-то наследственность? Или все давно выветрилось в тихом, дождливом, благополучном лондонском пригороде? Нет, это было бы слишком хорошо для Стайлза. Он никогда не верил не только в слишком хорошие случаи, но и в слишком хорошие закономерности.

Его владения с дюжиной однообразных построек даже не нанесены на школьную карту. «Покинут людьми и богами». Чья же это строка? Стайлз когда-то знал многих поэтов. «Покинут людьми и богами...» Он жил здесь всего несколько месяцев. После того, как компания очень вежливо, почти осторожно предложила ему эту работу. Да, Стайлз действительно был стар. Но его пенсии хватило бы лишь на еду и сорочки, слишком бедны эти мелкие юж-

но-американские компании. При всем этом правительства на континенте меняются чуть ли не каждое новолуние. Людям, которые сами себе присваивают воинские звания, то и дело устраивая перевороты, нет дела до Стайлза. У них полно своих забот...

Он встал, ощущая приближение какой-то неосознанной тревоги. Наступил час обеда, каждый день в это время были слышны голоса рабочих-чилийцев, возвращающихся с рудника. Он вспомнил, что сегодня воскресенье, что почти все они уехали к семьям в свои поселки. Этот чудак Хуан снова плел что-то насчет Ока Дельфина... Почему он исчез? Кажется, Стайлз чем-то обидел его. Да, конечно. Он обиделся и исчез, когда Стайлз сказал ему что-то по поводу горелки Ауэра. Но почему он так настойчиво твердит о том, что Око Дельфина не горит по ночам? Старик совсем спятил...

Тревога все нарастала где-то в подсознании. Она смешивалась в сознании с недавним представлением о судне, идущем из Гвианы, о капитане, который посылает матроса отнести в каюту юной англичанки еду и кофе. Потом Стайлз вдруг вспомнил картину «Экипаж погибшей «Медузы». Так отчетливо вспомнил, что застал и, злясь на себя, налил рому.

Он не любил этих неясных и подсознательных ощущений. Сменив одежду, он решительно двинулся к берегу, отцепил ялик Хуана и с трудом столкнул эту посудину на волну. Стайлз давно не работал с веслами. Но прежние навыки тотчас вернулись, и ему стало весело: человеку всегда приятна встреча с минувшим. Он быстро оставил крохотную бухточку Хуана. Океан плевался холодной водой, принесенной течением от самой Антарктики. Ялик нырял по проливу две трети часа, пока Стайлз не причалил на песчаном затишье. Защищенное скалами, это место было от маяка далеко, и Стайлз с полчаса шел по гололобым камням. Остров был печален и пуст, лишь Око Дельфина напоминало о жизни. Стайлз поднялся по отлогой спиралевидной кладке на небольшую площадку, открытую на запад, север и юг. Здесь стоял баллон с газом и была установлена горелка Ауэра — жалкое изобретение полувековой давности. Впрочем, Стайлз тут же изобли-

чил себя в неблагодарности к родовитому, но не менее даровитому австрийцу: горелка излучала мощный, бесшумный и ровный свет. Высокий стеклянный цилиндр, в котором помещалась горелка, был хорошо вычищен Хуаном и еще не успел закоптиться. Манометр баллона показывал нормальное давление, газ поступал в горелку без всякой утечки. Стайлз поправил систему линз, осторожно протер тряпкой вогнутое сферическое зеркало, отражающее от цилиндра пучок света. Все было в порядке. Око Дельфина зорко глядело в серые безбрежные воды Тихого океана.

Он вернулся к себе уже под вечер и, ощущая забытую прелесть физической усталости, с аппетитом съел принесенный служителем ужин. Он уснул тотчас же, как засыпал когда-то в молодости. Океан глухо, всесветно шумел за стеной. Зеленые звезды светили над домиком. Может быть, судно, ведомое его другом, уже в нескольких милях? Может быть, может быть... И он вновь сквозь сон ощутил приближение тревоги. Холод проник в его домик, но Стайлз долго не мог сбросить с себя тягучую пелену сна. Вернее, ему показалось, что он пробуждался слишком долго. Он вскочил и, не одеваясь, принял к окну, ища взглядом Око Дельфина. В той стороне ничего не было видно. Он схватил бинокль и выбежал в ночь. Не чувствуя холода, он искал свет маяка, но видел лишь его туманные, неясные очертания.

Око Дельфина не подавало никаких признаков жизни.

Оно словно дремало, надеясь на зеленые звезды, и океан вслепую катил свои валы на скалы пролива, шумел широко и надменно.

Стайлз, согнувшись, вернулся в домик. Отбросив бинокль, он лег на кровать. Нет, он не сможет сейчас в одиночку преодолеть залив. Может быть, ему не столкнуться одному даже ялик. Куда же исчез этот проклятый старик? Вдвоем они бы смогли сплавить на остров. А может, ему все это только снится, может, это просто галлюцинации. Ведь старость предусматривает для человека не только пенсию... Но, нет, он пока еще в своем уме. Око Дельфина действительно не горит, старый Хуан прав. Но что произошло с Оком Дельфина?!

Стайлз, то забываясь, то вновь вскакивая, еле дождался восхода. Когда солнце осветило серые морские валы, он сбросил оцепенение, выбежал из дома и взглянул вдаль. Маяк блеснул и снова погас, блеснул вновь и вдруг загорелся спокойно и ровно.

«Но ты же должен гореть ночью,—подумал Стайлз.—Почему ты горишь только днем? Черт возьми, я узнаю, почему ты не хочешь гореть ночью!»

В конце обессиленный, он швырнул на камни пустую бутылку, затем вошел в дом и упал на холодное ложе. Он уснул тяжелым и пьяным сном, стараясь вернуть образ идущего из Панамы судна. Но только страх и тоска, впервые соединенные вместе, сомкнулись над спящим Питером Стайлзом.

Маяк горел весь день, и весь день Стайлз не мог найти себе места. Никогда в его жизни время не шло так медленно. Солнце, затканное охристой пеленой приближающегося шторма, не торопилось тонуть в серой океанской пустыне. Наконец оно опустилось совсем низко. Затем, растворенное горизонтом, расширилось, стало неясным и исчезло. Стайлз, сдерживая нервное возбуждение, не мигая, смотрел на Око Дельфина. Холодные сумерки быстро сгустились, перешли в вязкую тьму. Маяк горел, казалось, все ярче и ярче. Стайлз, цепenea от холода, напряженно следил за ясным, все более отчетливым световым сгустком. От напряжения и все нарастающего ветра глаза заливало слезой. Он сходил в дом за свежим платком и сел на крыльцо, чтобы укрыться от ветра. Прошел еще час или полтора. Стайлз на минутку забылся и вдруг вздрогнул от какого-то внутреннего толчка, взглянул на Око Дельфина. Ему показалось, что маяк начал медленно гаснуть. Да, маяк угасал, хотя и очень, очень медленно. Прошел уже час: Око Дельфина горело уже совсем тускло. Что же там происходит? В полночь маяк в последний раз блеснул слабым, бескровным лучом и угас.

Стайлз, потрясенный, вскочил на ноги. Нервная дрожь исчезла, когда он спокойно, но быстро вошел в дом и зажег огонь. Он отрубил от каната два толстых конца, плотно перевязал их бечевкой и сложил их в пустое ведро. Канистра с керосином стояла тут же, за дверью,

он вылил из нее в ведро треть содержимого. Багор, с которым Хуан совершал свои путешествия к маяку, он видел еще вчера около ялика. Он открыл стол и достал нож—острый, с прямым клинком нож, в инкрустированных ножнах, с ручкой, сделанной из моржового клыка—подарок шведского моряка.

Там, внизу, Стайлз поставил ведро с факелами в корму ялика, укрепил его багром и плоским камнем, чтобы оно не опрокинулось во время качки. Затем осторожно начал сталкивать ялик на волну. Даже здесь, в бухте Хуана, прибор был довольно сильным. Волна дважды по пояс захлестнула Стайлза, прежде чем он прыгнул в ялик. Экономя движения, он начал грести...

Он не знал, сколько прошло времени. Он греб и греб, ругаясь давнишними морскими ругательствами, когда вода уходила от него вниз и весла срывались с нее, кидая Стайлза назад. Он с трудом сориентировался по расплывчатым, еле заметным силуэтам рудничных строений, преодолел течение пролива и направил ялик под защиту вчерашних скал, к песчаной отмели. Стайлз вытащил ялик по отлогому спуску. Он взял багор, ведро с факелами, проверил сохранность спичек и осторожно, на ощупь, пошел к маяку. Он сел на камень, чтобы отдышаться: Око Дельфина было совсем рядом. Шторм нарастал, ошметки пены с гребней волн долетали даже сюда. Шум воды со всех сторон давил, надвигался, заполняя весь мир, и Стайлз вдруг остро, впервые ощутил безбрежность воды и свое одиночество.

Никогда, никогда в жизни не был он так одинок, как сейчас. Слепое Око Дельфина еле угадывалось во тьме, океан шумел отрешенно и мощно. Но, может быть, сейчас где-то, в этой черной безбрежной стихии, идет заветное судно... Море бросает его с волны на волну, но капитан тщетно глядит в бесконечную темень, и никто и ничто не предупредит его о жестокой опасности. Какая же сила вот уже четвертую ночь подряд гасит Око Дельфина? Может быть, и впрямь существует нечто потустороннее, непонятное и не подвластное никому и ничему в мире. Но он должен зажечь огонь этого маяка! Он стар, но он ничего не боится. Чего может бояться человек, если он давно разучился бояться смерти?

56 Да, но ты не боишься лишь собственной смерти. Только своей, собственной смерти. Смерть, например, Хуана тебе все так же страшна. Питер Стайлз трусливо спрятал куда-то в глубь сознания другое, бесконечно дорогое ему имя...

Но оно вновь и вновь всплывало, прояснялось в его мозгу. И тогда он одним рывком поднялся с камня.

Теперь он снова чувствовал силу своих мышц, он был снова силен и молод. Его движения стали стремительны, бесшумны и целенаправленны. Он по-кошачьи быстро достиг маяк. Сердце его билось так же бесшумно и сильно, как в молодости. Он ловко нацепил на багор факел и, не зажигая его, начал осторожно двигаться вверх, по отлогой спирали кладки. Темнота и безмолвие маяка жили отдельно от безбрежного океанского шума. Стайлз осторожно двигался вверх, к площадке. Вот она, эта площадка, он поставил ногу потверже и затаил дыхание. Все было тихо и беспросветно. Лишь пятно света слабо краснело в центре круглого железного колпака, заменявшего крышу. Стайлз, холодея и становясь как бы совсем бесплотным, тихо достал спички. Он умел зажигать спичку одной рукой. Он зажег спичку и быстро прикоснулся огнем к факелу. Факел вспыхнул, Стайлз поднял его над головой... и чуть не выронил багор с факелом. Его охватила дрожь омерзения...

Стеклянный цилиндр горелки Ауэра был сплошь оплетен змеями. Они свисли вокруг огня плотным клубком, искали свою долю тепла и света. Поэтому весь клубок еле заметно двигался, все это происходило совершенно бесшумно и даже деловито. Две или три крупных рептилии, кажется, это были гремучие змеи с их ромбическими узорами на жгутообразных телах, составляли основу клубка. Дальше явственно различались пятнистые тела коралловых аспидов, переплетенных в кольца более темных рогатых випер и уже совсем тонких медяниц. Две или три изящных головки качались в воздухе, обнажая раздвоенные язычки, с легким шипением клонились то вправо, то влево.

Питер Стайлз не мог выдержать этого подлого зрелища. Он прямо в ведре запалил второй факел, сбросил на плиты первый и начал осторожно и с отворачиванием растаскивать багром змеиный клубок. Змеи, наращивая шипение, неохотно сползали с цилиндра. Стайлз стоял теперь не двигаясь. Змеи одна за другой сползали на плиты, извивались, двигались вниз, обтекая человека... Стекло цилиндра медленно освобожда-

лось, вот осветились и замерцали маячные линзы, свет ударил в зеркальный вогнутый отражатель, и Око Дельфина ожило. Маяк послал первый сигнал в ночной мрак гремящего водой океана.

А они все ползли и ползли, трусливо обтекая человека, исчезая внизу вместе с шипением. Наконец хвост последней виперы исчез в темноте, и Стайлз удивился собственному спокойствию: «Кому же впервые пришло в голову сделать змею олицетворением мудрости? Твари. Жалкие, подлые, бездарные твари! Вам хочется тепла и света, как и всем жалким трусливым тварям. Пока вас греет щедрое и благородное солнце, вы недвижно лежите на горячих камнях, переваривая свою жалкую пищу. И только одна жажда продолжения рода заставляет вас сблизиться друг с другом. Но солнце не может круглые сутки давать вам свет и тепло. И тогда вы устремляетесь к источнику света, который создан человеком...»

Питер Стайлз глядел на мощный огонь маяка и думал. Что ж, он может преодолеть отвращение, он сможет понять стремление этих жалких созданий. Но ведь свет маяка нужен всему океану. Почему же им, этим созданиям, нет до этого дела? Привыкшим к даровому теплу, к свету чужой мудрости, им чудится право на любое, не созданное ими тепло. И они искренно жалеют себя, негодуют, когда им напоминают об этом. А может, им вовсе не нужно тепло, а только один голый холодный свет? О, тогда надо признать змеиную мудрость, холодную жестокую мудрость, которая никогда не может стать человеческой. Но

даже такая мудрость — не мудрость, а всего лишь беспомощность. Не потому ли их так много и так они эгоистичны, что жалки и беспомощны? Они жадно стремятся к свету, не замечая, что и сам он, этот свет, задыхается от их близости. И все же они жалки со своим смертоносным ядом. Их зубы остры и безжалостны, но их все равно жалко, и это не похоже на ненависть. Они жалят сильных от собственного бессилия, потому что умеют лишь пресмыкаться. И поэтому их жаль, но им никогда не понять этой жалости. Не потому ли они так жестоко мстят жалеющим их?

...Стайлз долго стоял на холодных маячных плитах. Факелы догорали. Око Дельфина освещало в темноте штормовое безбрежье.

Он подошел ближе и еще раз проверил устройство. На кронштейне линзы безжизненно висело тело небольшой, видимо, погибшей медяницы. Он наклонился еще ближе, рассматривая это жалкое погибшее существо. И вдруг змейка, стремительно выгнувшись, ткнулась головой в шею Питера Стайлза...

Он еще сумел дожидаться рассвета и, опираясь на багор, добраться до ялика. Тошнота и головокружение стали сильнее, когда он, тратя последние силы, в три приема стащил ялик к воде и перевалился через его борт. Но теперь сознание уже покидало Питера Стайлза. Подхваченный волнами, ялик медленно выметался на середину бухточки, несколько раз ударился бортом о прибрежные скалы. Затем его подхватило течением залива и вынесло в океан, который все так же отрешенно и широко шумел вокруг.

ИСТОРИЯ СЕРЕБРЯНОЙ ПЛАСТИНКИ

«Европа венчает Россию славою, Азия отверзает ей сокровища». Такие слова мы читаем на серебряной пластинке, хранящейся в Оренбургском областном краеведческом музее.

История пластинки весьма любопытна. Она — памятник первых попыток оренбургской администрации начать изучение горнорудных богатств Казахстана в начале XIX века.

Пластинка приобретена музеем в 1949 году у жителя Нижнего Тагила Я. В. Журавлева.

Пластинка имеет прямоугольную форму с усеченными углами. Ее размеры: 6×9 сантиметров, толщина 3—4 миллиметра. На левой стороне — рельефное изображение и текст. В центре изображена высокая колонна на пьедестале с двуглавым орлом и царской короной наверху. Слева от колонны — античная богиня в шлеме, с железом или скипетром в правой руке и венком в левой. Справа на фоне горы и лучей восходящего солнца — фигура казаха верхом на верблюде. И колонна, и обе фигуры поставлены на сокровищах, сыплющихся из рога изобилия.

По верхнему краю пластинки идет приведенная выше надпись, внизу другая — *«Благословенный рудник в киргизской степи. Открыт 1814».*

На оборотной стороне пластинки еще одна надпись: *«Серебро, извлеченное из руд, вывезенных из Киргизской степи экспедициею, отправленной по высочайшему соизволению Оренбургским военным губернатором князем Волконским. 1815».*

Уже этот текст до некоторой степени объясняет историю пластинки. Однако архивные и печатные источники дают интересные подробности о ее происхождении.

...Летом 1813 года оренбургский военный губернатор князь Волконский отправил в казах-

скую степь военную экспедицию. Во главе ее стояли: комендант города Троицка подполковник Феофилачев и директор Троицкой пограничной таможни Чекалов. Участники экспедиции заметили у казахов «изобилие свинцовых пуль» и заинтересовались, откуда получают здесь свинец, так как на пограничных торговых пунктах запрещено было продавать этот металл, как и огнестрельное и холодное оружие. Казахи сообщили им, что «в степи, на реке Кара-Тугае, в расстоянии 500 верст от Троицка, находится величественная, подобная верблюду гора, называемая Кургаш-Тай (то есть Свинцовая гора. — С. П.), из которой в хорошую погоду самородный свинец тает и течет, как источник, что сию гору случайно открыл некий пастух, пригонявший к Кара-Тугаю поручаемые

ему стада, и что с того времени киргизы собирают оный самородный свинец, приготовляют из него пули, оправу на кинжалы и многие другие вещи».

Об этой горе Кургаш-Тай Феофилачев и Чекалов донесли князю Волконскому, а тот поручил им доставить образцы руды. Участники экспедиции уговорили казахского старшину Алтая Миняшева привезти немного образцов. В марте 1814 года он выполнил просьбу, привез несколько кусков руды, которые были исследованы горным чиновником, работавшим в Оренбурге по изучению рудных богатств губернии. Оказалось, что привезенная руда является свинцовым блеском, содержащим 54 процента чистого свинца и признаки серебра.

Князь Волконский послал донесение царю об этом от-

крытии и в то же время летом 1814 года вновь отправил военную экспедицию в казахскую степь во главе с теми же чиновниками, но прикомандировал к ним еще военного инженера штабс-капитана Г. Ф. Генса.

Экспедиция осмотрела гору Кургаш-Тау и привезла 100 пудов руды, в которой по исследовании оказалось 60 процентов чистого свинца, а также серебро и золото. По измерениям Генса, гора Кургаш-Тау оказалась высотой 42, а длиной 300 сажен. От города Троицка до нее было 689,5 верст. Казахи сообщили экспедиции, что верстах в 100—150 течет река Ишим и что в окрестностях этой реки находятся горы под названием Мыс-Тау (то есть Медная гора) и что в других районах казахской степи имеются места, богатые оловом и серебром.

В 1815 году Волконский вошел с представлением к царю о необходимости организации «горной экспедиции» в казахскую степь и получил на это разрешение. В июне экспедиция выступила в поход из Усть-Уйской крепости.

Она представляла крупный военный отряд из пехоты, артиллерии и кавалерии — в нем насчитывалось 1617 участников, 549 фур и 2987 лошадей. В составе экспедиции был «инженерный корпус» из 7 человек под начальством штабс-капитана Г. Ф. Генса и «горный корпус» (31 человек) под начальством маркшейдера Германа. Начальником экспедиции был тот же подполковник Феофилачев, а вожами (проводниками) казахские старшины Язы Янов и тот же Алтай Миняшев.

Довольно подробное описание экспедиции было опубликовано под названием «Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь» в старинном журнале «Вестник Европы» за 1816 год (№№ 14, 16, 17—18).

Автор описания попутно сообщает некоторые свои интересные наблюдения о природе края, о быте казахов. Так, 12 июня на правой стороне То-

бола экспедиция видела «обширное кладбище» с большим каменным мавзолеем над могилой богатого казаха из рода Кипчак Алла-Назар-Хара, а 14 июня встретила «неимоверное множество зайцев; они целым стадом прибегали в лагерь и допускали себя ловить руками».

2 июля после 22 дней пути, пройдя 649 верст, экспедиция прибыла к горе Кургаш-Тау в верховьях речки Кара-Тугай, в кочевьях Среднего казахского жуза. Экспедиция пробыла здесь 18 дней. На горе Кургаш-Тау она заложила свинцовый рудник, назвав его в честь царя — Александровским, и свинцовый прииск, присвоив ему имя Волконского.

Экспедиция осмотрела также гору Мыс-Тау (Медную гору) в 21 версте от Кургаш-Тау на речке Канчебулгане. Гора оказалась древним рудником, который разрабатывался открытым способом. На руднике сохранились чанообразные углубления, окруженные двухсаженной высоты отвалами. Проба руды в отвалах дала 10 процентов меди. Значит, древние рудокопы брали только богатую руду или же выбирали самородную медь.

Добыв еще 6000 пудов свинцовой и медной руды и нагрузив ею фуры, экспедиция около середины августа вернулась в город Троицк и Зверинголовскую крепость.

Привезенные руды были расплавлены на Миасском заводе. Из них извлекли более 2500 пудов свинца и свыше 7 пудов чистой меди. Полученный свинец испытывали на содержание серебра и золота. Оказалось, что в пуде свинца содержится 1 золотник серебра, а в пуде серебра — 50 золотников золота.

Вот из этого-то серебра и была отлита описанная выше серебряная пластинка с надписями и аллегорическим изображением.

Исторические события того времени объясняют также первую часть пышной и торжественной надписи: «Европа венчает Россию славой...» и соот-

ветствующего ей изображения. Они выражали значение России в победоносном завершении войн с Наполеоном.

На пластинке рудник, открытый на Кургаш-Тау, назван «Благословенным» из сугубо верноподданнических чувств составителя текста (после побед русского оружия в борьбе с Наполеоном дворянство наименовало Александра I «Благословенным»).

Нам неизвестна дальнейшая судьба рудника на Кургаш-Тау. Нет сведений и о продолжении работ на Александровском свинцовом руднике. Однако геологические исследования природных богатств Казахстана продолжались. В 1838 году длительное время в Казахстане работала золотоискательская партия. Работали геологические партии и в последующее время. Однако лишь в советское время выявились огромные природные богатства того района. Это, вероятно, теперешний Джекказган, Карсакапайский горнорудный район Казахской республики, на базе которого работает крупнейший в СССР Карсакапайский медный завод.

Нам неизвестно, сколько именно было отлито серебряных пластин из руд горы Кургаш-Тау, но хранящаяся в Оренбургском областном музее пластинка является интересным памятником первых экспедиций по изучению горных богатств Казахстана.

С. ПОПОВ,
научный сотрудник Оренбургского областного краеведческого музея

В летний жаркий день как-то неожиданно дружно просыпались крупные капли дождя. Огромной силы молния вдруг распоролла небосклон. Звенящий резкий звук прострелил уши. Желто-белый свет ослепил глаза. Изю всех своих силенок я припустил домой. Спотыкаясь, падал, снова бежал, и единственным моим желанием было избавиться как-то от бьющего по голове и спине града. Неожиданно под ногами появились редкие и высокие кочки, ноги запутались в них, и я упал лицом в какой-то куст. Острый запах вереска ударил в нос, сухие колючки вонзились в мокрое тело. Наконец я выбрался

ОТЕЦ

М. КУЛЕХОВ

на сухое место, спрятался под старой елью. Прижимаясь к толстому стволу и теплой сухой земле, покрытой хвоей, я свернулся калачиком. Тело мое горело, исколотое колючками и избитое градом. Мокрая одежда неприятно липла к телу. Я лежал и плакал, боязливо прислушиваясь к шумевшему где-то в верхушках деревьев дождю и все еще погромыхивающему грому.

Неожиданно среди звуков удаляющегося грома я отчетливо услышал негромкий металлический стук. Этот знакомый и памятный мне дробный перебор отцовского ручника я никогда не спутал бы с чужим. Певучий звук отцовской наковальни заставил меня стремительно выскочить из уютного шатра. Вот она, отцовская кузница, на опушке столь знакомого мне ельника.

Простенькое это сооружение: приземистый сруб покрыт дерном, узкое окно над распашными дверями, земляной пол, смешанный с мелкой окалиной; деревянный чурбан с наковальней, кожаный мех с качалом; горно, покрытое железным зонтом. Тисы, укрепленные на верстаке в углу; здесь же полки с набором плашек, метчиков, паяльников, напильников, рашпилей. Банки с кислотой и бурой, слитки свинца и прутики олова, куски красной и желтой меди, бородки, зубила для насечки серпов, молотки и молоточки. Рядом с наковальней, на полу — деревянное корыто, а чуть поодаль — кадки с запасом воды. Тут же рядом, на низкой пирамиде, висят деревянными ручками вниз большие зубила, бородки, личное отцовское клеймо с буквами «Н. К.».

Не сразу разглядел я отца в синеве кузнечного дыма и пара.

— Папа!.. — крикнул я робко.

Увидев меня на пороге, все еще дрожащего, растерянного, измазанного грязью, с исцарапанным до крови лицом, отец, опасаясь, что я наступлю на горячий обрубок железа, подхватил меня с порога под мышки и посадил в свободный от инструмента угол, подалее от горящих углей.

Смесь знакомых запахов — металла, сухого древесного угля, водяных паров, горького дыма,

сажи, земляного пола, кожаных мехов, разных кислот, перегретого масла вместе с приятным теплом пахнула густой волной на меня. Веером вылетающие от сопла мехов искры с тихим шипением падали на мою мокрую одежку.

— Каким же ты, Минька, явился, поросенок ты эдакий неумытый! — сказал отец ласково и снял с меня рубашку, потряс ее над горящими углями и снова надел на меня.

— Где же ты носился в дождь-то да и град-то такой?

— Домой я бежал.... с поскотины, а ка-а-к град-то вдруг посыплется, ка-а-а-к молния засветится! Гром-от как бу-у-ухнет!.. Заблудился я, да и в куст ка-а-к шлепнулся, да и забрался под елку. Тут вот она стоит... близко. Знаешь, папа, большая такая, пребольшущая?..

— Напугался небось грозы-то, вон какая была?

— Не... Я радовался, как дождь-то пошел, а потом... темно стало, а как под елку залез, вроде опять хорошо стало и небожно...

— Молодец, коли не струсил.

— Нет, я не испугался, только вот боязно было, как молния по дереву поползла. Не, папа, я непужливый, под елкой-то хорошо было, а услышал, как ты молотком-то застучал, обрадовался и — к тебе, тут уж я не заблудился, поскотина-то вот ведь, совсем близко.

— А больно небось было, как в куст-то свалился?

— Не, не шибко, я терпеливый, папа.

— Ну, конечно, ты ведь мужик, а не девчонка, не из трусливого десятка.

Для меня такой разговор с отцом был, помню, приятным и неожиданным.

Давно уж нет на этом месте отцовской кузницы — нашей кормилицы. Трава скрыла ее следы, но след памятной грозы и отцовской мимолетной ласки сохранился в моей памяти.

До сих пор, как живого, вижу я его — широкоплечего, выше среднего роста, коренастого, крепко стоящего на сильных ногах. Короткая жилистая шея могутно удерживала небольшую голову с темными волосами, подстриженными ежиком. Живая энергичная натура, неумная страсть к работе так и светились в его карих глазах.

Не забудутся, видимо, до конца моей жизни и крупные в кистях, сильные, натруженные, всегда обожженные окалиной отцовские руки, такие подвижные, нетерпеливые к работе.

Мне, когда подрост, приходилось помогать отцу в кузнице. Помню, как крестьянин, осторожно стуча кнутовищем в окно, будил отца глубокой ночью:

— Миколай Иванович! Сделай божескую милость, поднимись, свари вал от молотилки, скрутился, будь он неладный.

Отец, в свою очередь, будил меня:

— Минька!.. Минька! Иди раздувай горно. Живо поворачивайся! Да ты опять никак с книгой полуночничал..

Пока отец договаривался о стоимости работы (такой уж был обычай в те времена: ничто не делалось, пока не будет договоренности об оплате), я тем временем бежал в кузницу и усердно раздувал мехами тлеющие угли, старательно уложенные мною в горне. Сухие древесные угли разгораются бушующим пламенем, а я радостно жду отца. «Успел», — думаю,

— Молодчина,— хвалит отец.— Давай теперь будем вместе сваривать вал, к утру надо сделать: молотба-то стоит у Петра Васильевича, люди будут ждать нашу с тобой работу.

И это «будем вместе сваривать» и «будут ждать нашу с тобой работу» наполняло меня радостью и нескрываемой гордостью. И с новой силой я старательно раздувал угли, подгрел их поближе к соплу мехов.

Продолжая раздувать мехами уголь, я наблюдал, как разогреваемые концы вала становятся малиновыми, затем ярко-красными, а под конец ослепительно-белыми. Вот уже не отдельные искры горящего металла прорываются сквозь толщу угля, а целые пучки веером летят под железный навес горна.

— Смотри, сынок: много искр — значит, горит железо, а ты на него песочку, песочку. Вот так,— и показывал, как надо бросать песок на горящее железо.— Еще прибавь, вот хорошо: видишь, и железо потекло! Давай повернем немного концы. Еще, еще малость, чтобы металл плавился кругом равномерно. Так... Так... Еще поверни. Что пыхтишь? Тяжело? Жарко? Вот и готово! — с торжественной ноткой в голосе произнес он.— А ну-ка, Минька, давай!

Как бы отбивая задорный ритм, он тюкает молотком два-три раза по наковальне и раз по кипящему железу, указывая мне, куда надо бить большим молотком:

Тут-та-та, тут-та-та,— выстукивает ритмично его молоток.

Бух! Бух! — тяжело бьет по железу мой молот. Вижу, улыбается отец. Значит, все делаю правильно! Но вот большая, еще белая от разогрева окалина угодила за голенище моих бахил. Ойкнув, я пропустил один удар. Нарушился ритм.

— Бей! — резко крикнул отец. И снова, еще настойчивей: — Бей, бей!

Да я и сам знаю, что нельзя не бить — пропадет сварка, придется все начинать сызнова. А окалина жжет. От тлеющей портянки идет едкий дым, глаза застилают слезы. Но надо бить! Дрыгаю ногой, пытаюсь как-то освободиться от окалины, а отцовский молоток все призывнее стучит: тут-так-тат, тут-так-тат!..

Наконец сварка окончена. Еще малиновым цветом и светло-голубыми полосами светится в предрастветной тьме горячий вал, выброшенный из кузницы, а отец, вытирая потное лицо, окаймленное всклокоченной, коротко подстриженной темной бородой, говорит мне, улыбаясь;

Все больше народу стало бывать в кузнице у отца...

— Куй, Минька, железо, пока горячо! — и сочувственно спрашивает:

— Что у тебя там с ногой-то? Ну-ка покажи! Окалина глубоко обожгла мякоть моей ноги. Отец ободряюще говорит:

— Ничего, пустяк. До женихов заживет.

Не один ожог, не один ушиб зажил на мальчишеском теле до женихового возраста: ведь мне было в ту пору двенадцать лет.

Помнится мне, как мечтал отец:

— Эх, Минька, к нашему бы с тобой кузнечному делу да землицы прибавить, хлебушка своего посеять. Зажили бы мы с тобой... Учиться бы тебя отправил, человеком бы стал ты у меня... Голова-то у тебя, чать, не мякиной набита.

Отец еще до революции пытался обзавестись землей: кому подешевле, а то и совсем бесплатно то сабан, то топор сделает, серпы насечет в кузне, а он ведь мастер был насекасть-то их! Особо тем, кто побогаче да влиятельнее, погорластее. Они ведь, богатые-то, жадные были... Вроде бы все согласны поделить землей, говорили: «Дать, дать Миколаю-то, нужный он нам, мастеровой. Чать, не обедняем землей-то...» Ан нет, встанет на сходе этакий богатей, как Харитонов Александр Степанович, и скажет: «Ишь, землей разбрасываться вздумали, нет ее у нас всяким-то там пришлым». А дружки Харитонova поддакивают: «Кузнец он, так пусть и займется своим кузнечком да еще скажет спасибо за усадьбу, что дали. А то еще пашни захотел... Нет ее для чужих, своим мало».

Шло время. Тут и война германская началась.

В жаркий августовский день окованные железом колеса казенного ходка пылили по Сибирскому тракту. Сидящий в ходке человек непрерывно понукал кучера, который и так не переставал хлестать то одну, то другую насадно храпевших лошадей. Чиновничий мундир с двуглавыми орлами на светлых пуговицах покрылся пылью. Казенная фуражка придавала суровость чем-то встревоженному лицу. Торопливо избегая на крыльцо волостной управы, чиновник на ходу приказал дремавшему на подводах дежурному мужику: «Вызвать старшину, звонить в набат — война!»

Бум! Бум! Бум! — гулко, призывно загудел набатный колокол на церковной колокольне.

Отца, как призывника второй очереди, взяли на фронт только осенью 1916 года. В марте 1917 он раненый приходил в отпуск на две недели. Время было тревожное, бурное, и то, что отец рассказывал, меня потрясло: «Царя-то ведь нет у нас теперь», — сказал как-то отец.

— Как нет царя?! Ты что, Коля, говоришь-то? Неужто не будет совсем царя? — пораженная, спрашивает бабушка.

— Нет, не будет, мать, и без него, мироеда, проживем!

— Мироеда... Коля, так ведь он помазанник божий. Помнись, сынок. Разве можно такое про царя? Тебя же на каторгу сошлют за такие-то слова.

— Нет, мама, теперь свобода, война скоро закончится, а там, смотришь, жизнь другая пойдет.

О том, что царя уже нет, ходили по деревням слухи, но крестьяне робко, с оглядкой говорили

об этом. «Кто его знает, как еще наперед будет», — рассуждали взрослые.

Но как же мог я удержаться и не поделиться с другими такой новостью, ведь сказал об этом отец, а уж он-то знает! И тут же, как только вышел во двор, побежал к своему закадычному приятелю.

— Слышь, Алеха, бают, царя-то у нас больше не будет!

— Да ты че, очумел? Брось, Минька, такое говорить! Ты разве забыл, как нам батюшка говорил: «Царь — помазанник божий!»

А я и выпалил, еще полностью не осознавая своих слов: «Вот и смазали ему пятки, чтобы легче бежать».

Ранение у отца было незначительным, вскоре он был выписан из госпиталя и назначен в маршевую роту.

Все солдаты, направляемые на фронт, были построены в затылок друг другу и по очереди подходили к поспу сдавать грехи — на случай, если на фронте они будут убиты. Священник, не слушая, в каких грехах каются солдаты, скороговоркой бормотал: «Бог простит, солдатик, бог простит...» и, накрывая голову солдата своей епитрахилью, напутствовал: «С богом, с богом, солдатик, иди, защищай отечество».

— Подошла и моя очередь, — вспоминал потом отец, — я и говорю нарочито громко: «Грешен, батюшка, очень грешен, челоzeка убил, седьмую заповедь нарушил... Я немца убил!» — «Нет, солдатик, ты богоугодное дело совершил, немец — наш враг! Бог тебя простит, солдатик», — говорит поп и уже накрывает меня этим своим фартуком. А я еще громче: «Да как меня может бог простить, ежели в заповеди сказано: «не убий»? Там про немца али француза не говорится, а одно слово: «не убий!»

Кончилось это «покаяние» тем, что вывели отца из церкви под винтовкой и определили в штрафную роту — на явную смерть! Этот случай ускорил решение отца дезертировать из царской армии, и, конечно же, не боязнь смерти на фронте была тому причиной.

Где только не был он, скитаясь много месяцев по необъятной бурлящей России! Спал как придется, ел что удастся, ухитряясь не попадать в руки военных комендантов при облавах на больших станциях. Половину России изъездил во вшивых теплушках военных эшелонов. Побывал и в родных краях — в Свяжском уезде. Всюду видел и слышал горе и страдания людские, голод, болезни. Бывал на сотнях митингов, тайных и открытых собраниях. Слушал большевиков, меньшевиков, эсеров, монархистов и анархистов. Фотографию вождя большевиков он вырезал из газеты и привез домой. Одно хорошо усвоил: Ленин, большевики — за трудовой народ.

Вернулся он домой убежденным большевиком: знал, как поступить с землей, с орудиями деревенского труда, как обходиться с местными богатыми.

Зима прошла в хлопотах. Члены Балаирского волостного Совета, куда вошел и мой отец, торопились до начала весеннего сева подготовить списки — кому, сколько, где, какой земли дать, у кого ее, где и сколько взять. А ранней весной отмеряли каждому двору по числу едоков. С саженок исходили все земли. Спорили до зуботычин.

Батракам, безлошадным беднякам выделили семена. Организовали взаимопомощь лошадьми, сабанами, боронами. Отец и его товарищи дома бывали редко, родные беспокоились за их жизни. А они, полностью отдаваясь работе, торопились. О себе и подумать было недосуг.

26 мая 1918 года в Камышлове состоялся очередной съезд председателей волостных Советов. От нашей волости там присутствовал Иосиф Васильевич Дерябин — первый председатель Балаирского Совета. По возвращении домой он тут же зашел к отцу.

— Проходи, проходи, Иосиф Васильевич, гостем будешь, садись в передний угол, поближе к богу.

— Бог-то бог, Николай Иванович, да сам не будь плох.

— Аль невеселые новости привез из Камышлова? Рассказывай.

— Чехи, слышь, Николай, что-то затевают.

— А чехам что за дело до наших порядков? — спросил отец. — Пусть едут домой, коль им разрешили...

— Так-то оно так, а на душе все-таки тревожно... Кулачь в Ертаке, Рамыле, Елани за винтовки взялось.

— Вот что, Иосиф: волков бояться — в лес не ходить. Нам ведь бояться нельзя.

— И то правда, Николай. Придется крысиные гнезда потревожить в кулацких амбарах: две тысячи пудов я на съезде пообещал вывезти, голодает народ в России.

Вставая и прощаясь, Иосиф Васильевич сказал отцу:

— Ты, Николай, помнишь, как вы с Николаем Платоновичем у торговца кожевенными товарами Рогова конфисковали товар?

— Помню, как же.

— Сбежал его сынок-то, в каратели к белым подался.

Запомнился мне этот разговор еще и вот чем: вскоре после того, как Иосиф Васильевич ушел от нас, раздался выстрел. Отец выскочил во двор. Щелкнула щеколда калитки. Мне стало вдруг холодно и боязно. Я залез на полати и закутался в тулуп. Немного погодя вернулся отец, и я расслышал, уже сквозь дремоту, как отец сказал маме: «В Иосифа Васильевича это... Не попали».

Но в остальном все складывалось хорошо. Даже весеннее солнце в тот год как-то по-особому ласково грело, теплые дожди вовремя увлаж-

Ранней весной отмеряли каждому двору по числу едоков. С саженькой исходили все земли. Спорили до зуботычин...

няли, поили землю. Хлеба, травы росли дружно, украшая обновленную революцией землю.

Все больше народу стало бывать в кузнице у отца. Особенно много приносили наскать серпов, а некоторые и просто так приходили для разговора — послушать других, самим поделиться тревогой и горестями, порадоваться видами на урожай. Не раз говорили крестьяне: «Урожай урожаем, а кому он в амбар будет засыпан? У них ведь, богатеев, жатки конные да сноповязалки... И глазом не моргнешь, как сожнут и в свой амбар припрячут пшеничку-то. Да еще и припугивают: дескать, земельку вертать прежним хозяевам придется, как беляки здесь объявятся!»

— А товарищи твои, Миколай Иванович, — Дерябин Николай, Осип Васильевич и другие — как думают: кому урожай достанется? — допытывались крестьяне у отца.

Сосед Андрей Леонтьевич, так тот еще прямее спрашивал:

— А вы не боитесь сами-то за себя? Ужо больно смело, проворно за ихнюю землю взялись, кожевенный товар, деньги у торговца Рогова в Тугулыме забрали!

— Андрей Леонтьевич! Чего же нам бояться? Не мы ведь товар-то да деньги у богатеев взяли — Советская власть взяла. Да и землю она же по совести поделила между всеми.

— Так оно, верно ты говоришь... А как другая власть придет?

— Да и то, опять же, — вмешался один из рухловских мужиков в разговор, — Советская власть, говоришь, дала землю, а ты иди-ка пощи ее, коли новая власть объявится, а ответ держать комитетчикам.

— Осип Дерябин верховодит, он и будет в ответе, — вставляет реплику еще кто-то из присутствующих.

— Нет, мужики, — снова говорит Андрей Леонтьевич, — они у нас все главные, мы их выбирали в Советскую власть, Миколая, Осипа, Александра. Ежели будет беда, будет она всем им. Смотрите, Миколай, как бы худо вам не было. Может, припрячаться вам подальше, как беляки приближаться начнут? — предостерегает Андрей Леонтьевич. Видя, что помрачнел сосед, успокаивающе добавляет: — Может, зря это все. Чать, найдется сила у Советской власти сдержать-то их.

Что могли ответить на это балаирские активисты крестьянам? Наверное, что-то говорили, успокаивали. Верили сами в силу Советской власти. Казалось, какие могут быть сомнения: бери оружие и иди в отряды, защищай ее, Советскую власть!

Утро 12 июля 1918 года было солнечным.

Как всегда, отец встал до восхода солнца, лицо его с виду было озабочено обычным делом. Но какая-то мрачная тень вдруг проходила по

Они стояли, окруженные конными белогвардейцами, разъяренными и торжествующими кулаками и их подпевалами.

нему. Мне же все время казалось: вот-вот отец что-то скажет очень важное, значительное. Не ускользнула от меня и в самой его работе какая-то нерешительность, столь несвойственная его целенаправленному и темпераментному характеру. Думал ли он, что этот день, это прекрасное утро будет последним в его жизни, которую он так любил и которая так много теперь ему обещала?!

Видимо, щадя нас, дорогих и родных ему, отец не высказывал своих опасений, боязни перед возможной расправой, как бы не замечая надвигающихся грозных событий. Даже после того, как мимо нашего дома проследовал небольшой конный белогвардейский отряд, отец не показал своей тревоги. Когда же к нам пришел посыльный и сказал отцу: «Николай Иванович! Тебя зовут в правление», — он как-то по особому внимательно посмотрел мне в глаза и молча вышел. Не совсем еще сознавая происходящее, весь во власти удивительного мужества и самообладания отца, я тоже некоторое время был спокоен. Но вот, услышав душераздирающий крик и рыдания матери, я выбежал за калитку и увидел отца, идущего в окружении вооруженных всадников.

Предчувствие надвигающегося непоправимого горя заполнило все мое существо. Не знаю, сколько это продолжалось. Из тяжелого состояния беспамьятства меня вывели слова бабушки:

— Минька, иди за лошаадьми!

Я отчетливо понял скрытый смысл этих слов: отца надо везти, его уже нет в живых!.. С самого раннего детства я хорошо знал каждый куст, каждое дерево, все тропы и поляны конного выгона, каким-то чутьем узнавал, где пасутся наши кони, и всегда находил их без труда, а вот в тот день я их так и не нашел. Меня охватил страх, я боялся каждого куста, какой-то неведомый ужас предчувствия опасности меня преследовал повсюду. Мысли мои путались, я не сознавал, куда иду. Не знал я, и сколько времени прошло в поисках лошадей, не заметил и того, как вернулся домой. Отец был дома, но увидел я его лежащим на чужой телеге, мужественная бабушка одна, без посторонней помощи, отмывала от запекшейся крови лицо, голову, изрубленную шашками, исколотое пиками тело. Бледное лицо отца было спокойно и сурово. Глаза были закрыты, но мне казалось, что я вижу их такими же умными и внимательными, как и при жизни. И в то же время в моих глазах, в смутном моем сознании мелькали шашки, длинные пики. И кровь, много крови.

Восемь ран было нанесено отцу. Не меньше их было и у тех, что погибли вместе с ним. Не все раны были смертельны — истязание было преднамеренное, жестокое.

Появление карательного отряда в Балаире нельзя считать случайностью, хотя и оказалось неожиданным для большинства. Тайно от массы крестьян был осуществлен заговор кулачества и эсеров. Сын одного зажиточного крестьянина вызвался привести белоказаков. 12 июля, рано утром, Балаир был захвачен белыми. Дороги в деревни Пдехановку, Рухлову, Пуртову, Зырянку и другие были перекрыты конными заставами. Арестованные поодиночке приводились в центр села, к дому, где размещался первый Балаирский волостной ревком, а позднее и Совет. Сюда же были согнаны и крестьяне. Пришли и заговорщики: псаломщик Анпенев, фельдшер Ершов, кулаки. Их вдохновитель Иван Сафронов держался в стороне и на инсценировке «народного суда» не присутствовал.

Окруженные конными белогвардейцами, разъяренными и торжествующими кулаками и их подпевалами, стояли Иосиф Васильевич Дерябин, Николай Платонович Дерябин, Николай Иванович Кулехов, Вячеслав Серапионович Карпов, Георгий Степанович Сысецкий, Александр Дмитриевич Сулов.

Офицер Рогов, показывая на стоящих, спрашивал:

— Это они вас, мужики, без земли оставили? Это они, большевистские прихвостники, вас разорjali, грабили ваше добро?

— Они! — выкрикнули из толпы кулаки.

— Они нас хотели по миру пустить! — неистовствовал псаломщик Анпенев. — Коммуну захотели!

— Дать им три аршина! С корнем надобно вырвать большевистскую заразу! — кричал фельдшер Ершов.

Таково было «решение», вынесенное якобы от имени сельского схода.

Обреченных провели мимо их домов. Родные смотрели им вслед.

Проходя мимо своего дома, Николай Платонович Дерябин встретился с сыном Петром. На всю жизнь запомнился Петру глухой голос отца и его последнее слово: «Прощай, сынок!» Думал ли Петр, что вот тут, совсем близко, почти на виду погибнет от вражеских сабель и пик его отец? Но вот прискакал один из случайных свидетелей и, показывая рукой назад, заикаясь, дрожащим голосом сказал:

— Беда, мужики. Там... в поповской редке... рубят...

Прошли годы, а я все помню последний взгляд внимательных глаз отца. Не сразу я понял его, но скоро, очень скоро жизнь подсказала мне, о чем говорили отцовские глаза в тот незабываемый час: «Сколько бурь и гроз еще на твоём жизненном пути, сынок. Найдешь ли ты силы и мужество преодолеть их, найдешь ли ты верный путь?»

Рисунки Н. Мооса

Шкар В ОФСАЙДЕ

Фантастический рассказ

Александр ХЛЕБНИКОВ

Рисунки Е. Стерлиговой

— Антти Аулис,— войдя, представился высокий, спортивного вида молодой человек.

Эксперт патентного бюро предложил ему сесть.

— Господин Салми, снилось ли когда-нибудь вам, как вы летаете — не в самолете, а так, без всего? — задал странный вопрос посетитель.

— Разумеется,— несколько удивленно ответил эксперт.

— вспомните, а в таком сне вы не испытывали чувство раскованности, необычайной легкости, окрыленности какой-то?

— Было такое чувство.

— Но ведь русский ученый Сеченов писал, что сновидения — это всего лишь небывалая комбинация бывалых впечатлений. Вы — не птица, а бывалые впечатления у вас имеются. Откуда же они взялись?

— Я мог любоваться полетом какой-нибудь ласточки,— терпеливо ответил эксперт.— Мозг во сне преломил это наблюдение по-своему, так сказать, творчески. Вот и приснилось, что я летаю.

— Да не обманывайте вы себя! — вскричал Аулис.— Имейте смелость признать, что в «летательных» снах вы испытывали именно птичье чувство парения! И убедительно его невозможно объяснить никакими физиологическими процессами, протекающими в организме.

— Позвольте, господин Аулис, к чему вы клоните? — начиная раздражаться, сказал эксперт.— Не хотите ли утверждать, что я и в самом деле летаю?

— Вы и я — нет, а наши пращурь — несомненно. А потому я убежден, что люди и теперь могут летать не только без крыльев, но и без каких-либо механических приспособлений.

— Вы имеете в виду левитацию? — усмехнулся эксперт.— Старо предание...

— Мистику и прочую чертовщину оставим в покое,— возразил Аулис.— Речь идет о другом — о том, что мы совершенно не знаем природу психической энергии. Доказательства? Пожалуйста. Современные йоги в Индии демонстрируют такой опыт. Йог ложится на землю. На него кладут платформу, на которую въезжает много-тонный грузовик. Обыкновенного человека подобная тяжесть расплющила бы в лепешку, а йог остается в полном здравии, он даже способен дышать под таким чудовищным прессом. Чудо? Нет, это лишь одно из использований психической энергии, которая делает мышцы тела как бы стальными... Люди прошлого умели больше. Концентрацией психической энергии они преодолевали силу притяжения земли и становились летунами. К сожалению, потом они утратили эту феноменальную способность. Теперь она проявляется лишь в волнующих нас ярких «летательных» сновидениях.

— Занятно,— протянул Салми.— Но почему все-таки люди перестали летать?

— Не знаю,— откровенно признался Аулис.

— И не узнаете,— снисходительно заметил эксперт.— Человеческий организм создан природой для ходьбы, бега, но не для полета.

— Сначала был создан,— поправил Аулис.— Но как только человек стал человеком разумным, он обрел самый совершенный головной мозг — могучий генератор психической энергии. Свободное парение человека в воздухе — лишь наиболее удачное использование излишков этой энергии. Целью своей жизни я и поставил задачу — вернуть человечеству то, что принадлежит ему

по праву: господство над воздушным океаном.
— И что же, господин Аулис, преуспели вы в своей благородной задаче? — улыбнулся эксперт.

— Судите сами, — скромно ответил Аулис. Развязав пакет, который до того держал на коленях, он вынул из него нечто, похожее на транзистор в кожаном футляре с ремешками. — «Праща Давида», улавливатель и конденсатор психической энергии, — с гордостью сказал он при этом.

Теперь Салми окончательно убедился, что перед ним очередной горе-изобретатель. Как правило, все они любили давать своим изобретениям пышные названия.

Прикрыв «пращу» ремешками к груди, Аулис встал, глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду, и нажал одну из кнопок своего аппарата. Послышалось легкое жужжание, словно заработала электробритва, но, как эксперт и ожидал, ничего исключительного не произошло: Аулис оставался на месте.

— Для зарядки «пращи» требуется около двадцати секунд, она пока маломощна, — не смущаясь иронического взгляда эксперта, пояснил он.

— Охотно верю, — пряча улыбку, любезно сказал эксперт. — Когда доведете аппарат до совершенства, приходите снова. И если...

Договорить Салми не успел — Аулис взмыл под потолок! Подплыв к люстре, он изогнулся, описал возле нее плавную дугу и медленно опустился прямехонько в кресло.

— Больше «праща» не тянет, не хватает заряда, — огорченно вздохнул Аулис. — Но, как вы убедились, техника вполне способна заменить утраченную организмом функцию.

— Вы пришли патентовать «пращу Давида»? — вытирая со лба пот, спросил эксперт.

— Нет. Боюсь, что тогда она сразу уплывет за океан.

— Что же вы от меня хотите?

— Всего лишь вашего заключения о перспективности усовершенствования «пращи». С ним я обращусь в компанию «Аэро». Иначе фирма не рискнет финансировать дальнейшие исследования. Вы — как авторитет, признанный специалист...

— Так, так. И вы надеетесь заинтересовать акционеров? И они, по вашему, пойдут на риск, вкладывая средства в осуществление совершенно фантастического проекта?

— А почему бы и нет? — пожал плечами Аулис. — «Праща» принесет им огромный барыш. Представляете — она на груди каждого взрослого

человека... Это же решение транспортной проблемы густонаселенных городов, новая техническая революция!

— Не будем торопиться в прогнозах, молодой человек. Может — революция, а может — мыльный пузырь, — вновь обретая привычную осторожность в оценках, заметил эксперт и, помолчав, спросил: — Сколько времени вы способны продержаться в воздухе?

— Минуту, — хмурясь, ответил Аулис.

— Договоримся так: доведите хотя бы до десяти минут — и тогда приходите за нужным вам рекомендательным письмом. А сейчас не обессудьте — своим престижем я тоже не хочу рисковать, — закончил эксперт.

Аулису ничего не оставалось делать, как извиниться за беспокойство и откланяться...

«Что же теперь делать? — думал он, очутившись на улице. — Пять лет изнурительного труда — и никакой отдачи. Эти чертовы полупроводники без примесей стоят безумно дорого, и если коренным образом менять «пращу», понадобятся большие деньги. Где же их взять? Обратиться в цирк? Но кого в наш космический век удивит минутой парения? Даже для цирка мощность «пращи» необходимо повысить...»

Как это сделать, Аулис не знал. Конечно, он мог бы без существенных затрат изменить и нынешнюю «пращу» так, чтобы она работала от энергополя, создаваемого всем мыслящим человечеством. Но увы, такого поля быть не может. У каждого индивидуума — свой духовный мир, своя реакция на явления окружающей действительности.

тельности, и поэтому индивидуальные энергополя людей не складываются; они разнородны, не совпадают, а часто и нейтрализуют друг друга.

Остается один путь: новые эксперименты, а значит — и большие материальные затраты. Придется опять залезать в долги, подвел невеселый итог Аулис, рассеянно скользя взглядом по рекламному щиту, вдоль которого проходил. «Еще хорошо,— думал Аулис,— что я не женат и что у меня нет семьи. Не представляю, как бы я тогда выкрутился на свою учительскую зарплату».

Тут его внимание привлек красочный плакат, на котором потешный лопухий львенок Вилли лико бил по футбольному мячу.

«30 июля 1966 года,— прочитал Аулис,— финал восьмого Всемирного чемпионата по футболу. Смотрите телепортажи из Англии только на экранах телевизоров нашей прославленной фирмы! Наслаждайтесь игрой гигантов!»

Опять футбол, вздохнул Аулис. И как только взрослые, вполне нормальные, казалось бы, люди могут тратить свое время на созерцание такого примитивного зрелища? Ладно бы еще время, хотя и оно необратимо, но ведь люди теряют самое ценное, что у них есть,— психическую энергию! Ее можно было бы использовать на творчество, на создание нового, в конце концов — просто на чтение интересной книги, на возвышающую душу музыку великих композиторов.

А тут — футбол! Что за нелепость, какой-то массовый психоз. И ведь действительно, на игру финала будут смотреть миллионы телеболельщиков, смотреть и переживать...

Постой-ка, спохватился Аулис, а не будут ли одинаковы миллионы энергополей, имеющих источником одну и ту же эмоцию? Ведь тогда они, соединясь, и дадут «праще» необходимый заряд! «Немедленно домой! — загорелся Аулис. — К счастью, финал — завтра, и на изменение конструкции у меня целая ночь. Я должен успеть!».

И он успел.

Уединенную полянку он отыскал в парке «Хесперь» — от города недалеко, и от людей будет скрыт. Аулису не хотелось пока привлекать внимания репортеров вечерней газеты.

Положив на траву плащ, Аулис лег на него и стал ждать. Вокруг громоздились седые от мхов гранитные глыбы. Было жарко и безветренно. В бледно-голубом небе — кучевые облака, серые внизу и лучисто-белые к вершинам. Одно из них, похожее на лохматого пуделя, застыло выше других. Вот бы к нему добраться, думал Аулис, посмотреть бы вблизи, какое оно?

Его уже бил озноб нетерпения, он то и дело поглядывал на часы. Так, наверное, волнуется на старте гонщик, ожидая сигнал, чтобы рвануться вперед. Да по одежде Аулис и походил на гонщика: синий комбинезон, оранжевый мотоциклетный шлем, защитные очки. На грудь рядом с «пращей» Аулис прикрепил еще и маленький транзистор. Пока что Лондон передавал бравадные марши королевского оркестра.

Наконец в 14.45 по Гринвичу музыку сменила азартная скороговорка футбольного комментатора:

— Гигантская чаша стадиона «Уэмбли» заполнена до отказа. Восемьдесят тысяч английских и двадцать тысяч немецких болельщиков с нетерпением ждут решающего поединка...

Можно, пожалуй, начинать, решил Антти. Он встал, нажал кнопку включения и впился глазами в индикаторную лампочку; она медленно загорелась темно-красным светом.

— Эмоциональные энергополя людей совпадают,— не веря себе, зашептал Аулис.— Неужели удача?

А комментатор продолжал частить:

— ...Английские болельщики затынули гимн «Когда святые идут в рай», они поют, подбадривая свою команду...

Аулис взглянул на часы: 14.50 по Гринвичу. Индикаторная лампочка вдруг лихорадочно замигала и разгорелась алой звездочкой.

Скачкообразное возрастание напряженности единого энергополя, отметил Аулис, но отчего?

Ответ дал лондонский комментатор.

— К нам только что присоединились восемьдесят миллионов советских телезрителей,— торжественно сообщил он и продолжал: — Внимание! Команды выбежали на поле. Англичане — в красных футболках, немцы — в белых. Главный арбитр Готтфрид Динст и его коллеги Карел Гольба и Тофик Бахрамов обмениваются рукопожатиями с капитанами команд — англичанином Муром и немцем Зеелером. До начала матча остаются считанные секунды...

Индикаторная лампочка уже сияла, как раскаленный добела уголек. Планета окутана морем страстей! — глядя на нее, ликовал Аулис.

А голос комментатора продолжал греметь:

— ...Кому же достанется золотая статуэтка богини Нике? Это мы с вами скоро увидим. Не только мы, зрители на «Уэмбли», но и четверста миллионов человек в двадцати шести странах мира замерли в этот момент около своих телевизоров...

Пора! — приказал себе Аулис.

Он поднял лицо к небу, вытянул вверх руки... и неожиданно легко скользнул ввысь, навстречу облакам.

Зеленая, пестрая земля быстро проваливалась вниз. Когда Аулис глубоко под собой, в бездне, увидел крошечные ели, а потом и ровную щетинку обширного леса, страх высоты сжал ему сердце. Но затем Аулис убедился, что в воздухе его поддерживает сила, которой он может управлять, что по своему желанию он волен направлять полет куда угодно. И тогда безмерный, ослепляющий восторг захлестнул его. Ощувив себя могучим властелином воздуха, забыв обо всем, Аулис начал кувыряться и резвиться, он словно купался в голубом, пронизанном солнцем, просторе. И тут Аулиса тряхнуло. Сразу отрезвев, он прислушался к словам комментатора.

— ...на трибунах встают: английские форварды атакуют ворота Тилковски. Идет восьмая минута... Удар! Мимо! Английские болельщики негодуют...

Аулиса подбросило вторично. Еще не в силах объяснить причину этого явления, он повернул к земле.

— Первые атаки хозяев поля отбиты,— залхлебывался комментатор.— Немцы идут в наступление. Они неудержимо рвутся вперед. Идет тринадцатая минута... Английские защитники допустили промах... Халлер бьет! Мяч проходит под Бенксом... Гол!

Аулиса с такой силой швырнуло на несколько метров вверх, что он чуть не задохнулся. А из транзистора несся хриплый рев: «Нох айн тор! Нох айн тор!»

— Это немецкие болельщики,— пробился голос комментатора,— они требуют от своей команды еще одного гола...

Меня подбросило, когда произошел всплеск напряженности поля, с трудом выровняв полет, догадался Аулис. Не колеблясь, он вновь начал набирать высоту. Ничего страшного не произошло, успокаивал себя Аулис. Ну, тряхнуло, и что же? Просто надо быть внимательней к словам комментатора, и перед моментом, когда болельщики начнут наиболее рьяно переживать за своих любимцев, подготовиться к всплеску каким-нибудь маневром.

Аулис стремился к самому высокому облаку — «пуделю». Когда он вошел в туманную дымку у его основания, комментатор оповестил: ведет сборная Англии. Счет 2:1!..

Теперь-то Аулис был бдителен. Вторично он не попадет впросак. Но вроде бы игра на «Уэмбли» вошла в спокойное русло, никаких эмоциональных всплесков ожидать не приходится. Как странно, однако, думал Аулис, что за тысячи километров отсюда кучка здоровых мужчин остервенело гоняет по траве мяч, а миллионы людей следят за этим бесподобным занятием, и от того, насколько сильно они переживают, зависит сейчас жизнь его, Антти Аулиса. Хоть один раз такое безумное расточительство психической энергии приносит пользу.

Пробив дымку, Аулис оказался во второй, более плотной полосе тумана. Остро пахло водой. Стекла очков сразу запотели. Аулис понял, что вошел в облако. Оно, такое красивое с земли, оказалось обычным густым туманом. Аулис продолжал подниматься. Белая влажная мгла зарозовела над ним — видно, там пролегла верхняя граница облака.

— До конца матча остаются считанные минуты! — провозгласил между тем комментатор.— Журналисты бросились к телефонным будкам. В туннеле строится оркестр. Судьба «Золотой богини» решена! Сейчас она будет вручена английской сборной!..

Розовая мгла перед Аулисом распахнулась, и он на мгновение зажмурился: кругом было солнце, а внизу — ослепительно белая взлохмаченная вершина облака! Какой-то сказочный мир, неправдоподобно красивые ландшафты белоснежных островов...

Но пора и на землю, спохватился Аулис. В его распоряжении оставалось минут двадцать — время, в которое на «Уэмбли» будут чувствовать команду-победительницу, и, значит, будет еще необходимая энергия.

— Внимание, внимание! — вдруг взорвался голос комментатора. — На последних секундах основного времени опасное положение у ворот английской сборной!..

Аулис насторожился: сейчас — всплеск. И верно. Снизу словно ударило. Но Аулис успел

приготовиться. Опустив голову, он перегнулся и как бы нырнул вниз. На этот раз его не подкинуло.

— Ай да я! — воскликнул он. Все-таки он узнал, как бороться с всплесками. Прижав руки к телу, Аулис помчался к Земле. Внезапно скольжение вниз резко затормозилось. Неужели начало нового эмоционального пика? Аулис прислушался к голосу комментатора:

— Немцы прорвались к воротам сборной! Защитник Джекки Чарльтон преграждает им путь... возле него — немецкий игрок Оверат!..

Будет всплеск — приготовился Аулис, но случилось гораздо хуже. Индикаторная лампочка замигала, и он сразу на несколько десятков метров отвесно соскользнул вниз. Затем его как за шиворот рвануло — падение прекратилось. А транзистор продолжал неистовствовать:

— ...Удар по воротам! Чарльтон прыгает — мяч отбит. Но Чарльтон наткнулся на спину Оверата... Свисток судьи. Штрафной бьет левый крайний немецкой команды Эммерих. Удар! Мяч отскочил от нападающего немецкой сборной Хелда к защитнику Шнеллингеру. От него к Веберу, Вебер бьет по мячу... Гол!!

В тот же миг Аулис ощутил, что надежная опора, которая его поддерживала, пропала. Напрасно он цеплялся за воздух. Падая в бешеном круговороте, он слышал истошный крик комментатора:

— Счет стал два-два! Трибуны замерли. На них машут белыми платками — зовут санитаров: массовые обмороки. Игроки английской сборной рухнули на траву, в ярости колотят по земле руками. Им предстоит играть добавочное время. Хватит ли у них сил на новое испытание?..

Разведя в стороны руки и ноги, Аулис остановил вращение. Стиснув зубы, он еще боролся, он еще надеялся на спасение. «Энергополе пропало, когда трибуны замерли, — думал он. — Так это прямое следствие стресс-фактора, перегрузки нервной системы болельщиков. Значит, стресс снимает энергополе, в то время как подход к стрессу, где-то на самой грани, давал всплеск энергии».

Теперь-то Аулис догадался, почему люди так и не стали летунами. Даже если прашуры и умели летать, используя психическую энергию только одного, своего собственного мозга, это не принесло им победы над земным притяжением. Каждого, кто вырывался в небо, подкарауливала при парении грозная опасность — стресс, и человек летающий рано или поздно, но неизбежно разбивался. Поэтому эволюция и отбросила гибельную для людей функцию, вернула их на землю.

Как много теперь Аулис знал, а земля надвигалась неотвратно и страшно. Успеют ли болельщики у экранов телевизоров выйти из нервного оцепенения? Ах, как близко уже земля!

МОНЕТЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

...О САМИХ СЕБЕ

Первые монеты на территории теперешних европейских стран появились благодаря древним грекам и римлянам. Однако эти народы называли сначала свои деньги не монетами, а «номисма» или «нумисма», что в переводе с греческого и латинского языков означает «законное платежное средство». Отсюда и название науки о монетах — нумизматика.

Что же касается самого слова «монета», то о его происхождении известно следующее.

В III столетии до новой эры, во время войны с греческим царем Пирром и южноиталийским городом Тарентом, в Риме остро ощущалась нехватка в деньгах. Обратившись за советом к богине Юноне, римляне получили от жрецов ее храма ответ: «Война начата справедливо, поэтому недостатка в средствах у вас не будет».

Победоносная война закончилась захватом богатейшей

«справедливой» добычи, в том числе золота и серебра. Приписывая все это помощи Юноны, римляне дали ей второе имя — Монета, то есть «советница». По постановлению правительственного сената мастерские по изготовлению денег стали называть отныне монетными, а продукцию этих мастерских — монетами.

Два века спустя Тит Каризий, один из монетариев (так, в свою очередь, римляне стали звать тех, кто причастен к выпуску монет), даже вычеканил на серебряных денариях портрет «денежной» богини. На оборотных сторонах этих денариев мы видим древнюю технику для изготовления монет: щипцы, молоток, небольшую наковаленку и сверх того шапку Вулкана, главного бога огня и «кузнечного ремесла. Подобные «божественные принадлежности» представлены и на рельефе с изображениями двух других монетных мастеров.

Древние монетарии умело воплощали в металле свои за-

мысли. Например, изображение на серебряной монете-медальоне, выпущенной 1700 лет назад, при римском императоре Галлиене, выразительно передает власть денег. Возле груд золота, серебра и меди стоит богиня Монета, держа весы и рог изобилия.

Эти монеты как бы наглядно иллюстрируют ответ к загадке, предложенной поэтом Симфонием:

Были мы прежде землей сокрыты в подземных темнотах.
Ныне же дал нам огонь

другое имя и цену.

Мы — теперь не земля, но за нас ты и землю получишь.

При всем сказанном, сами изготовители денег были в большинстве бедняками, и к ним, своим рядовым подопечным, богиня Монета вовсе не была милостива. Когда в том же Риме, доведенные до отчаяния нищетой, монетарии подняли в 271 году восстание, императорские легионы жестоко расправились с ними.

...О БАНЯХ

Казалось, что баня — заведение самое обыкновенное, не заслуживающее отражения в монетной чеканке. Но вот перед нами золотой ауреус с изображением именно бань — терм, как называли их римляне. Эти термы были сооружены в 217—223 годах при императорах Каракалле и Александре Севере. Последний из них приказал выпустить в обращение золотые и медные деньги — в память завершения строительства бань, отличавшихся от всех предшествовавших своими масштабами и великолепием.

По изображениям на этих монетах ученые узнали, что фа-

сад терм украшали многочисленные арки, колонны и статуи. Представить же внутреннее убранство бань, в которых могли мыться сразу более 1500 человек, помогли сведения древних авторов. Историк Спартиан говорил, что Каракалла оставил Риму роскошные термы, носящие его имя, и строители считают их залы неподражаемыми по архитектуре и отделке. А поэт Стаций написал об этих банях стихи:

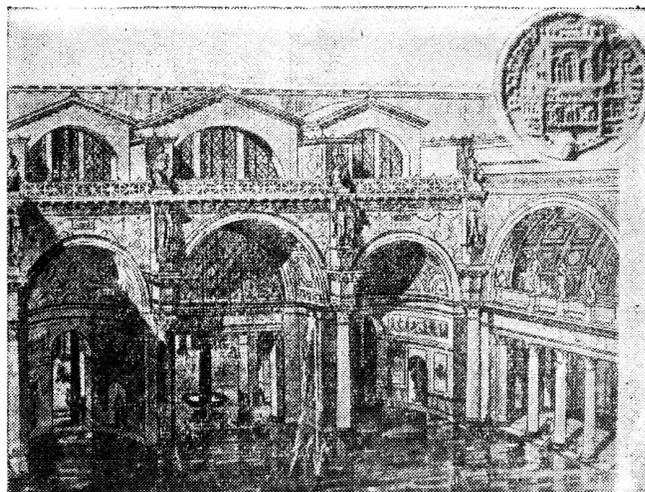
Блещут здесь только порфир,
из Нумидии дальней добытый,

И мрамор фригийский —
камень белее снегов...

Сквозь серебро кранов
проходя, вода благодатная
Льется опять в серебро и,
прикована краем блестящим,
Там в упоении стоит, бассейн
не желая покинуть.

«Охотиться, мыться в термах, играть в кости, веселиться — значит жить!» — прочитали археологи восторженную надпись на камне, которую начертал человек, не обремененный заботами о куске хлеба насущного. И, посещая бани ежедневно, состоятельные римляне и римлянки полагали, что этим они продлевают себе жизнь.

В термы приходили не только для того, чтобы помыться. В обширном саду, примыкав-

шем к баням, городские сплетники перемывали косточки ближним и знакомым. В «буфете» освежались медовыми напитками и подкреплялись пирогами и колбасами. Любители чтения коротали досуг за папирусными и пергаментными свитками-книгами в библиотечном зале, где философы вели диспуты, а поэты читали стихи. Наконец, чтобы хорошенько пропотеть перед мытьем (что считалось весьма полезным для здоровья), в специальных помещениях занимались бегом и борьбой, кулачным боем, фехтованием, различными упражнениями с мячом.

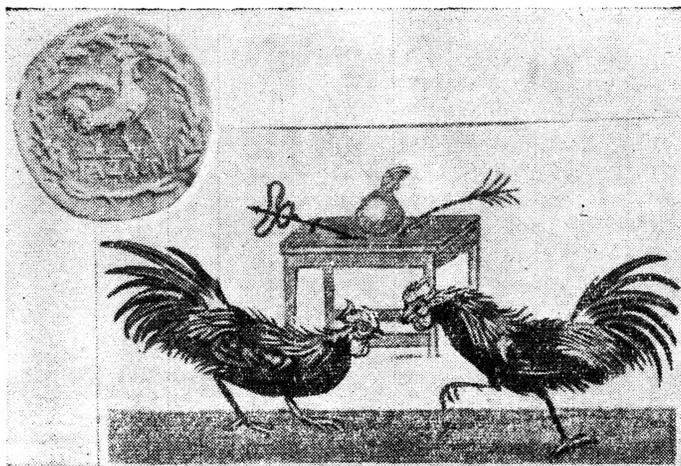
...О ПЕТУШИНЫХ БОЯХ

«Не деньгами, а выносливостью и упорством достигается успех в состязаниях». Это говорили древние греки, и в честь спортивных достижений соотечественников чеканили на монетах фигуры победителей, причем не только людей.

На медной монете города Эфеса, выпущенной около 2000 лет назад, изображен петух по кличке Ясон, преисполненный чувства собственного достоинства. Наградные венок и пальму он заслужил отнюдь не за «вокальные данные» или хороший вкус мяса, а за свою боевитость.

Петушиные бои, один из которых живо воспроизводит древняя мозаика, были излюбленным развлечением во всех греческих городах, а в Афинах такой забаве придавали серьезное государственное значение. Поводом послужило обращение к воинам местного деятеля Фемистокла, поразившего однажды ярости дерущихся птиц: «Они сражаются столь упорно потому, чтобы не уступить победу другому».

Афинские власти ежегодно устраивали на сцене театра

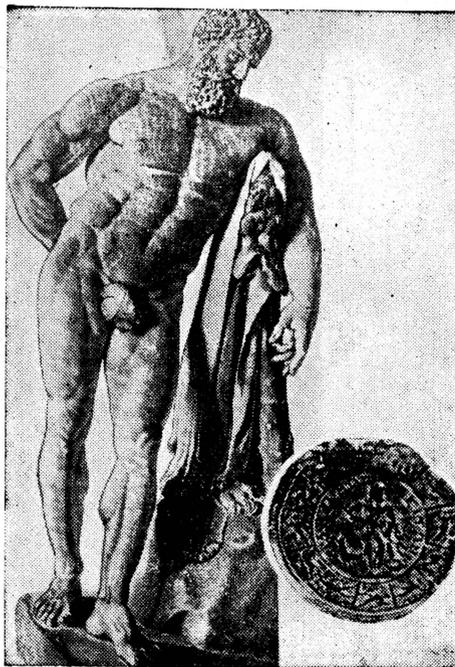
обязательные состязания в «назидательном спорте» — поединки петухов, накормленных для большей задиристости луком или чесноком. Все городские юноши должны были присутствовать на таком зрелище, чтобы воочию наблюдать, как нужно вести себя будущему солдату...

...И ДАЖЕ О КОСМОСЕ

Сегодня мы часто слышим и произносим слово «космос», как-то не задумываясь над седой древностью его происхождения. А между тем, еще во II столетии писатель Апулей отмечал в своем произведении «О мире»: «Разве есть что-либо стройное и прекрасное, что не было бы подражанием миру? Отсюда имя «Космос» («Прекрасно устроенный»), которое греки дали ему».

Хорошо известно, что любимым героем греческих мифов-сказаний был могучий Геракл. Странствуя по свету, он истреблял или ловил чудищ, которые губили людей, опустошали города и посевы: неуязвимых вепря и льва, лошадей-людоедов, многоголовую гидру. Легендарный силач поразил меткой стрелой огромного орла, терзавшего прикованного к скале титана Прометея, принесшего, вопреки воле богов, огонь людям. Проявляя недюжинный ум, герой вел успешную борьбу со злыми разбойниками и великанами, побеждал коварных правителей.

В отделе нумизматики Государственного Эрмитажа, крупнейшего музея в нашей стране, хранится уникальная медная монета-медальон, вычеканенная во фракийском городе Адрианополе более 1700 лет назад.

К сожалению, время не пощадило ее, но если внимательнее присмотреться к изображениям на оборотной стороне монеты, можно понять, что на ней запечатлена «биография» Геракла. В центре медальона помещены кормящая ребенка лань и сам герой в зрелом возрасте, опершийся на палицу, — в позе, знакомой нам по статуям; по окружности монеты расположены сцены из двенадцати наиболее знаменитых подвигов Геракла.

Такое размещение сцен вызывалось не только тем обстоятельством, что сама форма монетного кружка подсказывала художнику наиболее эффективный прием композиции. Древние греки были убеждены, что деяния их прославленного героя имели буквально космический характер, выходя за пределы жизни на земле и как

бы соответствуя 12 созвездиям круга Зодиака (с которыми ежемесячно «приходило» солнце). Недаром с мифами о Геракле связывалось происхождение Млечного Пути: однажды ребенок был подложен к груди спящей богини Геры, чтобы отведать молока бессмертия, но укусил ее, и молоко брызнуло по небу. По другому сказанию, Геракл держал на плечах небосвод, пока титан Атлант добывал для героя золотые яблоки из чудесного сада на краю света. Наконец, в свите «космонавта» Геракла находилась одна из верных его почитательниц, богиня астрономии Урания....

Поистине неисчерпаема нумизматическая сокровищница разных народов и времен...

Вл. БРАБИЧ

Потерянный ключ

Осенью, когда с полей уже убран весь хлеб, галки и грачи со всех окрестных деревьев собираются в огромную стаю. Несколько дней такая стая мечется в небе из стороны в сторону, приводя деревенских ребятишек в неопиcуемый восторг. Когда птицы проносятся над головой, темнеет небо и слышен свистящий шум крыльев. Ребятишки бегут за стаей и кричат: «Галки, галки, галки, воротитесь: ключ потеряли!» Стая проносится дальше, но где-то далеко вдруг делает крутой вираж и возвращается... «Услышали, услышали и вернулись!» — радуется детвора. И никто из них не задумывается, о каком ключе они только что кричали птицам.

АЗЪ ВУКИ ВЪДИ

НАШ РОДИЧ

Помните то место в чудесной сказке П. П. Ершова «Конек-горбунок», когда братья Ивана увели у него коней? Закручинился он сильно, но выручил его Конек, «и в два мига, коль не в миг наш Иван воров настиг». Вдоволь поругав братьев, он смилостивился и даже отдал им деньги, продав коней. Что же сделали братья? «Постучали ендовой и отправились домой». **Ендова** — старинный кубок, металлический или деревянный. **Постучать ендовой** значило — выпить вина. Слово это литовское — **индауе**, от **индас** — сосуд.

В одном из стихотворений Некрасова читаем: «Ветер ша-

тает избенку убогую, весь развалился овин». **Овин** — это постройка для сушки хлеба в снопах. Тоже старинное слово и тоже литовское: **явена**, **явинис** — хлебный, от **явай** — хлеб на корню.

Всем известное Балтийское море свое название получило от литовского **балтас** — белый. Его светлые волны приносят на литовское побережье янтарь (тоже литовское слово — **гинтарас**). Само название **Литва** означает побережье, берег.

Много интересного в этой небольшой республике, но самое удивительное — язык.

Литовский язык сохранил в грамматическом строе и в словарном составе немало древних особенностей, причем таких, которые прослеживаются, например, в древнеиндийском языке тридцатипятивековой давности, в древнегреческом языке эпохи Гомера, а также в латинском, готском и других. Литовский язык — ценнейшее

свидетельство истории европейских и некоторых азиатских языков. Но особо ценен он для истории славянских языков, в частности, русского, хотя сам не принадлежит к славянским (он вместе с латышским составляет балтийскую ветвь).

Откуда произошло, например, русское слово **рука**? На почве нашего языка мы этого объяснить не можем. Известно лишь, что в древности оно произносилось примерно как **ронка**. А литовский язык дает нам точное указание на первоначальный смысл этого слова: **ренка** значит собирает. **Рука** — это собирающая!

А слово **человек**? Литовский корень **кел** — поднимать, превратился на русской почве в **чел**. **Век** — корень слова **вайкас** — дитя. Буквально **растущий ребенок, поднимающееся потомство, поколение**. Таким образом, в основу названия человека положено понятие роста.

Лесные шорохи

Стройные сосны, теснясь друг к другу, ловят скудное тепло косых лучей осеннего солнца. Сегодня в лесу особенно тихо. Напуганная первыми холодами, вся живность куда-то попряталась. Но чу! Высоко в ветвях четко раздаются шорох. Белка? А может быть, поползень бегаёт по коре? Осторожно крадусь, чтобы не вспугнуть нарушителя тишины. Теперь шорох слышен прямо над головой. Смотрю вверх, но никого не вижу. Да там и нет никого. Ветер треплет чешуйки коры на высоких соснах. Они трепещут, вибрируют, и издали кажется, что лес полон жизни.

Упрямая

Иду березовой рощицей. Под ногами шуршит опавшая листва, кругом все голо. Но что это? Одна береза стоит в зеленом

Не следует думать, что слова **рука** и **человек** пришли в наш язык из литовского подобно словам **ендова**, **янтарь**, **Балтика**... Рука и человек — чисто русские славянские слова. Но в то же время корни у них литовские. Литовский не так близок к нам, как славянские языки: украинский, болгарский, польский.. Он как бы двоюродный брат, наш кузен, наш братан, говоря по-уральски.

Можно привести немало примеров слов, общих, унаследованных из древней сокровищницы и русским и литовским языками: **береза** — **бержас**, **волк** — **вилкас**, **сердце** — **ширдис**, **солнце** — **сауле**, **липа** — **лиепа**, **еж** — **эжис**, **сын** — **сунус**, **юный** — **яунас**, **озеро** — **эжерас**, **несу** — **нешу**, **быть** — **бути**, **ворона** — **варна**, **голова** — **галва**, **месяц** — **менуо**, **сестра** — **сесуо**.

Но есть слова совсем несхожие: **счастье** — **лайме**, слово — **жодис**, **завод** — **гамикла**.

Без основательной подготовки трудно перевести с литовского даже простую фразу: **Кур ту эйни?** — Куда ты идешь? **Эйну** и **кирпикла** — иду в парикмахерскую.

Нужен острый глаз и изрядный навык, чтобы понимать печатный литовский текст и тем более — выделять из него слова, полезные для истории нашего родного языка.

Почему, например, до революции слово **волк** писали с твердым знаком на конце: **волкъ**? Оказывается, **ъ** на конце обозначал существовавший когда-то, но затем исчезнувший звук. Сравним литовское **вилк-а-с**, греческое **люк-о-с**, индийское **врик-а-с**. Судя по этим данным, **волк** (древнерусское **вълкъ**) звучало в отдаленные времена, примерно, как **вулк-о-с**; корень **вулк-**, суффикс-**о-**, окончание **-с**.

Оказывается, звуки русского языка вовсе не были неизменны, постоянны в течение веков. Они изменялись, и об этом опять свидетельствует литовский язык, «живое ископаемое», если так можно о нем выразиться.

В глубокой древности в славянских языках не было звуков **ж**, **ч**, **ш**, **х**, **ц**, **щ**, **ы**. На их месте стояли другие: **жив** — литовское **гивас** (**г** изменилось в **ж** перед **и** и некоторыми другими гласными); **четыре** — **кетури**;

ухо — **аусис** (значит, **ч** вышло из **к**, а **х** из **с**); **цена** — **кайна** (**ц** из **к**): **скелети** — **колоть**; **сын** — **сунус**.

Таким образом, важность литовского языка для истории нашего родного — несомненная. Даже при изучении русских говоров, бытующих далеко от Литвы (например, уральских), он может пригодиться. Так, в говорах Пермской области есть слово **катораться** — **драться**, **котора** — **драка**, **ссора**. В литовском глагол **катарити** — **бить**. Этот родственный глагол выпал из общенародного словарного фонда, сохранился лишь в говорах. Полезен литовский язык и для расшифровки географических названий. Так, около Тулы течет река **Упа**. Откуда это название? Из литовского **Упе** — река. Значит, река называется просто: **Река** (таких случаев немало: **Дон** — тоже просто река, в переводе со скифского, **Обь** — вода, река).

Таков наш родич, хранитель языковой старины, литовский язык.

В. ЖИТНИКОВ

уборе. Почему же осень не властна над нею? Подхожу ближе. Это всего лишь высокий березовый пень. Прошлым летом в июне выпал обильный мокрый снег, и вершина дерева сломалась. Нынешней весной, когда все березы оделись в новый зеленый наряд, это дерево все еще стояло обнаженным. Где-то в середине лета сквозь кору во многих местах прорезались тонкие веточки, украсившиеся глянцевыми листочками. И вот теперь, глубокой осенью, в отместку за свою весеннюю наготу березка не хочет раздеваться.

Н. ЯКОВЛЕВ

НЕОБЫЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Что,
как,
почему?

Я работаю в Ергайском леспромхозе Томской области слесарем локомотивного депо. Очень люблю природу, охотник. Мне хочется рассказать об одном любопытном случае.

Зима прошлого года выдалась сравнительно мягкой. Но уже в октябре замерзли озера, а к началу ноября и Обь. В один из последних дней декабря на нижний склад привезли хлысты перестойлой дуплистой осины. Ее разрезали на дрова для школы. Когда дрова стали разгружать, то из дупла чурки, брошенной с двухметрового борта саней, выпала утка. Ребята отнесли ее в кочегарку. Спустя два дня я зашел посмотреть на нее и увидел утку-селезня породы шилохвость, спокойно разгуливающую по кочегарке. Была она очень тощая, с куцым выдерганным хвостом. С удовольствием ела хлеб, плавающий в тазике с водой, и купалась тут же. Прошел январь. Утка поправилась. С одной стороны она даже сменила окраску головы на весеннюю.

Меня интересует, как могла утка оказаться в дупле осины, вывезенной из тайги за 70 километров от Оби! Что ее заставило остаться на зимовку! Чем кормилась она в ноябре и декабре! Прешу на страницах «Уральского следопыта» ответить на мои вопросы.

К. Раздобреев

Отвечает доктор биологических наук Владимир Николаевич Павлинин.

Описанный случай можно считать беспрецедентным. Известно немало примеров необычных зимовок птиц, но такого еще не было. Возникает, естественно, масса вопросов: как и почему? Трудно восстановить все детали истории, можно

лишь предполагать. Прежде всего, утка по каким-то причинам лишилась способности улететь на зимовку (была больна, подранок). Держалась на воде или у воды, в районе делянки, где росли дуплистые осины, до той поры, пока морозы не сковали льдом последний водоем.

Самое странное, как птица оказалась в дупле: ведь шилохвости не связаны с деревьями, в отличие, например, от гоголей или мандаринок. Трудно поверить, чтобы утка залетела в него. Вероятнее всего, птица проникла в дупло снизу, с земли, если предположить, что осина была дуплистой до самого корня. Питаться утка могла зимующими тут же беспозвоночными животными.

В таежных районах, в местах сырых, деревья часто растут, словно поднимаясь на корнях, под которыми образуются пустоты, наполненные водой или грязью. (На Урале такие леса называют сограми). Корни покрываются мхом или другой растительностью, иногда появляется целая подушка из растений, закрывающая пустоты сверху. В те годы, когда осень теплая, а снег выпадает рано, земля долго не промерзает, особенно там, где есть родники. Возможно, так было и на том участке леса, где зима захватила несчастную утку. Она смогла, в поисках корма, посетить и дупла старых, перестойных осин.

И еще одно предположение: с осени утка была, вероятно, хорошо упитанной (шилохвости, как известно, этой особенностью отличаются). Это и позволило ей так долго продержаться в необычных условиях. Наверно, благоприятная температура была и в дупле, что снижало потребность в корме.

ПРОДАННЫЙ...

АППЕТИТ

...Эмиль Детуш, голодный и иззябший парижский безработный, стоя перед витриной, забитой дичью, рыбой и фруктами, твердо решил покончить с собой. В этот момент им заинтересовался «высокий и тучный господин с черной бородой и волосами, с одутловатым лицом, с огромным животом, еле помешавшимся в просторном, с трудом застегнутом пальто». То был один из богатейших людей Франции — король угля и железа мсье Ш.

Мсье Ш. накормил Эмиля Детуша роскошным обедом, во время которого изложил свое не совсем обычное кредо. «Есть — это высший долг. Все религии сделали из этого священный обряд: самая торжественная церемония католицизма — причащение, вкушение бога, тайная вечеря... Желудок — истинный бог человечества!»

Закончил мсье Ш. сенсационным признанием: «Я знаю благодетельное искусство заставлять других переваривать то, что я ем!» И предложил ошеломленному Эмилю Детушу за две тысячи франков ежемесячного дохода продать свою пищеварительную энергию. Совершенно так же, как рабочие продают свою мускульную силу, инженеры — интеллектуальную...

Что это? — удивится искушенный читатель. — Еще один рассказ фантаста-сатирика Ильи Варшавского? Но... не маловато ли новизны для нового рассказа? Ведь нечто похожее уже было, чуть ли не у того же Ильи Варшавского!

Повременим с ответом на этот вопрос. Покончим вначале с содержанием рассказа.

...Обрадованный Эмиль Детуш подписал контракт на пять лет. И началась новая жизнь! Увы, далеко не сладкая, как вскоре выяснилось.

Не различая ни запаха, ни вкуса, Детуш пе-

реваривал пищу своего хозяина. Большую часть дня он проводил отныне в дремотной истоме. Отвращение пресыщенного и бессильного человека ко всему, что живет, кричит, движется, постепенно охватывало его душу.

Детуш попытался было разорвать контракт. Но нотариус разъяснил ему, что это невозможно. «В цивилизованном обществе бедный существует не для себя, а для других...»

Отчаявшись, Детуш бросился в Сену. Но его спасли... и приставили к нему здорового верзилу-сторожа. Детуш вынужден был смириться и неотвратимо отупевать, без конца пережевывая пищу, которую не ел.

Но в конце концов — взбунтовался. Ускользнув от сторожа, которого предварительно напоил, Детуш проник к мсье Ш. и выстрелом в живот уложил его, после чего, явившись в полицию, без утайки поведал печальную свою историю.

Врачи-психиатры признали Детуша сумасшедшим. Его заперли в Шарантоне, знаменитом парижском сумасшедшем доме, и подвергли лечению душем и смирительной рубашкой. А мсье Ш. врачи спасли жизнь...

Таково содержание коротенькой фантастической повести, которая не могла быть написана Ильей Варшавским просто потому, что — в переводе на русский язык — появилась добрых 65 лет назад: она была издана в 1905 году петербургским книгоиздательством «Молот». Да, в переводе. Ведь автором «Проданного аппетита» был... Поль Лафарг. Один из первых марксистов, на заре современной социальной фантастики разглядевший ее огромную разоблачительную силу.

В. ГУБИН, И. ЧЕБАНЕНКО

НОВИНКИ

Владлен БАХНОВ.
Внимание: ахи!
М., Изд-во «Молодая гвардия», 1970. 256 стр.

Обитатели некоей планеты нашли безошибочный способ отличать подлинный шедевр живописи от подделки: они научились с математической точностью определять степень эмоционального воздействия произведений искусства. Но это безобидное и даже полезное, казалось бы, открытие вдруг обернулось самыми неприятными последствиями всепланетного масштаба...

Михаил БЕЛОВ.
Улыбка Мицара.
Хабаровск, Книжное изд-во, 1969. 255 стр.

Действие романа разворачивается в будущем. Освоена Луна, обжиты Марс и Венера, над Землей повисла новая, сотворенная руками человека Олимпийская планета. А впереди — Большой Космос. С его бесконечными пространствами, с его тайнами, неразгаданными сигналами, непознанными трагедиями...

Илья ВАРШАВСКИЙ.
Лавка сновидений.
Л., Изд-во «Советский писатель», 1970. 271 стр.

Четвертый сборник фантастасатирика. Читатель найдет здесь и пародию на современное мифотворчество, пытающееся представить Христа в качестве космического пришельца; и полемику с буржуазными социологами, видящими в тотальной автоматизации панацею от бед капиталистического строя;

и страстный спор с теми, кто бездумно стремится все кибернетизировать, не останавливаясь даже перед вмешательством в биологическую сущность человека.

Евгений ВОЙСКУНСКИЙ,
Исай ЛУКОДЬЯНОВ.
Плеск звездных морей.
М., Изд-во «Детская литература», 1970. 319 стр.

...Звезда Эпсилон Эридана издавна была под наблюдением земных астрономов. Лет семьдесят назад были приняты сигналы с одной из планет ее системы — Сапиены, Разумной, как ее тогда же называли. Но до сих пор земляне слишком мало знают о разумных обитателях Сапиены: одиннадцать лет идет сигнал туда и обратно! Вот если бы полететь к ним... Множество событий отделяет пилота-космонавта Улисса Дружинина от осуществления этой заветной его мечты.

Михаил ЕМЦЕВ, Еремей ПАРНОВ.
Ключья тьмы на игле времени.
М., Изд-во «Молодая гвардия», 1970. 383 стр.

Читатель встретится в романе со жрецами Древнего Египта, с алхимиками средневековья, с гитлеровскими эсэсовцами от науки, с куклуксклановцами. Но в каждом из эпизодов романа встретится читатель и с теми, кто противостоял мрачным толпам изуверов-фанатиков. «Метеорами в ночи» называет этих подвижников физик из будущего, своеобразную лабораторную тетрадь которого и представляет собою

новая книга известных советских фантастов.

Иван ЕФРЕМОВ.
Час Быка.
М., Изд-во «Молодая гвардия», 1970. 448 стр.

В предисловии к новой своей книге ведущий советский фантаст пишет: «...не наука и техника отдаленного будущего или странные цивилизации безмерно далеких миров сделались целью моего романа. Люди будущей Земли, выращенные многовековым существованием высшей, коммунистической формы общества, контраст между ними и такими же землянами, но сформировавшимися в угнетении и тирании олигархического строя иной планеты, — вот главная цель и содержание книги».

НА СУШЕ И НА МОРЕ.
М., Изд-во «Мысль», 1970. 621 стр.

Молодой ученый Джошуа Гало, работающий в области излучений коры головного мозга, создает «Откровение» — миниатюрный прибор для чтения чужих мыслей. И выясняет чудовищную истину: принципы, идеалы — все это у окружающих его людей оказывается «бесстыдной ложью, ложью во спасение единства между пауками в банке...».

Рассказ Э. Михеева и А. Пирожкова «Данайский дар» включен в традиционный раздел «Фантастика» очередной — десятой — книги художественно-географического сборника.

КАК СДЕЛАТЬ ЧУЧЕЛО ПТИЦЫ

Осенью при перелетах пернатые часто разбиваются о провода. Обычно ребята, если находят птиц, выбрасывают их. А напрасно: из них можно изготовить экспонаты, нужные школе.

Как же сделать чучело птицы? Для работы потребуются несложные инструменты — острые ножницы, пинцет, плоскогубцы, трехгранный подпил, скальпель или лезвие безопасной бритвы. Приготовьте также немного крахмала, паклю

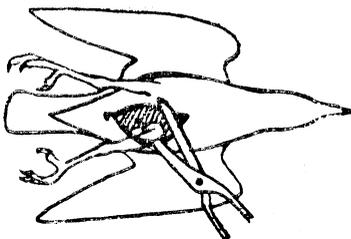

Рис. 2.

брюшины) от середины грудной кости до анального отверстия (рис. 1). Разрез слегка присыпьте крахмалом. Постепенно, придерживая край кожи на разрезе, пальцем или тупым концом скальпеля начинайте отслаивать ее от мяса. Теперь возьмите ножку птицы и выдвиньте ее в разрез так, чтобы показался коленный сустав. Перережьте ногу в колене, как показано на втором рисунке. Так же поступите с другой ногой. Теперь освободите основания хвоста, с двух сторон от ног, добиваясь, чтоб под хвостовую часть позвоночника можно было просунуть ножницы (рис. 3). Обрежьте хвост, оставив на шкурке 2—3 последних позвонка. Все разрезы, как и прежде, сразу же присыпьте крахмалом, чтобы не запачкались перья.

Затем птицу поставьте вертикально на грудь и кожу

«чулком» снимите со спины и груди. Помните, что ни в коем случае не следует ее тянуть. Осторожно отделите кожу от мускулатуры пальцами, как бы сдвигая в сторону головы. Крылья перережьте в местах их сочленения с туловищем и снимите шкурку с шеи. Потом с черепа. Тут кожа плотно прирастает около ушей и глаз. Поэтому, чтобы отделить ухо, захватите двумя пальцами кожу около него, как можно ближе к кости, и осторожно потяните. Она вытянется в форме мешочка. Конец кожи подрежьте скальпелем в основании глазничного кольца, и тогда она

Рис. 1.

(для крупных птиц еще и упакочную стружку), нитки с иголкой и мягкую проволоку. Алюминиевая не годится.

Прежде всего вложите в клюв препарированной птицы тампон из ваты. Все ранки на теле и запачканные перья засыпьте крахмалом. Только после этого надо снимать шкурку. Положите птицу на стол головой к левой руке, а правой раздвиньте перья посреди брюшка, обнажая кожу. Острым скальпелем или лезвием бритвы сделайте неглубокий разрез (надо стараться прорезать только кожу, не повредив

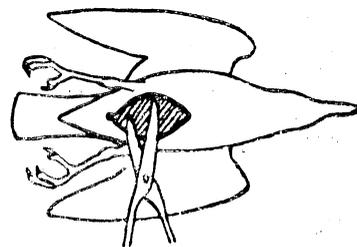

Рис. 3

снимается до основания клюва. Шею обрежьте в месте ее сочленения с черепом (рис. 4). Снятую шкурку очистите от оставшегося мяса и жира. А из черепа пинцетом удалите глаза, ножницами расширьте за-

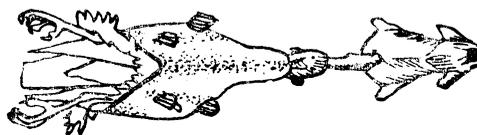

Рис. 4

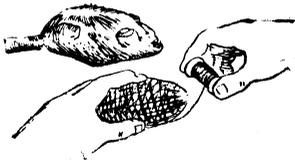

Рис. 5

Рис. 6

тылочное отверстие и удалите мозг. Срежьте всю мускулатуру, оставшуюся на челюстях, на костях крыльев и ног.

Очищенную шкуру натрите изнутри мелкой солью и отложите пока в сторону.

Приступим к изготовлению искусственной тушки. Скрутите из пакли или стружек плотный комок, а затем крепко обмотайте его нитками, добываясь

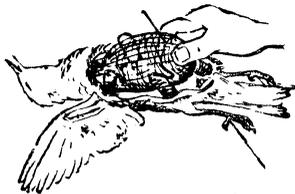

Рис. 7

Рис. 8

при этом сходства с мясной тушкой по форме и размерам (рис. 5). Из того же материала намазывают шею, делая ее не-

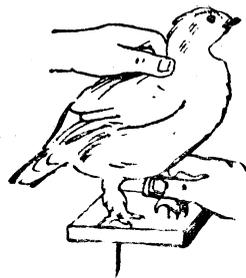

Рис. 9

сколько толще и короче натуральной (рис. 6). Теперь требуется 5 кусков проволоки, остро заточенных с обоих концов. Важно правильно подобрать ее толщину. Слишком толстая неудобна в работе, рвет кожу, а тонкая может оказаться слабой, и чучело будет непрочно стоять на подставке. Так, например, для вальдшнепа диаметр проволоки 1,5—2 миллиметра, для голубя — 2—3, для тетерева и утки — 3—4.

Каждый из приготовленных отрезков нужен для определенных целей. Главная осевая проволока — основание всего чучела. Ее длина равна длине птицы с небольшим допуском для укрепления черепа. Проволока для крыльев. По длине соответствует развернутому крылу птицы с допуском 10 сантиметров на укрепление в тушке. Проволока для ног. Длина равна всей конечности с допуском в 7—12 сантиметров на укрепление в тушке и подставке.

Насадив на осевую проволоку искусственную тушку и шею, укрепите ее конец в черепе, заполнив предварительно глазные впадины тампонами из пакли и обернув череп тонким слоем ваты. Шкуру птицы постепенно надевайте на шейную, затем туловищную

часть манекена, прокладывая паклей переходы между ними (рис. 7). Крыловую проволоку пропустите вдоль костей крыла. Один конец загните под крылом, второй — укрепите в тушке (рис. 8).

Ноги монтируются так: остро отточенную проволоку введите в подошву ноги и под кожей цевки пропустите до голени, затем протолкните ее дальше и примотайте нитками к кости. Голень вместе с проволокой обмотайте паклей, моделируя мускулатуру на ноге. На подготовленную модель ноги наденьте шкуру и закрепите ее в тушке. После того, как крылья и ноги закреплены, проволоочной шпилькой закрепляется хвост.

Теперь осмотрите свою работу. На зубу и по бокам получились неестественные впадины. Подбейте их паклей, чтобы линии фигуры были правильные и красивые. Зашейте шкуру от зоба по брюшку швом «елочка». Укрепите птицу на подставке, вставьте искусственные глаза (рис. 9). Чучело готово. Поздравляем вас с первой работой. Может быть, она не совсем совершенна, — не отчаивайтесь. Мастерство приходит с опытом.

Р. МАЛЫШЕВ, зоолог

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

**РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»
ГОТОВИТ К ПУБЛИКАЦИИ
В 1971 ГОДУ**

повести

«НАМ БЫЛО СЕМНАДЦАТЬ» Олега Павловского
«АДАМОВ КОРЕНЬ» Владимира Жемчужникова
«СТАРОСТЕНОК» Валентина Сафонова
«СИТЬ — ТАИНСТВЕННАЯ РЕКА» Анатолия Петухова
«ПОВЕТЕРЬ» Евгения Богданова
«ТЕ, КТО НЕ ВОЕВАЛИ» Льва Трутнева

приключенческую повесть

«НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ» Станислава Гагарина

научно-фантастические произведения

«ЗАВЕЩАНИЕ КАМЕННОГО ВЕКА» повесть Д. Сергеева
«ОСТРОВ ГОРИЛЛОИДОВ» роман Б. Турова

подготовлены документальные очерки

«ЦЕЛЬ — «АДМИРАЛ ТИРПИЦ» П. Бабоченка
«БЛУЖДАЮЩИЕ ДУШИ» Е. Овсянкина

в портфеле редакции имеются

«СИБИРСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АРАПА ПЕТРА I» историческая повесть

документальные очерки

«ЖИЗНЬ ВАСИЛИЯ КОЛОКОЛЬНИКОВА»
«В ПОИСКАХ КАРТИН ХУДОЖНИКА ЯРОШЕНКО»
«ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ В СОЛИКАМСКЕ»

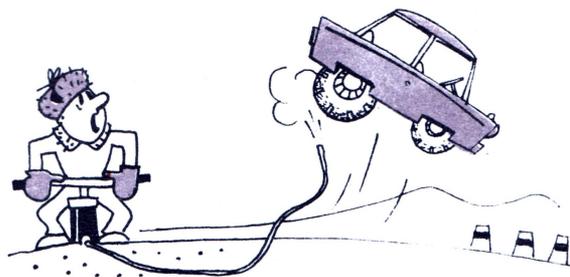
*рассказы и повести о новых открытиях и находках.
Широко будет представлена следопытская хроника.*

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

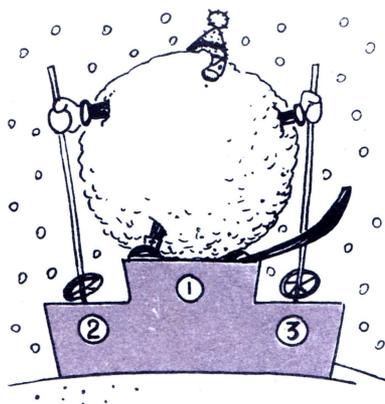
Технический редактор Э. Максимова. Корректор В. Бурангулсва.
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон 51-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 18303. Подписано к печати 8/IX 1970 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л. — 8,82 печ. л.
Уч.-изд. л. 9,17. Тираж 145 000. Цена 30 коп. Заказ 466.

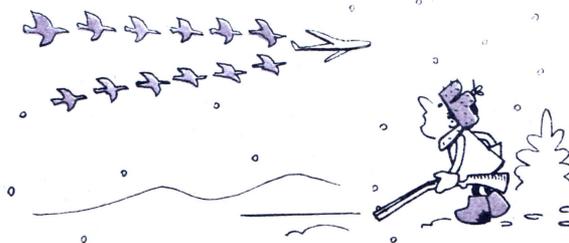
Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

Перекачал...

Когда минус 20...

Рисунки

А. Курицына

М. РОГОЖНЕВ

ПОСЕЛОК РЫБАКОВ

30 коп.

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ